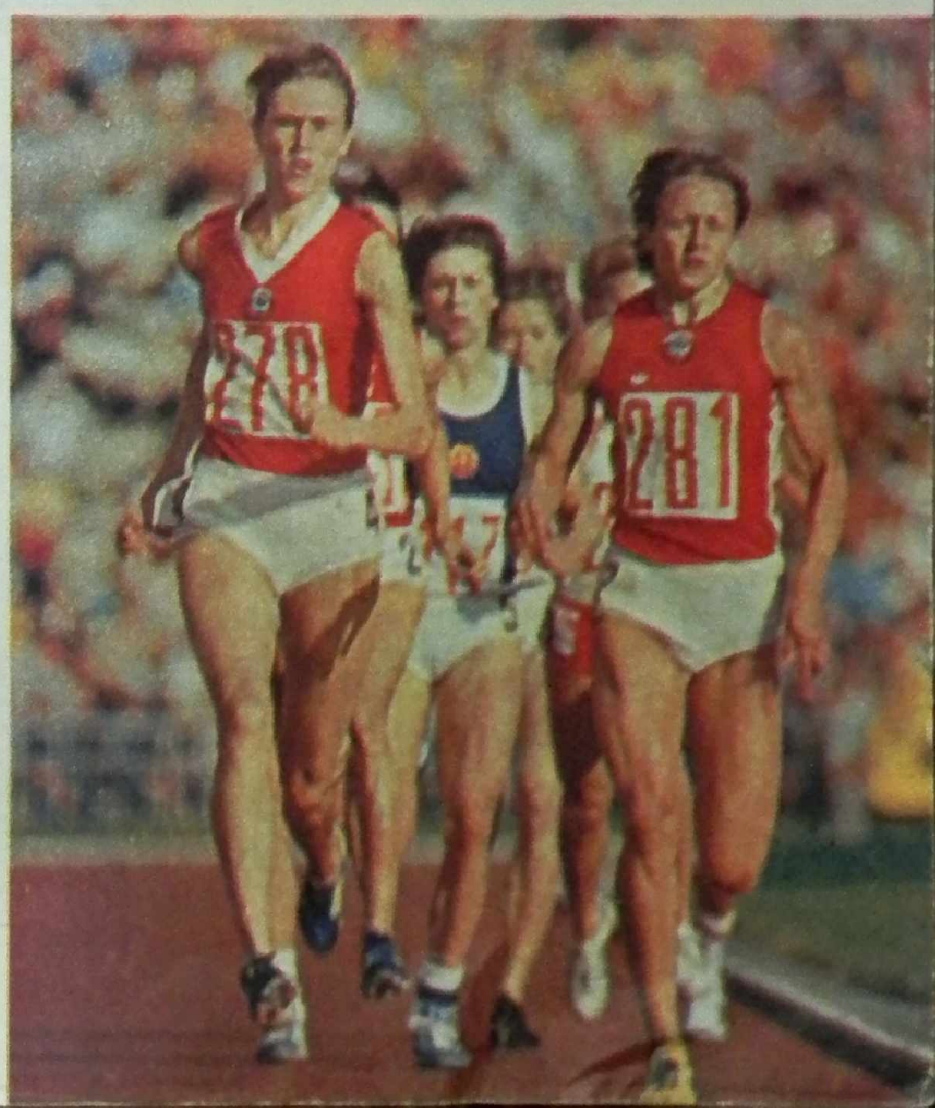
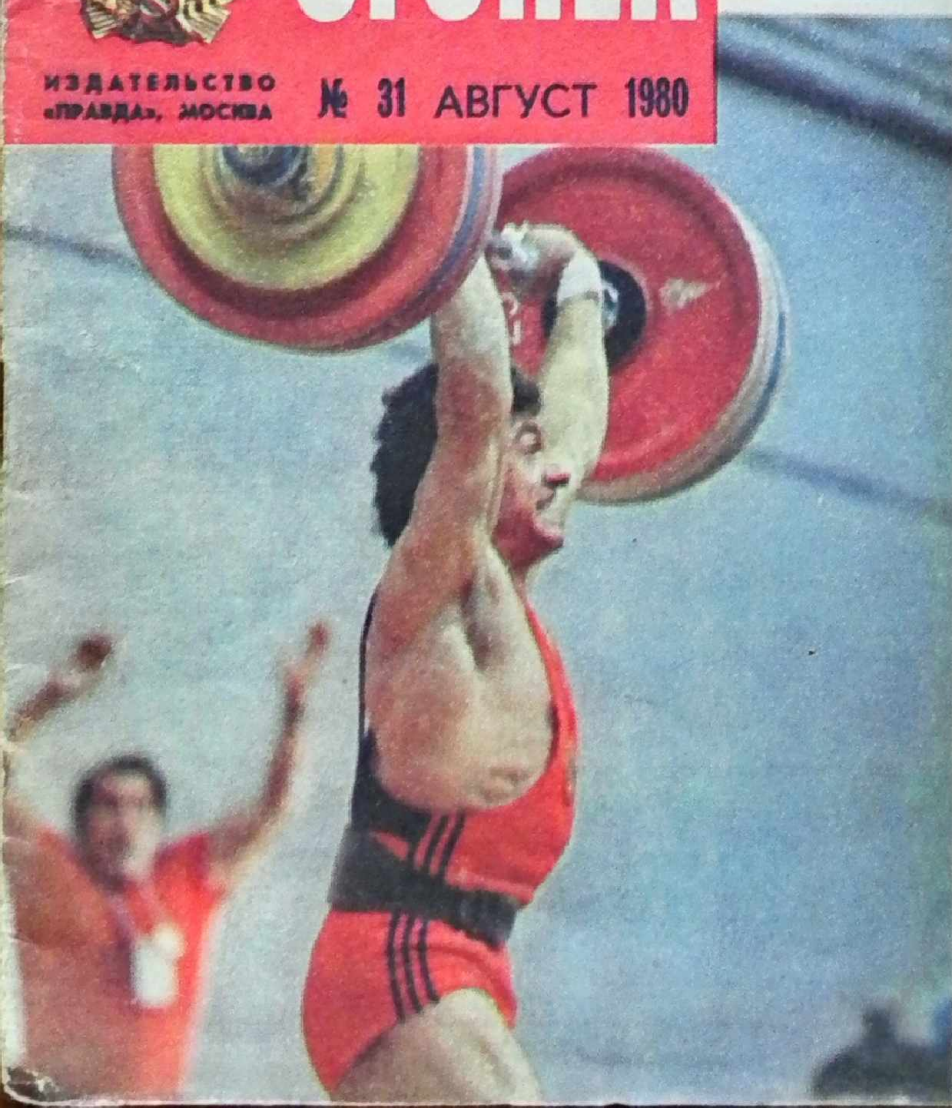
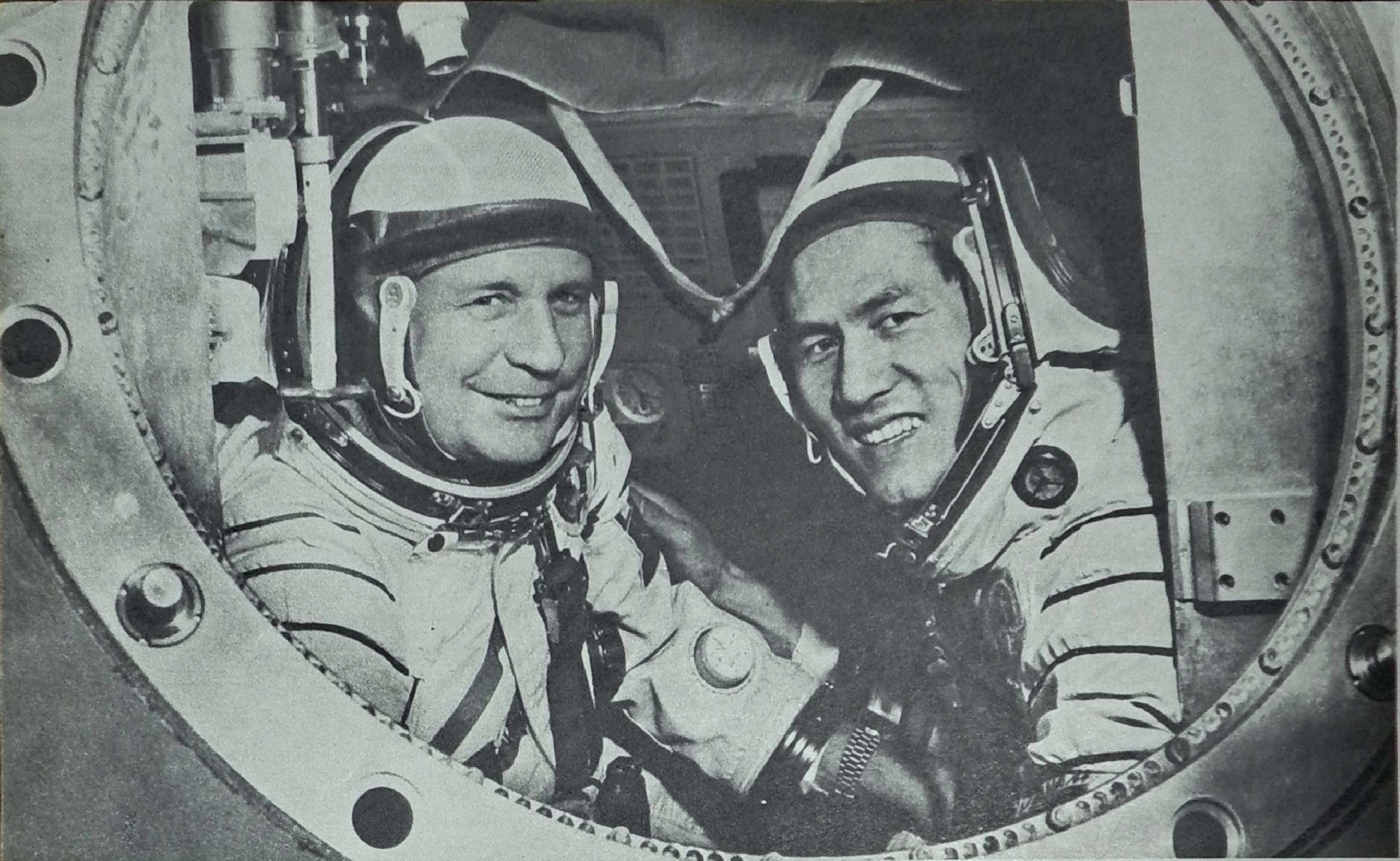

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 31 АВГУСТ 1980

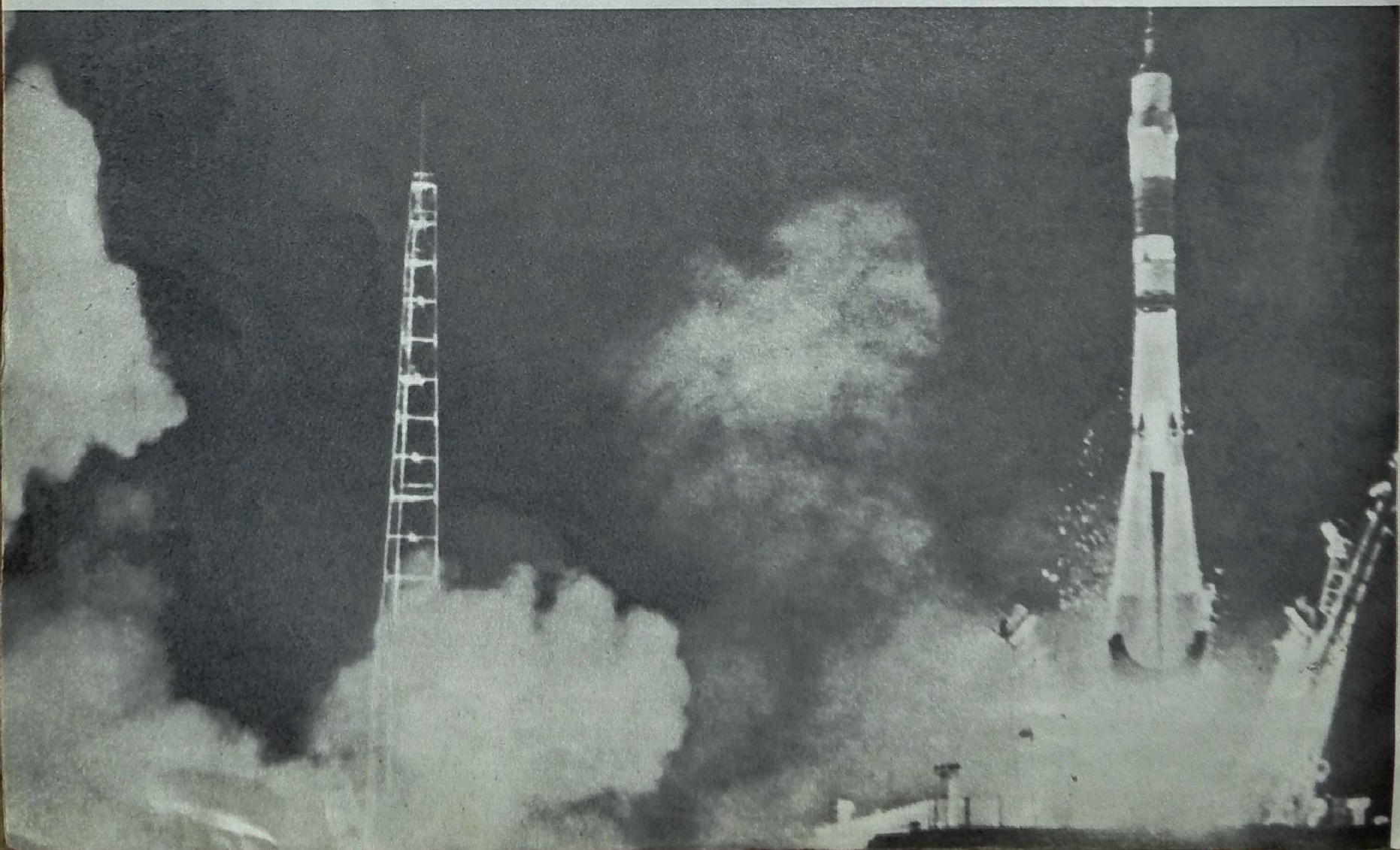

Международный экипаж космического корабля «Союз-37» — командир корабля, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. В. Горбатко и космонавт-исследователь, гражданин СРВ, Герой Социалистической Республики Вьетнам Фам Туан во время предполетных занятий в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

ТАКОЙ

Старт космического корабля «Союз-37».

Сбылось предсказание вождя вьетнамского народа Хо Ши Мина. В 1962 году он принимал у себя советского космонавта Германа Титова, расспрашивал его о полете, о советской технике. А потом Хо Ши Мин сказал, что верит — настанет такое время, когда и вьетнамская молодежь полетит в космос.

И вот такой день настал. На орбите впервые работает космонавт — представитель героического народа Вьетнама. И происходит это в то время, когда на Олимпиаде впервые выступают вьетнамские спортсмены.

Ночь на 25 июля. Утихли олимпийские страсти до утра, отдыхала Москва, а высоко-высоко над планетой шли важные события. Встретились и состыковались орбитальная станция «Салют-6», где более ста дней работают Леонид Попов и Валерий Рюмин, и прибывший с Земли корабль «Союз-37» с международным экипажем на борту: Виктором Горбатко и Фам Туаном, космонавтом-исследователем из Социалистической Республики Вьетнам.

2 часа 15 минут. Открывается люк станции, и Туан попадает в объятия хозяев. «От тебя Землей пахнет!» — кричит ему Попов. «Плыви сюда, Туан», — приглашает в «красный угол» Рюмин. Так на орбите начинается работа первого представителя первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян.

Тридцать пять лет этой республике, и тридцать из них вьетнамский народ — с оружием в руках...

Где-то учат детей
узнавать птиц по голосам,
различать аккорды музыки...
Мы учим детей узнавать
ревушие над головой
звуки бомбардировщиков.

Горькие стихи поэта Те Ла Вьена написаны как будто и о нем, о Фам Туане — первом вьетнамском космонавте.

— Сколько помню себя — рядом война, взрывы бомб над рисовыми полями, над деревней, где я родился и вырос. Школы у нас тогда как таковой не было. Приходил учитель, учил считать, писать. Я работал в поле вместе с сестрой и братьями, пас буйволов у реки Чали, — так рассказывает Фам о своем детстве.

Потом в соседней деревне организовали школу, один раз бомба упала совсем близко, вся дорога была в рваных воронках.

В седьмом классе, когда Фам собирался вступить в Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина, он услышал о Гагарине. Но Россия, Гагарин, космос — это так далеко, даже и представить себе нельзя, не то что мечтать об этом.

Наверное, мальчишки всего мира любят играть в войну и книги и фильмы любят о сражениях. Для вьетнамских мальчишек война была не игра, а жуткая реальность, когда рядом, прямо на глазах погибает старший брат и сосед. И какая же еще может быть цель,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 31 (2768)

2 АВГУСТА 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек». 1980

как не поскорее вырасти, пойти в армию, чтобы за все отомстить агрессорам!

Туану очень хотелось стать летчиком, бить этих ревуших в небе бандитов. Но был он маленьким, слабым, так как постоянно недоедал. Он очень боялся, что не возьмут его учиться в летчики. И действительно, после школы его взяли только лишь в авиационные техники. В училище было лучше с едой, Туан быстро выправился, окреп, занялся спортом, добивался и добился своего. И вот на медицинской комиссии ему сказали: «Годен». Он приехал в страну Гагарина, и советские летчики учили летать его на советских машинах.

Впервые далеко был его дом, впервые видел он большие города, снег, холодный и бе-

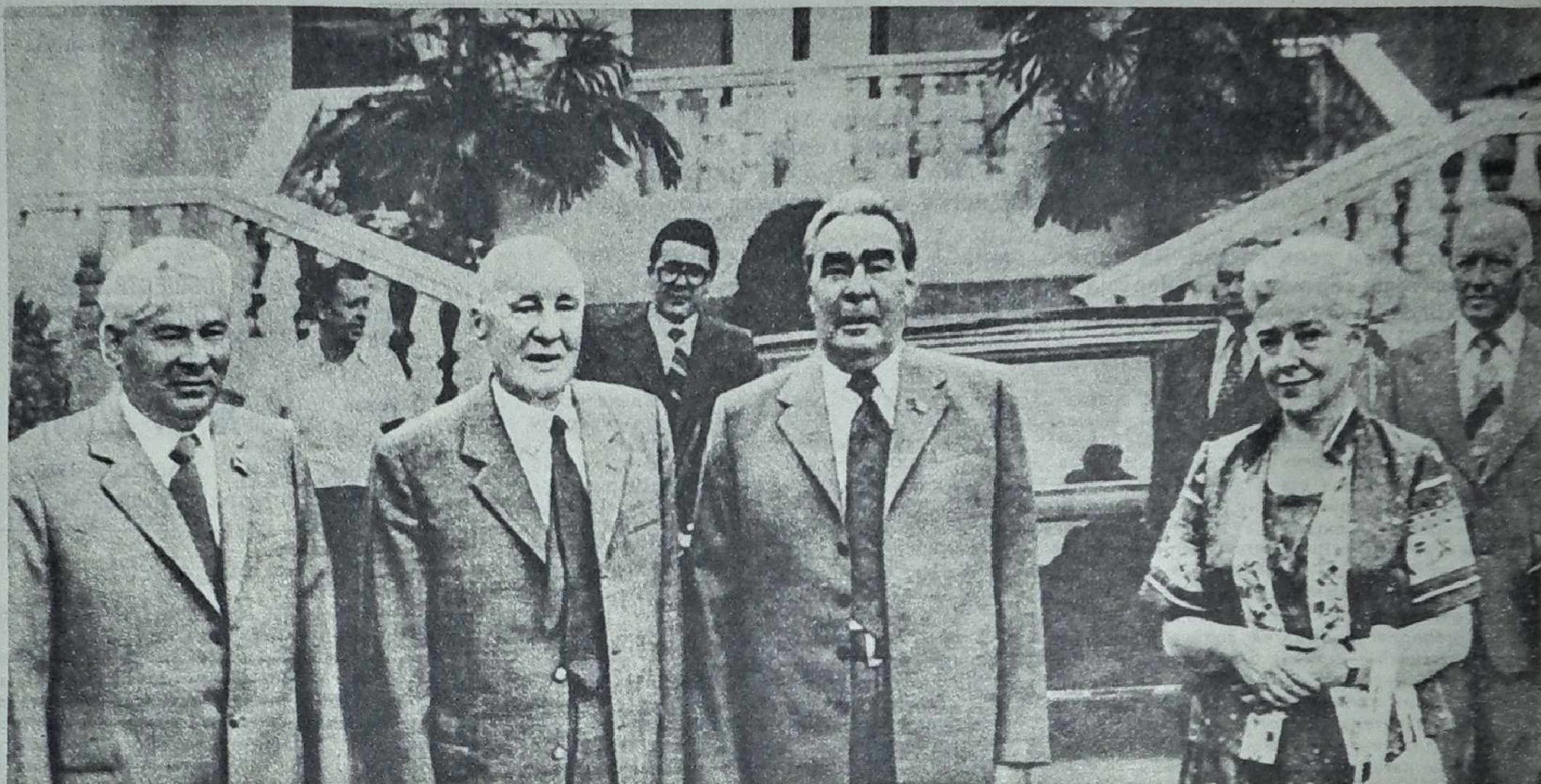
ДЕНЬ НАСТАЛ

На борту научно-исследовательского орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-36» — «Союз-37» работает международный экипаж.

Снимок принят по телекосмической связи (ТАСС)

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Я. КАДАРОМ

24 июля в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, прибывшим в Советский Союз на кратковременный отдых.

Л. И. Брежнев рассказал об активной подготовке партии и страны к XXVI съезду КПСС, о разработке проекта основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Я. Кадар проинформировал о проводимой в ВНР работе по претворению в жизнь решений XII съезда венгерских коммунистов, о мерах, принимаемых для совершенствования управления народным хозяйством, улучшения пропорций в национальной экономике.

В ходе встречи затрагивались узловые вопросы советско-венгерского сотрудничества.

Товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар обменялись мнениями по актуальным вопросам европейской и мировой политики. Они выразили убеждение, что разрядку вполне можно сбросить и упрочить. Испытанный путь к этому — углубление и расширение политического диалога и контактов между странами с различными социальными системами. Реальные возможности для улучшения положения в мире открываются, в частности, советские инициативы относительно проведения переговоров по ракетно-ядерному оружию средней дальности в Европе в органической увязке с американскими средствами передового базирования.

Л. И. Брежнев и Я. Кадар единодушно отметили жизненную силу и непреходящее значение для судеб мира в Европе и во всем мире Заключительного акта, принятого на совещании в Хельсинки пять лет назад. В соответствии

с политической направленностью этого документа Советский Союз и Венгрия твердо выступают за проведение встречи в Мадриде в деловом, конструктивном духе. Должны быть приложены энергичные усилия с тем, чтобы по всем разделам Заключительного акта в испанской столице удалось принять практические решения, нацеленные на углубление мирного сотрудничества, закрепление норм мирного сосуществования. Особый вес встрече в Мадриде придавало бы решение о созыве общеевропейской конференции по военной разрядке и разоружению.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Я. Кадара прошла в братской, сердечной атмосфере и характеризовалась полным единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Во встрече участвовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Иллюстрация: левый, как внутренность у тростника. Его окружала трудная, не поддающаяся произношению русская речь, слова хотелось говорить певуче, на шесть тонов, как привык дома. А в памяти жило самое яркое — тихий вечер у хлебного дерева, оно почитается как символ благополучия; там собирались соседи, Фам с мальчишками запускал в небо бумажного змея, он был большим мастером по этой части.

25 лет исполнилось как раз Туану, когда он с дипломом летчика-истребителя вернулся на родину. Его тогда сразу зачислили в полк «Красная звезда», «Из боя вернемся только с победой. Мы победим!» — таков был девиз полка.

Сейчас Туану тридцать три года. Смуглое сухое лицо. Жесткий иссиня-черный ежик волос.

— Слова лишнего не скажет, очень сдержан, — сказал о нем командир Виктор Горбатко, когда я пожаловалась на неразговорчивость Туана. — В работе самолюбив. На первых порах, говорю ему, тебе же положено ошибаться, подожди, оседлешь ты и эту технику, в народе у нас недаром говорят, что не боги горшки обжигают. Вижу, нет, все равно

переживает каждую ошибку, словно ему уже завтра в космос.

Когда я с ним впервые познакомился, он произвел на меня большое впечатление, — продолжает Горбатко. — Вошел я в кабинет к Алексею Архиповичу Леонову, а мой будущий воспитанник сидит в сторонке, а на груди Золотая Звезда героя и боевых орденов сколько! Я потом про его боевые дела у него по крупницам вытягивал.

Американские генералы хотели сровнять Ханой с землей. Каждую ночь налеты. У Туана так и шла служба: днем — короткий сон, теоретические занятия, а как ночь, так в небо. Много всякого вместили эти ночи. Раз возвращался с задания, топливо на исходе, шел на полевой запасной аэродром, а его, оказавшись, только-только разбомбили. Самолет уже коснулся земли, но угодил в воронку, машина задрала нос, перевернулась на брюхо, потом еще кульбит и встала. Да, счастлива оказалась его судьба — не только сам остался жив, но и машина уцелела. Утром разглядел, куда садился: сплошь воронки! Или еще эпизод. Через неделю, также ночью, шел Фам Туан с друзьями на задание: попробовать сбить «летающую крепость» — «В-52». Шесть американских лет-

чиков вели ее точно на Ханой с полной боевой нагрузкой в десять тонн. На высоте трехсот метров заметил двух «фантомов». Решил уйти, в бой не ввязываться. У него была более высокая цель. Набрал еще высоту. Вдруг сзади еще четыре «фантома». Маневр — ракеты с «фантомов» прошли мимо. И вот наконец рядом — огни летающего чудовища, которое он должен атаковать. До Ханоя всего сорок километров. Выбрал самое лучшее положение. Залпом сразу по две ракеты, а сам стремительно сбросил высоту — и в сторону, за горы. На землю летели обломки чужого самолета.

Потом летчик с «В-52» (это был первый сбитый над Вьетнамом американский бомбардировщик) просил показать ему, кто сумел его сбить, — ведь все они были уверены в неуязвимости своей машины. Увидел и удивился: «Этот мальчишка?»

Вьетнам потому и выстоял, что «эти мальчишки» так яростно сражались за свою свободу. Вот и жена Туана — Чан Фыонг Тиен, тоненькая, как веточка, маленькая, тихая. Из тридцати одного года своей жизни пятнадцать лет служила в армии. Там они и встретились, там и полюбили друг друга.

ВСТРЕЧА

Л. И. БРЕЖНЕВА

С Г. ГУСАКОМ

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

28 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился в Крыму с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, находящимся в Советском Союзе на отдыхе.

Состоялся взаимный обмен информацией об актуальных задачах, находящихся в центре внимания двух братских партий. Среди них важнейшее место занимают подготовка к XXVI съезду КПСС и XVI съезду КПЧ, идейно-политическая и организаторская работа по завершению пятилетних планов экономического и социального развития СССР и ЧССР.

В ходе беседы была дана высокая оценка достигнутому уровню советско-чехословацкого сотрудничества в различных сферах общественной деятельности: в политике, экономике, науке и культуре.

При обсуждении нынешнего положения на мировой арене было отмечено, что шумная атака, предпринятая империалистическими силами против социалистиче-

ских стран, начинает выдыхаться. Одна за другой проваливаются попытки изолировать Советский Союз политически и экономически. Вместе с тем серьезной угрозой для безопасности народов является стремление воинственных кругов Запада нарушить существующее равновесие сил, сделать ставку на достижение военного превосходства путем форсирования гонки вооружений.

В этих условиях особое значение приобретает неизменный и последовательный курс стран социалистического содружества на сохранение и углубление разрядки международной напряженности, четко выраженный в декларации недавнего совещания Политического консультативного ко-

митета государств — участников Варшавского Договора. В русле этого курса идут и последние советские предложения, направленные на укрепление европейской безопасности.

Участники встречи высказались за продолжение и развитие контактов на различных уровнях между государствами с различным социальным строем. В этом плане была подчеркнута полезность недавних переговоров Л. И. Брежнева с президентом Франции Жискар д'Эстэнном и канцлером ФРГ Г. Шмидтом.

Л. И. Брежнев и Г. Гусак заявили о решимости Советского Союза и Чехословакии поддерживать правое дело афганского народа, отстаивающего завоевания ап-

рельской революции. Они подчеркнули готовность своих государств содействовать политическому урегулированию обстановки вокруг Афганистана на основе предложений правительства ДРА.

Обменявшись впечатлениями о ходе XXII Олимпийских игр, участники беседы выразили удовлетворение тем, что Московская Олимпиада проходит в обстановке увлекательных товарищеских состязаний, отмечена многими выдающимися спортивными достижениями. Этот праздник спорта является ярким свидетельством неодолимой тяги молодежи мира к общению и дружбе.

Беседа прошла в обстановке сердечности и полного единодушия.

А сейчас с такой же истовостью, как во время войны, весь вьетнамский народ борется за восстановление народного хозяйства, за развитие науки, техники. Недавно начала действовать наземная станция телевизионной космической связи «Лотос». Между двумя столицами — Москвой и Ханоем — установлен надежный мост по передаче телевизионных, фото-телеграфных материалов.

Во Вьетнаме создан Национальный комитет по исследованию и использованию космического пространства, организуются лаборатории по космической физике, космической метеорологии, космической связи, дистанционному зондированию Земли.

«Нет непосильных, нет невозможных дел: только бы дух однажды не ослабел. Горы проплыть, создать на равнине моря впору народу, если упорен и смел», — писал в годы Соппротивления Хо Ши Мин.

Сам Вьетнам не строит стартовые площадки и ракеты, но уже имеет возможность подготовить свою собственную национальную программу участия в общем деле исследования и освоения космоса. Ему помогают надежные руки друзей из всех братских социалистических стран.

В Звездном городке, всегда был рядом с Фам Туаном ставший ему другом Виктор Горбатко. Надежный, требовательный и веселый товарищ. Ему уже сорок пять. И вот что интересно. Двадцать лет Звездному городку и двадцать лет Виктор Горбатко в Звездном, он из легендарного «гагаринского» набора. Лететь в космос должен был вслед за Быковым, но подвело тогда сердце, перетренировался, и вместо космоса — больничная койка. Очень переживал. Вылечился. Когда в 1969 году он стартовал, наконец, на «Союзе-7», друзья шутили: «Вот и последний из могикан полетел!»

Через восемь лет Горбатко успешно работал с Юрием Глазковым на орбитальной станции «Салют-5». Тогда они выполнили ряд таких экспериментов, которые вошли в историю космонавтики с отметкой «впервые».

Совершенствуется техника, отрабатывается новая методика. Тренажеры, учебные классы, тренировки на выживаемость в воде и в лесу — это Виктор Горбатко еще раз «проходил» уже вместе с вьетнамским товарищем.

— Туан так много занимался, был так влюблен, что я еще до экзаменов понял, что в полет с ним идти можно спокойно, он технику

знает, документацию и все операции по маневрам стыковки освоил, — рассказывал командир, — и тогда засели мы с ним за нашу научную программу...

А программа эта очень насыщена. За 7 дней — 24 эксперимента! Причем много таких, которые специально разработаны учеными Вьетнама для улучшения народного хозяйства страны.

Туан занимался тогда и вечерами, дома у Горбатко, а в комнату к Марине и Ире — дочерям хозяина, — тихо входила маленькая вьетнамская девочка Тхи Туан. Черные глаза, яркий бант и в руках большущий мишка. Я знаю — у нее должно быть, у нее будет иное детство, чем у ее родителей. Каждый день — мир и птицы, как сейчас здесь, в Звездном. И ее и тех малышей, которых в разных уголках ее страны назовут звонко — Вьет Со Ву — вьетнамо-советская космическая дружба. Для нас такие имена непривычны, но во Вьетнаме дают детям имя в честь знаменательных для страны событий.

Такое событие — работа первого вьетнамского космонавта на борту советской космической станции «Салют».

Возглавить всенародное предсезонное соревнование, направлять трудовую и политическую активность советских людей на решение конкретных задач хозяйственного и культурного строительства — первоочередная обязанность всех партийных, советских и хозяйственных органов, профсоюзных, комсомольских организаций. Успешное завершение плана 1980 года и десятой пятилетки в целом явится прочным фундаментом развития народного хозяйства в XI пятилетке, дальнейшего экономического и социального прогресса нашей страны.

Из постановления Центрального Комитета КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС».

Недавно в печати появилось сообщение о том, что в нашей стране впервые изготовлена электрическая турбина мощностью в миллион киловатт. Она будет работать на Южно-Украинской атомной электростанции. Вдумайтесь только, в одной турбине заключена мощность почти двух довоенных Днепрогэсов! Даже на Харьковском заводе имени Кирова, который смело можно отнести к числу лидеров мирового турбостроения, не смогли испытать ее на полную мощность — откуда взять столько пара?!

Досрочная сборка этой турбины — лишь одно из обязательств нашей бригады, взятых в завершающем году пятилетки. В последнее время мы изготовили «полумиллионники» для Кольской и Чернобыльской АЭС, сейчас готовим такие же для Ленинградской и Экибастузской электростанций. Вообще-то сдача каждой такой машины — большой праздник для нашей бригады. А для меня лично — и того больше. И не только потому, что я бригадир.

Дело в том, что, будучи делегатом XXV съезда партии, я сам голосовал за принятие Основных направлений развития народного хозяйства СССР на нынешнюю пятилетку. В них отдельной строкой предусматривался такой прирост мощности на атомных электростанци-

«МИЛЛИОННИКИ» ДЛЯ НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ях, который мог показаться смелой мечтой. И вот мечта сбывается.

Все машины, собранные моими товарищами по бригаде, получают государственный Знак качества. Это значит, до первого профилактического ремонта они будут работать не два, а три-четыре года, что даст 175 тысяч рублей экономии в год на каждой машине.

Готовясь к XXVI съезду КПСС, наша «товарищеская бригада», как мы говорим, взяла обязательства выполнить годовой план к 7 ноября, а план первых двух месяцев 1981 года — ко дню открытия съезда...

Почти сорок лет назад, осенью 1941 года, едва окончив ремесленное училище, я был эвакуирован в Сталинград. И первые свои рабочие навыки получил на заводе «Красный Октябрь», где трудился в цехе сборки грозных «катюш». На моих глазах солдаты принимали эти машины и уходили в бой, на моих глазах товарищи погибали у станков под разрывами бомб и снарядов. Поэтому я до сих пор с особой остротой ощущаю радость мирного труда.

Вот уже вторую пятилетку рядом со мной работает и мой сын Анатолий. У меня растут внуки, но стареть некогда! Ведь в следующей пятилетке, задачи которой будут обсуждаться

на съезде партии, нашей бригаде предстоит собрать больше десятка «миллионников»! И мы идем к съезду достойно, готовые выполнить миролюбивые планы партии и народа.

Иван ГОРБАТКО,
Герой Социалистического Труда

Харьков.

Фото М. ТУРА (ТАСС)

СЕРДЦЕ МОТОРА

Нет, наверное, москвича, который бы не знал станцию метро «Электrozаводская». Многие, конечно, догадываются, что она названа в честь электрического завода. Но где он, какой, что выпускает? Это знают далеко не все. Не знал и я, хотя «Электrozаводскую» проезжаю каждый день. Между тем, пятьдесят лет назад слава этого завода гремела на всю страну: о нем говорили на съездах партии, писали поэты, его продукцию с нетерпением ждали в Волгограде, Харькове и Горьком. Ждали и на предприятиях, выпускающих танки и самолеты.

Пятьдесят лет назад Серго Орджоникидзе назвал магнето сердцем мотора. В стране уже имелись заводы, производящие моторы, было на что эти моторы ставить: появились первые отечественные автомобили и первые тракторы. А магнето не было! Без искры, как известно, мотор мертв. Вот и приходилось оживлять моторы с помощью импортных магнето, а капиталисты требовали за них бешеные деньги.

В январе 1934 года на XVII съезде партии была поставлена задача: увеличить выпуск отечественных магнето и полностью прекратить импорт этой продукции. В конце того же года электrozавод рапортовал о выпуске 200 тысяч магнето! Это была победа, большая победа. Сохранились письма В. Чкалова и С. Леваневского, в которых они благодарят рабочих электrozавода за отличную продукцию. Стихи Безыменского, приказы наркомов, телеграммы участников автопробега через Каракумы, отмечающих высокое качество электрооборудования — все это славная история завода, который теперь называется АТЭ-1.

— АТЭ — это завод автотракторного электрооборудования. А номер нам сохранили первый, так как мы действительно первыми в

стране освоили выпуск этой важнейшей продукции, — говорит секретарь парткома И. Ф. Камзолов. — Много героических страниц в истории завода, но есть чем гордиться и нынешнему поколению — ведь мы выпускаем электрооборудование для таких автомобилей, как «ЗИЛ», «Москвич», «ГАЗ» и «Волга», для тракторов «Беларусь», «Кировец», а также для комбайна «Нива». Прошлые и нынешние достижения высоко оценены Родиной: в декабре 1979 года завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— А с чем вы идете к XXVI съезду партии?

— В недавно опубликованном постановлении ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС» говорится, что трудящиеся многих предприятий Москвы выступили с инициативой выполнить задание 1980 года к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, успешно завершить десятую пятилетку, обеспечить устойчивую работу в 1981 году. Наш завод тоже в числе этих предприятий. Достаточно сказать, что пятилетний план мы решили выполнить к 25 сентября и дадим сверхплановой продукции на 21 миллион рублей. Кроме того, мы будем продолжать реконструкцию завода, при этом не только не снижая, но, наоборот, наращивая выпуск стартеров, генераторов и другого электрооборудования.

А потом мы пошли в прессовый цех, где работает знатный токарь, лауреат Государственной премии СССР В. С. Смирнов. Валентину Сергеевичу всего сорок, а на заводе он уже двадцать четвертый год. Здесь работали его отец и мать, здесь работает и жена.

— Дети, наверное, тоже свяжут свою судьбу с АТЭ-1, — улыбается Валентин Сергеевич. — Пока они еще малы, но от меня и жены о заводе знают все. Работа у нас интересная, тонкая, ответственная. Заработки высокие. Условия труда и отдыха отменные. Так что работать можно. Я, например, закончил личную пятилетку к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Как член парткома завода и депутат Куйбышевского районного Совета народных депутатов я веду большую работу по

обмену опытом. Мало самому работать хорошо, надо, чтобы рядом, да и не только рядом, не было отстающих. Иначе просто нельзя. Ведь мы делаем сердце мотора. Не будет искры — останутся на приколе автомобили, тракторы и комбайны. Но такого не было и не будет! Искру мы гарантируем. Так что шоферы, трактористы и комбайнеры могут работать спокойно.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Москва.

Фото А. КОЗЬМИНА

Завод АТЭ-1.

Сейчас в Соединенных Штатах о Ближнем Востоке, особенно о районе Персидского залива, пишут как о потенциальном театре военных действий. Сообщения информационных агентств напоминают военные сводки: «Отряд из пяти десантных кораблей США с 1800 морскими пехотинцами следует к берегам Ирана...» «Вертолетоносец «Гуадалканал» (на его борту находится именно тот тип вертолетов, которые были использованы в недавнем налете на Иран) идет на соединение с авианосцем «Констеллейшн»... Стратеги Пентагона уже разрабатывают сценарий «нефтяной войны», то есть войны по захвату нефтяных источников Ближнего и Среднего Востока, а кандидат в президенты на нынешних выборах от республиканской партии Рональд Рейган даже чертит контуры будущей «линии фронта» — где-то в песках Саудовской Аравии.

Так военные конвульсии всякий раз передергивают Соединенные Штаты, когда события фокусируются на районе Персидского залива. А события там развиваются в опасной плоскости. Они имеют свою историю и, естественно, корни, из которых произросло колючее дерево противоречий, охвативших сегодня район Ближнего и Среднего Востока. Если несколько десятков лет назад в международной терминологии понятие «к востоку от Суэца» означало английское проникновение в Индию и далее на восток, то сейчас этот рубеж перешагнули американцы. Перешагнули более размахисто, расставив на бывших караванных путях армады своих военных кораблей и превратив некогда необитаемые острова в свои военные базы.

Район Ближнего и Среднего Востока отмечен в планшетах империалистических генеральных штабов особыми стрелами. Его рассматривают не только как важнейший рубеж, где сходятся африканский и азиатский материки, но главным образом в качестве богатейшей «нефтяной кладовой» Запада. Отсюда караваны танкеров, загруженные нефтью, держат путь к берегам Японии, Западной Европы и к американскому континенту.

Причем, становясь активно, так сказать, «физически», зависимыми от ближневосточной нефти, Соединенные Штаты не желают строить отношения со странами-производителями «черного золота» на равноправной, взаимовыгодной основе. Они стремятся подчинить их диктату своих монополий и строят планы военного захвата чужих нефтеисточников. Отсюда и наращивание военной мощи в Персидском заливе и прилегающих к нему районах, отсюда и всякого рода доктрины о «захвате» выборочных нефтепромыслов или о том, что США должны всегда быть готовы «вести полторы войны», хотя место всем этим доктринам, по выражению Уильяма Помрой из «Лейбор мансли», — «лишь в музее исторических фиаско».

Сейчас, когда концепция американских стратегов создать це-

лую сеть «государств-марионеток» — этой, как пишет тот же У. Помрой, «опоры американских межнациональных монополий», — дала трещину с падением шахского режима в Иране, США меняют свою тактику, делая основной упор на наращивание своих собственных сил в районах нефтяных Эльдorado. Вместе с тем они продолжают сколачивать «мини-блоки» и выковыривать всякого рода оси наподобие оси «Вашингтон — Тель-Авив — Каир».

Американские флоты, находящиеся в Средиземном море, в Персидском заливе и Индийском океане, по замыслам генералов Пентагона, призваны как бы «взять в клещи» нефтяные районы. Уже сейчас над ними осуществляют постоянное патрулирование американские военные самолеты «Локхид-С-72». Как указывал Фарис Глаб в «Мидл Ист ин-

бороудящих воды океана, и еще одно новшество — крупные транспортные танкеры. Это своеобразные «суда-базы», «плавучие острова», на которых постоянно будут храниться запасы боеприпасов, снаряжения, топлива, продуктов, предназначенные для нескольких эскадрилий и специальной бригады численностью в 12 тысяч человек.

Поступили сообщения и о том, что США удалось заполучить новые военные плацдармы на западном фланге Индийского океана. Султан Омана, расположенного у важной стратегической артерии — Ормузского пролива, этого входа в Персидский залив, заявил, что «предоставляет США военные базы». В конце июня был парафирован договор США с правительством Кении. Согласно его положениям, последняя в обмен на экономическую помощь предоста-

гут быть объектами крупного расквартирования, поэтому и необходимо заполнить вблизи Ирана, Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива целые «государства-базы». Их аэродромы, порты должны быть всегда открыты для американских самолетов и кораблей. На территории этих стран следовало бы разместить не отдельный военный персонал, а целые американские дивизии с самолетами, танками, артиллерией.

Таков сценарий, написанный в стенах Пентагона. А кто же его действующие лица, помимо Соединенных Штатов? Вашингтон отдал роль «государств-баз» Израилю и Египту — двум странам, находящимся в «идеальной близости от ближневосточной нефти».

Бронированный кулак, который занесли сегодня Соединенные Штаты над регионами Ближнего и

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

ТЕНЬ «ФАНТОМОВ» НАД БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

тернэшнл» со ссылкой на бюллетень «Араб Пресс сервис», «около 14 самолетов летают поочередно круглые сутки над Синаем. Кроме того, в радиусе примерно 300 миль они охватывают зону Красного моря и далее».

Одновременно на Персидский залив и прилегающие к нему районы нацелены военно-воздушные силы США, находящиеся на базах в бассейне Средиземного моря, а также на базе Масира в Аравийском море и Диего-Гарсиа в Индийском океане. Последняя была значительно модернизирована в последние месяцы, и сейчас там, как пишет еженедельник «Африка-Ази», базируются самолеты «В-52» — «летающие крепости». Остров, подчеркивает еженедельник, превращен «в центр новой военной системы США в Индийском океане». А она включает в себя, помимо самолетов, находящихся на Диего-Гарсиа, авианосцев, крейсеров, подводных лодок,

вит возможность американским войскам использовать порт Момбасу и ряд аэропортов, в том числе и аэропорт в Найроби.

Но всего этого, как показывают последние события, оказывается мало Соединенным Штатам. Их уже не устраивает только присутствие американских кораблей на морях и океанах, самолетов на военных базах. Они стремятся расширить «жизненное пространство» для своих вооруженных сил. Пентагон разработал новую стратегическую концепцию, которая сводится примерно к следующему: поскольку территория США находится в нескольких тысячах километров от Ближнего и Среднего Востока и для доставки туда вооруженных сил требуются огромные транспортные средства и значительное время, надо «приблизить» американские соединения к нефтяным источникам. Существующие базы — та же Масира в Аравийском море — не мо-

Среднего Востока, — серьезная угроза национально-освободительным процессам, народам арабских и других стран. Рейд на территорию Ирана, хотя он и осуществлялся под видом «освобождения заложников», фактически был той «разведкой боем», которую США провели на «нефтяных рубежах» Среднего Востока.

...Один из последних номеров американского журнала «Ньюсуик» вышел с весьма символической обложкой. На ней изображена карта района Персидского залива и Индийского океана, которую накрывает американский «Фантом» — этот посол экспансии на Ближнем Востоке. Правда, надпись, которой сопровождал этот монтаж «Ньюсуик» — «защищая нефтяные источники», — требует серьезной коррекции. Нет, не «защищая», а угрожая чужим природным богатствам, распластал над Ближним Востоком свои крылья американский «Фантом».

Мария Каридад Колон (Куба). Олимпийская чемпионка по метанию копья.

Бег на 10 000 метров. Впереди два эфиопских стайера — Мирус Ифтер (№ 191) и Мохаммед Кедир (№ 178).

ВДОХНО

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Олимпиада — это не только спортивные соревнования, но и головокружительный водоворот цифр, который без устали и передышки обрушивают на наши головы электронно-вычислительные машины АСУ. Каждый день мы вынимали из наших персональных журналистских боксов информационный бюллетень размером в газету «Известия», объемом в десять страниц, под красноречивым названием «Старты и результаты». Цифры АСУ очень помогали нам разобраться в событиях, и язык информационного обеспечения Олимпиады был иногда красноречивее слов. Так, мы узнали, что на соревнованиях XXII Олимпиады только за первые восемь дней установлено 30 мировых и 52 олимпийских рекорда, что спортсмены 30 стран стали победителями и призерами Олимпиады.

Только факт — не больше того. Но эти несколько цифр напомнили нам о том, какие усилия прилагали враги Олимпиады, чтобы сорвать ее. Ведь они утверждали, что без спортсменов США, Японии, ФРГ, Канады Игры обречены на неудачу, что ее медали будут шоколадными. И вот теперь, еще до окончания Олимпиады, уже всем ясно, что если Картер мечтал о лаврах римского императора Феодосия I, запретившего древние Олимпиады, то его постигло полное фиаско. Сотни миллионов людей с восторгом и все нарастающим интересом следят за событиями, развивающимися на московских аренах. Но даже после первой, поистине триумфальной недели Олимпиады инициаторы бойкота не оставили своих попыток хотя бы застопорить ее победный ход. Так, телевизионная компания Эн-би-си, которая намеревалась каждый день передавать по десять часов репортажи из Москвы, ограничилась одним десятиминутным сообщением. Любители спорта в ФРГ должны были ездить в приграничные городки, чтобы там смотреть спортивные передачи из ГДР, а некоторые из журналистов США и ФРГ, все же приехавшие в Москву, умудрились писать о чем угодно, но только не об олимпийских соревнованиях.

Нам, советским спортивным журналистам, знакомо большинство наших зарубежных коллег, ведь нам не раз приходилось сидеть с ними рядом на многих международных соревнованиях, но нынче в главном пресс-центре и в ложах прессы на многочисленных аренах то и дело бросались в глаза совершенно неизвестные лица. Многие из этих «новичков» спортивными событиями интересовались меньше всего, и пущенные ими по ветру «утки» не раз «препарировались» на ежедневных пресс-конференциях.

А вот как оценил Игры XXII Олимпиады Генеральный секретарь Французской компартии Жорж Марше в своей статье, опубликованной

ОЛИМПИАДА ЕСТЬ, ОЛИМПИАДА БУДЕТ!

Олимпийские игры, с самого момента их основания, несли в себе идею гораздо более глубокую, нежели только состязания в скорости, ловкости, силе. Это идея дружбы и извечного стремления к миру, идея пробужде-

ния в человеке всего самого светлого и доброго и развитие этих прекрасных его качеств.

Организаторы первых Олимпиад были бы наверняка удивлены и даже шокированы, если

бы им довелось вдруг узнать, что спустя много столетий, в просвещенном двадцатом веке, может возникнуть ситуация, когда спортсмены — лучшие атлеты своих стран — окажутся жертвами политических интриганов.

Первые попытки бойкота Олимпийских игр в Москве начались в 1976 году и постоянно усиливались по мере их приближения. Когда оказывались бессильными пропагандистские приемы, в ход пускались административные меры воздействия на спортсменов. Мушкетировалась даже идея о так называемых «альтернативных играх». Но настолько бесплодной и непопулярной она оказалась, что даже от термина «альтернативные» поспешили отречься. Но не успокоились. И наспех организовали соревнования в Филадельфии 16—17 июня,

ВЕННИЕ ПОБЕД

в газете «Юманите диманш»: «Расцвет достижений и рекордов, который происходит на Олимпийских играх, является общим достоянием человечества».

Как прекрасно сказано! Да, XXII Олимпийские игры принадлежат всему человечеству, и то, что они дали, не так-то легко обозреть. Слишком огромны их итоги.

21 вид спорта включен в программу Олимпиады, и все эти виды равны между собой, у каждого из них есть свои знатоки, свои любители, свое славное прошлое и не менее славное будущее. Но в олимпийской партитуре все же есть два главных опорных стержня — плавание и легкая атлетика. Это самые разветвленные и потому самые «прибыльные» виды спорта: ведь плавание приносит 26 комплектов наград, а легкая атлетика — 38. Сложите вместе эти две цифры, и вы получите около четверти всего призового фонда (в нем содержится 203 комплекта медалей). Вот почему в программе современных Олимпиад спорт № 1 и спорт № 2 рассеяны с таким расчетом, чтобы они полностью не совпадали по срокам проведения. Если первая олимпийская неделя была отдана пловцам, то вторая — бегунам, прыгунам и метателям.

Даже сейчас, когда вспоминаешь уже отбывавшие споры на водных дорожках, голова идет кругом. Ведь за неделю в бассейне было установлено 10 мировых рекордов и 22 олимпийских, улучшено 230 национальных рекордов. Пройдет немало времени, пока будет проведена тщательная «инвентаризация» всех этих богатств, а пока просто хочется вспомнить главных героев бассейна, и прежде всего нашего Владимира Сальникова, который уже на третий день соревнований, выступая на дистанции 1500 метров вольным стилем, доказал, что уровень Олимпиады не может снизить отсутствие пловцов США.

...Владимиру Сальникову было 16 лет, когда на Олимпийских играх в Монреале он встретился на дистанции 1500 метров со знаменитым американским пловцом, обладателем мирового рекорда Брайаном Гуделлом. Тогда Гуделл победил, завоевал олимпийское первенство, а Сальников занял лишь пятое место. Но у молодого советского пловца появилась желанная цель — победить не только Гуделла, но и его мировой рекорд. Еще дважды встречались два пловца — в Ленинграде и в Лос-Анджелесе, и оба раза Сальников был вторым. Но юноша рос, добивался успехов на других дистанциях — 400 и 800 метров и ждал встречи с Гуделлом в Москве. Как же велико было разочарование Владимира Сальникова, когда он узнал, что американец не сможет участвовать в Олимпийских играх. И вот как ответил на это советский пловец: он победил Гуделла заочно, проплыв в борьбе с сильнейшими спортсмена-

ми мира 1500 метров за 14 минут 58,27 секунды. Гуделл мечтал «выплыть» из 15 минут, но удалось это не ему, а Владимиру Сальникову. А после этого мы еще дважды поздравляли Сальникова с великолепными победами: он завоевал золотую медаль на 400 метров вольным стилем и принял участие в эстафете 4×200 метров вольным стилем, которая завершилась победой советских пловцов.

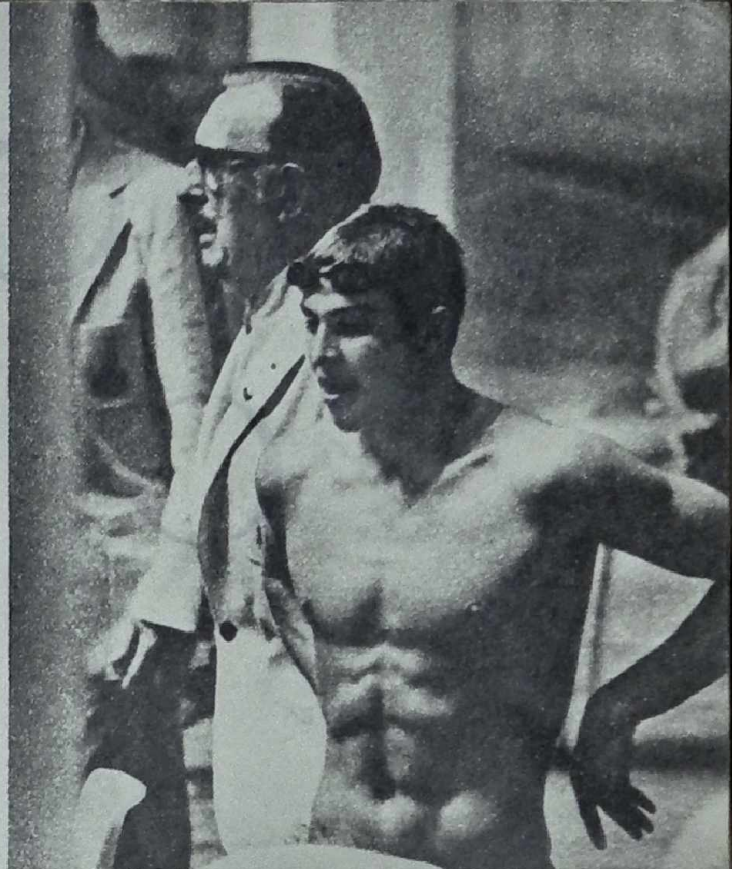
До московской Олимпиады пловцам СССР не удавалось завоевывать золотых олимпийских медалей, теперь вслед за Фесенко и Сальниковым на верхнюю ступеньку пьедестала почета поднялись их товарищи: Сергей Копляков, Андрей Крылов, Ивар Стуколкин, Александр Сидоренко, Робертас Жулла.

И вот «водная» неделя позади. Она была ознаменована исключительно яркой борьбой не только у мужчин, но и у женщин, где на голову выше других оказались спортсменки ГДР. Если у пловцов золотые медали завоевывали спортсмены Австралии, Великобритании, Венгрии, Швеции, то спортсменки ГДР лишь дважды уступили верхнюю ступеньку пьедестала почета.

Как мы и предполагали, олимпийская команда Германской Демократической Республики оказалась всесторонне сильной, и самых больших успехов она добилась в бассейне и на гребном канале в Крылатском, завоевав там одиннадцать золотых медалей по академической гребле. Правда, главными соперниками гребцов ГДР, почти во всех заездах были наши спортсмены, но в гребном спорте серебряные медали для нас небольшое утешение.

Наши гребцы заставили нас немало огорчаться, но мы были утешены успехами их соседей по олимпийскому алфавиту — гимнастами. Гимнасты выступали в те же дни, что и гребцы, и доставляли многочисленным зрителям, заполнявшим до отказа Дворец спорта, огромное удовольствие. Командное первенство мужчин в борьбе с гимнастами ГДР завоевали молодые советские гимнасты во главе со своим лидером Александром Дитятиним, ставшим абсолютным олимпийским чемпионом. Нашей женской команде пришлось выдержать труднейший спор с гимнастками Румынии и ГДР, но в конце концов он окончился вполне благополучно. Юная Елена Давыдова, дебютировавшая в олимпийской сборной, в борьбе со знаменитой румынской гимнасткой Надеждой Команечи и гимнасткой из ГДР Макси Гна-

Окончание на стр. 32.

Трехкратный олимпийский чемпион по плаванию Владимир Сальников.

Мария Филатова поздравляет свою подругу по команде, завоевавшую абсолютное первенство, — Елену Давыдову.

разослав приглашения на них в семьдесят стран. Откликнулись спортсмены лишь 14 государств.

Те спортсмены, которых лишили возможности участвовать в грандиозном празднике мира и спорта, оказались в положении потерпевших.

— У меня какое-то чувство пустоты, — говорит член женской сборной США по волейболу Дзбби Лэндзэт. — Думаю, оттого, что мои цели не осуществляются.

А вот слова другого американского спортсмена, 21-летнего пловца, мирового рекордсмена по плаванию на дистанции 100 и 200 метров вольным стилем, Роуди Гейнса: «В 1984 году я буду уже слишком стар».

Президент международной ассоциации лю-

бительского бокса американец Д. Халл заявил в Москве репортерам: «Мне очень жаль, что здесь нет американской команды боксеров».

...А Олимпиада идет своим чередом. Действительность опровергает все самые мрачные прогнозы ее противников. В олимпийской Москве многие туристы были приятно поражены тем, что черные краски, которыми пользуются их средства массовой информации, не соответствуют действительности. Международное олимпийское движение всегда пользовалось в нашей стране искренним уважением и неизменной поддержкой. Советский Союз провел подготовку к Олимпиаде в точном соответствии с правилами и положениями Олимпийской хартии, олимпийскими традициями.

«Церемония открытия Игр была одним из

самых впечатляющих событий, свидетелем которых мне довелось быть», — сказал бизнесмен из Филадельфии Макс Хелмс.

Много восторженных слов уже сказано как в адрес организаторов Олимпиады, так и о высочайшем классе большинства спортсменов, принимающих в ней участие. Высказывания одно ярче другого: «Олимпиада — конвейер рекордов», «Золотой дождь наград» и другие. Многие туристы, судьи, спортивные деятели, журналисты, приехавшие из США, Японии, ФРГ и других стран — участники пресловутого бойкота, выражают глубокое сожаление по поводу того, что их национальные федерации поддались нажиму правительства.

А. СОКОЛОВ

ПЕСНЬ О РОДИНЕ

Н. МИХАЙЛОВ

Все содержание творчества Бориса Валентиновича Щербакова можно определить одним словом — Родина.

Он любит писать пейзажи. Подернутые дымкой Кижы — олицетворение мудрости, бессмертия, изумительного мастерства российских мастеров. Донские бесконечные просторы — «все это — настоящая правда», так сказал об этих картинах М. А. Шолохов. И как напоминание о великой истории — Суздаль, Ростов Великий, Красная площадь столицы, могучие волжские просторы.

Борис Валентинович создал обширную галерею портретов современников — строителей и колхозников, ученых, артистов, писателей, героев Великой Отечественной войны.

Нельзя не сказать с благодарностью о многолетних трудах художника, посвященных именам, столь близким и любимым народом, — А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, Л. Толстого, М. Шолохова. Помню, с каким огромным интересом были встречены зрителями работы Б. Щербакова, в которых он с такой поэтичностью и мастерством воспеет Михайловское, Ясную Поляну, Тарханы, Тихий Дон. Каждая серия состоит из множества полотен. В пейзажах Михайловского все пронизано поэзией Пушкина — и картины весеннего пробуждения природы, и березы на берегу, и убегающая вдаль река.

Ясная Поляна. Сколько чудесных часов провели мы здесь с художником, сколько было необыкновенно ярких рассказов... И теперь, по прошествии многих лет рассматривая великолепно исполненные мастером пейзажи, невольно вспоминаешь страницы «Войны и мира», «Анны Карениной».

Два года назад он впервые побывал в лермонтовских Тарханах, старинном русском селе в Пензенской области. «Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь), у бабушки...» — писал поэт в январе 1836 года своему другу С. А. Раевскому. Здесь он создал свою первую поэму «Черкесы», драму «Два брата», поэму «Сашка», стихотворение «Умирающий гладиатор». Без Тархан нельзя представить творческую историю «Бородина», стихотворений «Когда волнуется желтеющая нива...», «Родина», «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Начиная работу над серией пейзажей, связанных с именем М. Ю. Лермонтова, художник прежде всего принялся за изучение литературных источников. На стол легли биографии Михаила Юрьевича, написанные разными авторами, — начиная с первого биографа Висковатого. Перечитывались строки стихов, в которых Лермонтов описывал природу. И вот перед нами в изображении Б. Щербакова места, овеянные гением поэта. Большой пруд со склоненными ивами, в котором отражаются и старая церковь и колокольня рядом. Они словно просвечивают через воду, подернутую мелкой рябью, — все так живо, естественно, и так щемит душу.

Художник одарил нас счастьем вновь и вновь прикоснуться к тому, что так дорого нашим сердцам.

В 1978 году мастер закончил портрет-картину «Лев Толстой в Ясной Поляне». Перед нами знакомое с детских лет лицо. На полотне писатель изображен в длинной косоворотке с поясом. Высокий лоб мыслителя, пронзительный взгляд из-под густых бровей, сосредоточенный, ищущий, тревожный. Фон — эти удивительно тонкие березки, очертания елей, бегущая под горой речка Воронка, которую так любил Толстой.

— А ведь начал-то я портрет в 1961 году, тогда был написан первый вариант, — говорит Щербаков. — Через некоторое время, как это

нередко бывает, возникло несколько иное решение — и снова началась работа.

В последнем варианте пейзаж лаконичнее, убраны многие детали. Мне представляется, что образ стал строже, убедительней, приобрел большую выразительность и психологическую глубину.

...Художник тяжело болел. Шел день за днем, и наконец настал тот радостный момент, когда больному разрешили сидеть на кровати. А на следующий день врач увидел, что Борис Валентинович начал работать.

Он был еще не настолько здоров, чтобы носить этюдник, — ему помогала жена. Она сопровождала и опекала его во всех поездках. И вот человек, которому предписывали полный покой, отправляется в поездки, работает часами — и в этом видит радость жизни. Ни стужа Подмосковья, ни зной молдавских полей, ни ветры на Волге не могут остановить его труд. Он счастлив, что может вновь и вновь писать.

С горечью приходится видеть, как иной художник пытается подменить недостаток мастерства «новаторством», изображая на полотне нечто невнятное, неопределенное. Щербакову свойственно чувство высокого профессионализма, которое служит наиболее полному и глубокому воплощению мысли мастера. Вспоминаются слова Михаила Васильевича Нестерова: когда нет идеи, начинается формотворчество. Истинный художник должен быть одновременно философом, поэтом, историком.

Таким мне представляется творчество Бориса Валентиновича.

И не случайно его работы пользуются большим успехом. Когда в декабре 1979 года в Москве, в залах на Кропоткинской улице, была развернута очередная выставка произведений членов Академии художеств СССР, в книге отзывов можно было прочитать такую, например, запись:

«Жемчужиной выставки, на мой взгляд, являются картины и портреты Щербакова Б. В. Спасибо Вам за истинное понимание в изображении нашей природы. Ваша манера письма сохраняет лучшие традиции русских художников-передвижников. Еще раз большое спасибо. Рабочий Зубков».

В те же самые дни в Новороссийске действовала передвижная выставка работ художника. И о ней восторженно писала газета «Новороссийский рабочий».

Семидесятые годы отмечены для Б. В. Щербакова несколькими персональными выставками за рубежом. Подлинно национальное искусство всегда отвечает духу интернационализма. В Венгрии самые широкие круги общественности страны — от рядового рабочего до руководителей государства — давали его полотнам высокую оценку. Выставка советского мастера многих навела на размышления о цели искусства.

«Созданные художником шедевры живописи обладают богатством чувственного живописного видения, силой эмоционального переживания и интеллектуальной направленностью изображения и выражения. От чистого сердца поздравляем Щербакова». Так написали художник Лайош Сабо и скульптор Рудольф Пиксай.

В США, в галерее Хаммера, экспонировались пятьдесят пейзажных работ Бориса Валентиновича. В Италии были показаны пейзажи Ясной Поляны. И всюду его произведения пользовались большим успехом.

Огромный интерес вызвали в Японии выставки картин Щербакова «Четыре времени года в Ясной Поляне» и «Пейзажи Михайловского», мир Пушкина и Льва Толстого. Экспозиции усилили интерес к нашей отечественной культуре, способствовали взаимному сближению народов.

Вновь обратимся к записям посетителей. «Давно не испытывала такого обновления. Ощутила прилив поэтического чувства, иссякшего во мне. Современный человек хочет наслаждаться именно такими картинами, которые являются самой поэзией». И подпись — Асэти Такэсабуро, 55 лет.

Отзывы людей различных стран и континентов по-своему проявляют проблему: художник и зритель, художник и народ.

Чувство ответственности, желание быть понятым возможно большим числом людей было присуще мастерам всех времен, серьезно относившимся к своему делу. Крылатая фраза, рожденная Октябрьской революцией: «Искусство принадлежит народу», — стала для советских художников путеводной звездой. Их заветам следует и член-корреспондент Академии художеств СССР Борис Валентинович Щербаков.

Б. Щербаков. Род. 1916. ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. 1978.

Б. Щербаков. СОБИРАЮТСЯ ТУЧИ. ЖИГУЛИ. 1980.

В ПРЕДГОРЬЯХ УРАЛА. 1980.

Юрий ТЮРИН

Разговор — о судьбах современного исторического фильма.

Мой собеседник — Вадим Викторович Каргалов, доктор исторических наук, профессор, автор ряда художественных произведений и научных исследований. Среди них обстоятельные книги: «Древняя Русь в советской художественной литературе» и «Московская Русь в советской художественной литературе», где разрабатывается проблема взаимосвязи истории как науки и искусства.

Итак, о судьбах исторического фильма, о его состоянии, его настоящем и будущем...

Критик. Не ошибусь, если скажу, что переживаемый нами период отечественной культуры носит признаки настоящего, осознанного интереса к историческому бытию народа. Посмотрите на прозу, как красноречив ее опыт. Мы читаем сейчас книги очень разных, непохожих друг на друга писателей, но сколь дружно они обращают слух свой к памяти времен. На полке исторического романа — произведения Д. Балашова и Г. Семенкина, Б. Тумасова и Б. Васильева, В. Иванова и Н. Задонского... И сколько еще надо перечислять имен, чтобы составила полная картина разнообразия и талантливости исторической прозы. А документальные повести Н. Эйдеманна, Ю. Лощица, ваша повесть о князе Данииле Московском...

Об интересе к истории говорят многие фундаментальные труды ученых-профессионалов. Поразительны успехи художников-реставраторов: музеями под открытым небом стали Московский Кремль, Псков, Новгород, Суздаль...

Историк. Интерес к отечественной истории вообще постоянен. Выдающийся советский писатель Алексей Толстой, автор знаменитого исторического романа «Петр I», заметил, что кто не знает истории, у того нет Родины! Интерес к прошлому неотделим от чувства патриотизма, а патриотизм, как известно, — неотъемлемое качество характера русского народа.

Критик. Я напомним мысль Петра Яковлевича Чаадаева из его «Философических писем» о том, что история есть ключ к пониманию народов. Ведь очевидно, что на фундаменте исторического опыта основывается самопознание нации. Поэтому мы вправе полагать, что искусство (не исключая, естественно, искусства экрана) просто обязано обращаться к историческому бытию народа своими средствами, столь эмоциональными и действенными, отражая это самопознание.

Историк. Крупные художники мыслят исторически: для них уроки веков, испытания и подвиги народа необходимы именно для понимания современности.

Критик. А вот современный игровой кинематограф, словно забыв свои же традиции, очутился в стороне от ценностей отечественной истории. В последнее десятилетие историческая тема не имеет достаточного отражения. Более того — достойного отражения.

Историк. Некоторые исторические фильмы все же у нас на памяти: «Андрей Рублев», «Ватерлоо»... Определенную роль сыграли картины республиканских киностудий: «Насими», «Дмитрий Кантемир», «Абу Рейхан Бируни»... Такие ленты хоть не дают вовсе пересохнуть руслу.

Критик. Не грех повторить во-

прос: почему жизнь допетровской Руси, исключительно богатая первостепенными историческими событиями, колоритными персонажами, жизнью, развернутая ходом исторического процесса на целые столетия, — почему же она исследована кинематографом куда меньше, нежели Россия XVIII и преимущественно XIX веков?.. Не потому ли, что древнерусская литература обладает особым скла-

ДИАЛОГ ИСТОРИКА И КИНОКРИТИКА

дом и отстоит достаточно далеко от привычных теперь форм литературного повествования?.. Собственного же чувства историзма у многих кинематографистов, как это ни печально, видимо, не хватает. По выходе на экран фильма «Ярославна — королева Франции» член-корреспондент Академии наук В. Пашуто в сердцах назвал картину «костюмированным балаганом!» На страницах журнала «Искусство кино» он пишет: «Этот фильм глубоко неинтересен. Его создатели не имели представления ни о духовном, ни о материальном богатстве Руси, ни о психологии ее людей, ни о сущности их характеров в той мере, в какой они известны по документам. Они сделали мюзикл, но выдали его за историческую ленту. Лучше было и не притязать на историзм, как то и сделано в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Прошу прощения за длинную цитату, но она проливает свет на существо проблемы. В результате случайного «выхода» сценаристов и режиссеров на историческую тематику возникает скудость фильмов о русском средневековье.

Полностью отсутствуют экранизации и вольные переложения памятников древнерусской литературы... Положительную роль в данной ситуации могли бы, думается, сыграть опыт военного и послевоенного советского кино, наследие Эйзенштейна, Пудовкина.

Историк. Отчетливо помню свои давние детские впечатления от фильма «Александр Невский»... Все мальчишки играли тогда в «лежовое побоище». Это прямой пример социального заказа эпохи.

Сделав первоклассный по своей выразительности исторический фильм, художник отклонился и на драматические обстоятельства своего времени: страшная битва с гитлеризмом была не за горами. Никто тогда и не воспринимал эйзенштейновских повзвизгов вне связи с фашистскими захватчиками. Фильм воспитывал в народе чувство национального достоинства, с гордостью напоминая о славных боевых традициях.

В нынешнем году отмечается великая дата — шестисотлетие Куликовской битвы. Кажется, еще недавно на студии «Мосфильм» предполагалось поставить картину о Дмитрии Донском, об этом переломном для отечественной истории сражении, когда русские впервые осознали себя народом, а не просто соплеменниками. Но... замысел не состоялся по причинам, до сих пор неясным; фигура храброго воина и мудрого полководца, упорного собирателя Руси оказалась незаслуженно обойденной кинематографом.

Картина о Куликовской битве была бы важным аргументом в споре, который в свое время вызвал фильм «Андрей Рублев», — в споре, не теряющем значения по истечении лет... Страдание рождает красоту — так или примерно так разгадывал своего Рублева режиссер Тарковский. Но при всей художественной интуиции Тарковского, его огромном кинематографическом таланте фильм о Рублеве вызвал у меня определенные возражения.

Критик. Но у картины немало и поклонников.

Борьба народа против кочевников, за национальную независимость... Цивилизация и слепое разрушение. Созидание и смертоносная лавина... Эти альтернативы тогдашней истории народа не потеряли актуальности и в наши дни. Само время диктует социальный заказ! Остро нужны фильмы о противоборстве Руси захватчикам.

Русь была своеобразной сторожевой заставой на пути опустошительных нашествий воинственных кочевников уже в силу своего пограничного положения на юго-востоке Европы. Борьба шла в течение веков. В непосредственной близости от русских земель складывались сильные в военном отношении государственные объединения, для коих завоевательные походы были условием существования. Народ наш выдержал это многовековое наступление и в конечном итоге одержал победу в нелегкой борьбе... Победа была достигнута не эпизодическими походами князей, а постоянными усилиями всех. Всего народа.

Критик. А ведь в этом году еще исполнится пятьсот лет героическому «стоянию на Угре» — оно положило предел золотоордынскому игу над Русью. Еще одна великая дата! А что же экран?..

Проза наша уже обращалась к фигуре князя Ивана III, сделавшегося — волей истории — выразителем воли народа. При нем сложилось централизованное суверенное государство. Молодой державой завоеван был широкий международный авторитет. Разве не материал для исторического фильма?..

Историк. Фильмов исторических — единицы, да и среди них почти все слабые. Сюжет «Ярославны» переведен в план детективно-развлекательный... Позволительно спросить, почему не сам Ярослав стал главным участником фильма — могучий князь, дипломат, строитель гениальной Киевской Софии, победитель печенегов, муж государственный?..

Критик. На киностудии имени Довженко готовят кинодилогию «Ярослав Мудрый» по сценарию, написанному известным украинским прозаиком Павлом Загребельным.

Историк. Это превосходно! «Былинное время Руси» — так ярко называл академик Борис Рыбаков эпоху древнерусского государства, время, достойное воплощения в киноэпопеях. Но можно ли ограничиться Ярославом?.. Князь-визитер Святослав — столь любимый исторический герой Александра Петровича Довженко — блестящий полководец, поразительная личность!..

А Владимир Мономах?.. Наш исторический экран истосковался по характеру героическому!..

Критик. Правда, есть два фильма, приметных в этом отношении. Я говорю о «Емельяне Пугачеве», картине студии «Мосфильм», и о «Звезде надежды», сделанном в Армении к столетиядесятилетью присоединения к России. Но это капля в море!.. А ведь высказывалась мысль о постановке многих картин, посвященных, например, первопроходцам, исследователям сибирских просторов — Хабарову, Дежневу. Причислим сюда и Ермака. А Кропоткин, Атласов, Баранов, «русский Колумб» адмирал Невельской?.. Когда-то были сделаны картины о Пржевальском, Беринге, Седове.

Традиция есть, но ее нужно упорно и последовательно развивать. Само время торопит!

Историк. Надо ли это доказывать? Проблема вроде бы не требует аргументации. Но она существует. И этим все сказано.

А ЕСЛИ ВСЕ НАЧАТЬ СНАЧАЛА?

Георгий ГУЛИА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Я подсчитал: литература может прокормить разве что зяблика, воробья.
Ж. РЕНАР

Вы сделали удивительные успехи во французском языке. Теперь у вас каждое слово выверено.
ДОДЕ — РЕНАРУ

Фантек осторожно приоткрывает дверь. Из-за его спины глядят озорные глаза Баи. Однако дочь остается за порогом. Вместо нее появляется мадам Ренар. Она только что шепталась с сыном в коридоре, но хочет казаться очень спокойной. Впрочем, как и ее сын. Не надо быть мудрецом, чтобы понять, о чем это они говорили втихомолку, — на это человеку даны не только уши, но и сердце. Сердцу порой можно и должно доверять больше, чем глазам и ушам.

— Добрый день, мосье, как видите, я еще жив.

Такими словами в последнее время встречается больной Жюль Ренар господина Рено, прекрасного врача. Эти слова обращены теперь к Пьеру, который получил еще при рождении ласковое отцовское прозвище Фантек.

— Папа, — с укоризной говорит Фантек, — твои афоризмы и страсть к коротким фразам общеизвестны. Но в данном случае они не к месту.

— Ты так полагаешь? — Жюль Ренар прищуривается. Его голова — голова повзрослевшего Рыжика из его знаменитого автобиографического повествования — покоится на бело-снежной подушке. Именно покоится — так кажется Фантеку. Есть какая-то обреченность в этом покое...

— Я утром встретил на улице одного твоего знакомого из кафе «Франсез», — говорит Фантек. — Он сказал, что Жорес справлялся о твоём здоровье.

Ренар делает вид, что верит этому: разве у Жореса не стало более важных дел, чем никчемная справка о некоем Ренаре?

— И Анатоли Франс справлялся...

— О, это приятно! Мэтр не всегда так внимателен.

Фантек перечисляет еще имена — одно краше другого.

— Прекрасно! — восклицает больной. — Но я, однако, предпочитаю надпись на моей могиле. Она у меня перед глазами: «Жюлю Ренару — его равнодушные соотечественники».

— Послушай... Фантек жестом пытается остановить отца. — Я же говорю сухую правду.

— А что сказал покойный Гонкур? — И Жюль Ренар хохочет. — Да, Фантек, ты забыл передать мне привет от другого покойного: Виктора Гюго.

— Ты все шутишь, папа. А я ведь всерьез.

— Ладно, Фантек, не будем препираться. Может, согласишься меня, Маринетта? — обращается Ренар к жене. — Помоги мне присесть. Какая-то тяжесть во всем теле. Прямота свинцовая. Особенно в ногах и голове. Я чувствую, как во мне все пульсирует. Могу даже сосчитать удары сердца, не прикасаясь к пульсу.

Фантек целует отца в щеку. Да, отец в свои сорок шесть лет выглядит нынче стариком. Гонкур, который был значительно старше его, всегда казался его одноклассником. А ведь с тех самых пор, то есть со дня смерти Эдмона Гонкура, прошло ни много ни мало пятнадцать лет. Можно только вообразить, что сделал этот проклятый атеросклероз с Жюлем Ренаром.

— Рено мерил мне кровяное давление, — говорит больной. — И назвал цифру двадцать. Это чертовски много.

— Да, многовато, — говорит Фантек и нагибается, чтобы приложить ухо к отцовской спине.

— Ой, щекотно! — Больной начинает смеяться.

Фантеку тоже весело.

— Начнем снова, — говорит он.

Отцу еще щекотнее.

— Не могу, — хохочет он.

Сын тоже хохочет. Они оба хохочут, как сумасшедшие.

Мадам Ренар умиляется, глядя на эту сцену. Дожили: маленький Пьер, малыш Фантек, такой маленький карапуз еще вчера — сегодня осматривает больного отца.

— Ну и хохотуны, — говорит мадам Ренар. И не выдерживает: тоже начинает смеяться, хотя Рено предупредил ее: атеросклероз не шуточный...

— Начнем снова, — говорит Фантек.

— Начнем, — соглашается отец, вытирая платком набежавшие чистые слезы.

Фантек медленно водит ухом по белой спине.

— Дыши, папа.

Больной начинает дышать как можно равномерней.

— Глубже дыши.

Это продолжается довольно долго.

— В легких чисто, — говорит Фантек. — Теперь — сердце.

Жюль Ренар дышит, как обычно. Глубоко не требуется. Левая сторона особенно интересует сына. Черт знает что: целый вулкан в отцовской груди. Бах, бах, бах! Словно бьют в турецкий барабан. Теперь уже совсем не до смеха.

— Ложись, папа.

Отцу все ясно и без слов. Он приговорен. И позже он запишет в своем знаменитом дневнике: «Сын приговаривает отца».

— Нет, совсем не плохо. — И Фантек обменивается с матерью красноречивым взглядом.

— До осени дотяну, Фантек?

— Пожалуйста, без сомнений. И осенью и весен будет много...

Отец прерывает его:

— Ладно, садись, Фантек. Вы с милейшим Рено гарантируете мне жизнь. И на том спасибо.

Фантек сильно озадачен. Он никак не может скрыть этого. Сегодня особенно плохо. Может, отец плохо спал?..

— Да, — признается отец. — Когда я был Рыжиком в Шитри, когда я был настоящим крестьянским мальчиком, я спал гораздо лучше. Уверю тебя.

— Ему мешают автомобили, — вмешивается мать. — Фантек, твой отец ненавидит все, что связано с автомобилями.

— Они погубят нас, — утверждает Жюль Ренар.

— Слышишь, Фантек?

— Да, — говорит Ренар, — я ненавижу эти omnibuses без коней. Эта буржуазная затея дорого обойдется всем нам.

Мадам Ренар хочет увести разговор как можно дальше от атеросклероза, от кровяного давления, от взбесившейся аорты и от сердца... Она говорит:

— Ты знаешь, Фантек, твой отец даже против беспроводного телеграфа. Причем он очень смешной противник.

— Маринетта, — смеясь, говорит Ренар, — наш Фантек прекрасно знает, почему я против Маркони: а где прикажете садиться птицам? Ведь провода исчезнут!

Мать приносит сыну большую чашку с вином и кусок белого хлеба. Фантек садится у постели больного. Вкусно жует хлеб и глотками пьет вино.

Отец любит сына.

— Прекрасно, Фантек. Я люблю в тебе эту крестьянскую привычку. Она передается тебе от меня. А твоя мать-парижанка не понимает всей этой прелести.

— Отчего же? — весело возражает мадам Ренар. — Я тоже люблю белый хлеб с вином.

Жюль Ренар мотает головой, покоящейся в углублении большой подушки:

— Нет, крестьян у нас никто не любит. Любят только хлеб, но вовсе не задумываются, откуда он. Все полагают, что он из пекарни Жана или какого-нибудь Жака. Черта с два! Хлеб с деревенских полей, обильно унавоженных и политых крестьянским попом. Но этого никто не желает знать! Мы все в долгу перед деревней. Деревне нужны не жалкие слова сочувствия, но яркое изображение того, что там происходит. Она все еще во власти нищеты и невежества.

— Отец, — говорит Фантек, — твой вкус к деревенской жизни хорошо знаком твоим читателям.

— На моих корнях комки земли. За пение петуха на заре в Шитри я отдаю рев всех этих безлошадных парижских omnibuses.

Фантек отхлебывает последний глоток крестьянского вина, чмокает губами и, прикрыв от удовольствия глаза, говорит:

— Хорошо.

Обращаясь к матери, он развивает мысль о том, что отец как член Гонкуровской академии, как человек, к голосу которого прислушиваются сильные мира сего, должен еще выше поднять голос в защиту французской деревни, подобно тому, как в свое время Золя встал на защиту Дрейфуса.

— И что это даст, милый Фантек? — Ренар опирается на локоть.

— Как что? Голос общественности! Разве мало этого?

— Маринетта, ты воспитала сына в духе вредных иллюзий.

— Мама, а ведь папа говорит, как настоящий социалист.

— Да, мой мальчик. Я и есть социалист.

Госпожа Ренар, полная самых грустных предчувствий, берет чашку из рук сына.

— Твой отец напишет еще не одну книгу. — И она уходит, боясь разрыдаться.

Ренар ложится. Вытирает платком холодный пот со лба.

— Папа, тебе вредно волноваться.

— А радоваться?

Сын молчит.

— Молчишь? Тяжело говорить правду? Вот так же ведет себя наша литература в лице ее самых пылких представителей. Одни ищут прекрасные метафоры, другие погрязли в синтаксических ухищрениях, третьи просто бездарны. А мне нужна правда. Голая правда! Прочь все эти дурацкие выкрутасы! Надо писать коротко и ясно. Много лет тому назад я сделал выбор между блистательной прозой Флобера и клокующими правдой страницами Золя.

— Папа, если бы ты говорил не так горячо... Я налью чапель.

— Сделай одолжение.
Сын почтительно подает лекарство отцу. Тот пьет его единым духом. Кривит рот.
— Горькое, — говорит Ренар.
— Возьми конфету.
— Спасибо. Ты хочешь подсластить свой суровый приговор?
— Ничуть! Горькое лекарство всегда рекомендуется заедать чем-нибудь сладким.
Больной поворачивается на правый бок — так меньше беспокоит сердце. Сын присматривается к отцу: глаза живые, с потайным блеском, цвет лица неплохой, однако чувствуется одышка, даже в лежащем положении. В один черный день какая-нибудь жила не выдержит. Может быть, это будет аорта, может, сосуд в голове. И то и другое очень и очень скверно...
— Ты что-то хочешь сказать, Фантек?
— Нет, папа, я просто подумал, что здоровье твое не такое уж плохое, как это может показаться на первый взгляд.
— Рено держится другого мнения.
Фантек умолкает — сказать ему нечего.
— Жаль, что ты никогда не ходил за сохой, Фантек.
— Почему?
— Или за плугом.
— Но почему жаль?
— Как тебе объяснить... Не потому, что это очень трудно. Это само собой. А потому, что утверждает нашу слитность с природой, нашу связь с землей, без которой нет настоящего, процветающего общества. Я еще напишу об этом. — И после небольшой паузы: — Если буду жив, конечно.
— Ну вот, ты опять свое.
— Да, Фантек, я теперь каждую свою мысль заканчиваю короткой фразой: если буду жив. Фантек говорит чисто механически (он не может нагло врать):
— Будешь, будешь жить.
— Но я сейчас не об этом. Немного о другом. О борьбе стилей, методов, подходов, о декадентах, импрессионистах и натуралистах, к коим причисляют и меня вкупе с Золя. Я хочу сказать всем нашим литературным умникам: дайте мне жизнь, а о литературном

оформлении ее позабочусь сам, без посторонней помощи.
— Но, папа...
— Знаю, что ты хочешь сказать. Я имею в виду не свою жизнь, а жизнь, которая вокруг меня. Чтобы мог народиться новый Флобер и писать прекрасно прекрасные картины, прекрасной должна стать сама жизнь. Что ты скажешь на это?
Сын подошел к кровати и обнял отца:
— Скажу, ты прав. Но, если можешь, говори поспокойнее.
— В противном случае?..
— Нет, нет! Никаких противных случаев. Покой всем прописан.
Мадам Ренар, входя в комнату, вмешалась в разговор прямо с порога.
— Фантек, разве ты не знаешь отца? Покой не про него.
Ренар глядит на сына: как приятно было целовать его маленького, нюхать волосы, пахнущие материнским молоком. А где же эта шалунья Баи? Чем она занята?
— Она кормит птиц, — сообщает мадам Ренар.
— Из нее получилась бы хорошая крестьянка, — говорит отец.
— Сомневаюсь, Жюль.
Ренар тяжело вздохнул и взглядом уперся в потолок. Мать настороженно переглянулась с сыном.
— Вы не знаете, о чем я подумал сейчас. — Ренар задорно рассмеялся. — И ни за что не угадаете.
Мадам сказала:
— О новой речи Жореса в парламенте.
— Нет.
— О деревенском житье-бытье, — попытался угадать Фантек.
— Тоже нет.
— Знаю! — воскликнула мадам Ренар. — О дорогой Саре Бернар. Ты в нее влюблен до сих пор.
Мадам на самом деле не думала этого. Ей просто хотелось отвлечь мужа от грустных мыслей.
Он сказал:
— Удивительная вещь! Меня мало кто читал

и читает. Хотя хвалили меня Гюго, и Золя, и Франс. Сама Сара Бернар находила сильные слова для похвалы по моему адресу.
Сын заметил:
— По-моему, у нас никого особенно не читают. Может быть, Жореса, и то потому, что он социалист.
— Не утешай меня, Фантек... А подумал я вот о чем: меня последним приняли в Гонкуровскую академию. Заметьте: последним! А знаете, почему? — Ренар передохнул, приподнялся на локтях. — А затем, чтобы я первым вышел из нее.
— То есть как это? — не понял Фантек.
— А так. — И Ренар упал на подушку, скрестил на груди руки и прикрыл глаза.
— Не дурачься, Жюль, — проговорила мадам. — Тебе доставляет удовольствие мучить меня?
Ренар вновь приподнялся...
— А еще подумал вот о чем... — продолжал он весело, задиристо. — Если бы мне пришлось прожить свою жизнь сначала, то, знаете, как бы я прожил ее? (Пауза.) Как, спрашивается? (Пауза.) Лучше! Даю вам слово, лучше!
— О, боже! — Мадам всплеснула руками и обняла сына. — Фантек, твой отец большой фантазер.
— Это не все, Маринетта. Я утверждаю: да, я прожил бы лучше, я учел бы свои ошибки, я не допустил бы их. Но вся беда в том, что никто бы этого не заметил. Никто!
Мадам сказала с укоризной:
— Жюль, ты слишком жесток в оценке Жюля Ренара.
— Рано подводить итоги, — примирительно сказал Фантек.
— А твой приговор? — спросил отец. — Ведь ты сам назначил день. Отвечай же. Фантек: назначил?
И этот день наступил спустя месяц: 22 мая 1910 года в Париже на улице Роше, 44.
Париж — Москва
1967—1980.

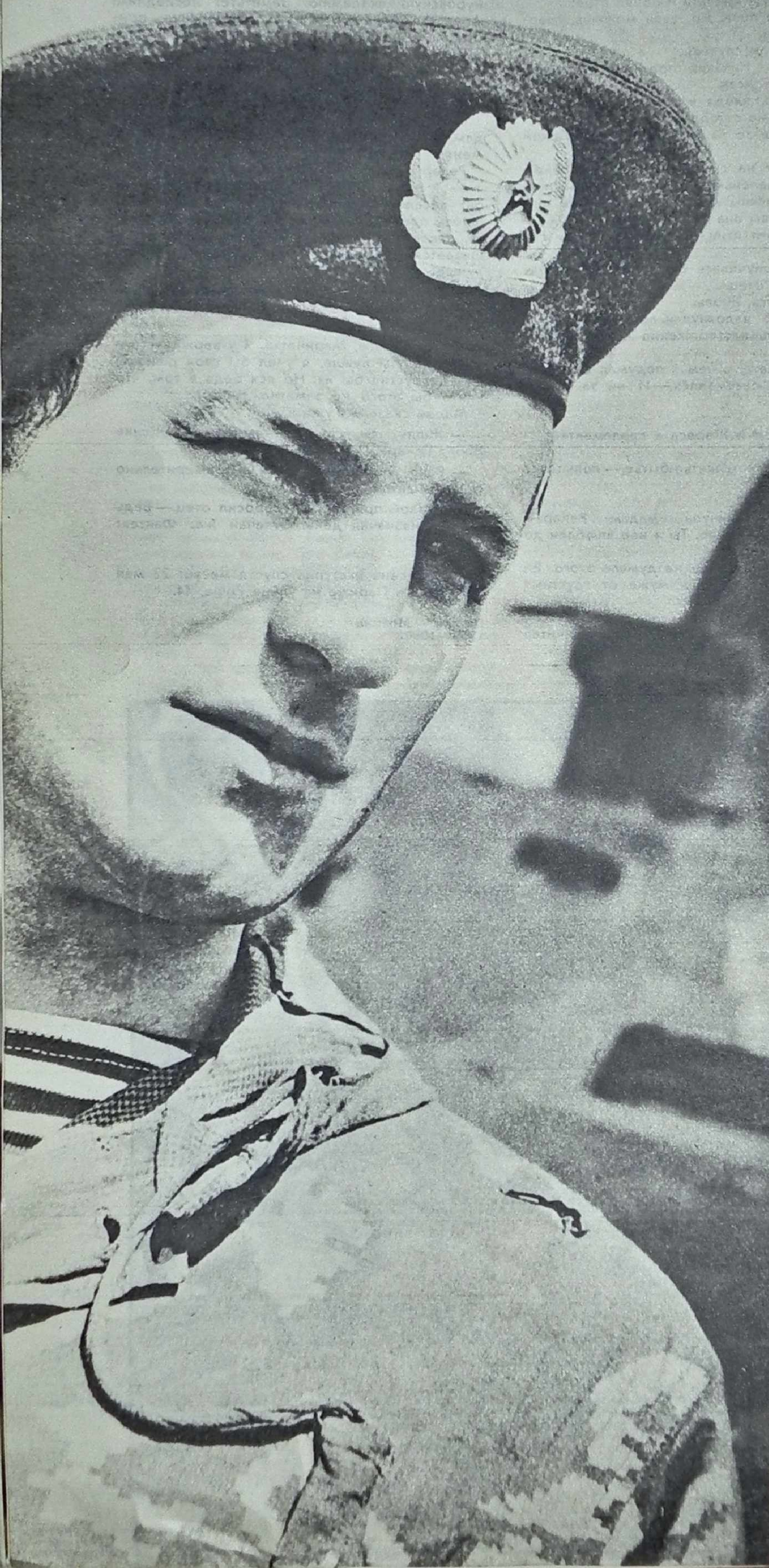

Фото В. ГРИБОВА

Гвардейцы из отличной разведроты старшего лейтенанта Владимира Просвирнина еще крепко спали, когда прозвучал сигнал тревоги. Подъем, экипировка, стремительный марш к аэродрому, взлет и десантирование, учебный бой и победа — все это произошло в течение считанных часов...

Бой и победа! Вся жизнь и учеба современных Воздушно-десантных строится из расчета на трудный, но скорый бой, на нелегкую, но обязательную победу. В свое время мне как журналисту пришлось побывать в нескольких десантных частях. До сих пор помню широкоплечего, крепко сбитого, улыбающегося парня, сказавшего: «Десантник не может жить без победы, как птица без воздуха».

Воздушно-десантные войска (ВДВ) сегодня — это новейшие десантные самолеты, надежные парашюты и целые их системы, безотказное стрелковое и артиллерийское оружие, колесная и гусеничная техника. Десантник — одно это слово вызывает чувство гордости у каждого советского человека. Фильм, телепередача, книга о десанниках всегда желанны людям.

Ровно полвека назад, 2 августа 1930 года, небо над Воронежем расцвело куполами парашютов. То проходили учения ВВС Московского военного округа. Здесь десантники впервые выполняли тактическую задачу и сделали это отлично.

День рождения советских ВДВ возник не вдруг, не случайно. Когда весной 1929 года на территории Таджикистана бесчинствовали басмачи, то в районе города Гарма высадились с воздуха вооруженные красноармейцы и навели там с помощью местных жителей порядок.

О быстром развитии этих войск свидетельствует тот факт, что в 1935 году на киевских и белорусских учениях десантировались уже 3 тысячи человек. Возникли соединения ВДВ.

Во время войны ВДВ проводили крупные операции. Так, после высадки под Вязьмой десантники за 6 месяцев боев в тылу врага уничтожили до 15 тысяч солдат и офицеров, освободили около 200 населенных пунктов.

КРЫЛАТ

Славные традиции тех лет продолжают, приумножаются сегодня. Совершенствуется техника оснащения крылатой гвардии, накапливается в ходе боевой учебы опыт десантирования в самых различных, быстро меняющихся условиях воздушной и наземной обстановки. Во взаимодействии с другими родами войск ВДВ могут быстро захватывать и удерживать важные районы в глубоком тылу противника, содействовать наступающим войскам в форсировании с ходу крупных водных преград и быстром преодолении горных районов, уничтожать важные объекты противника.

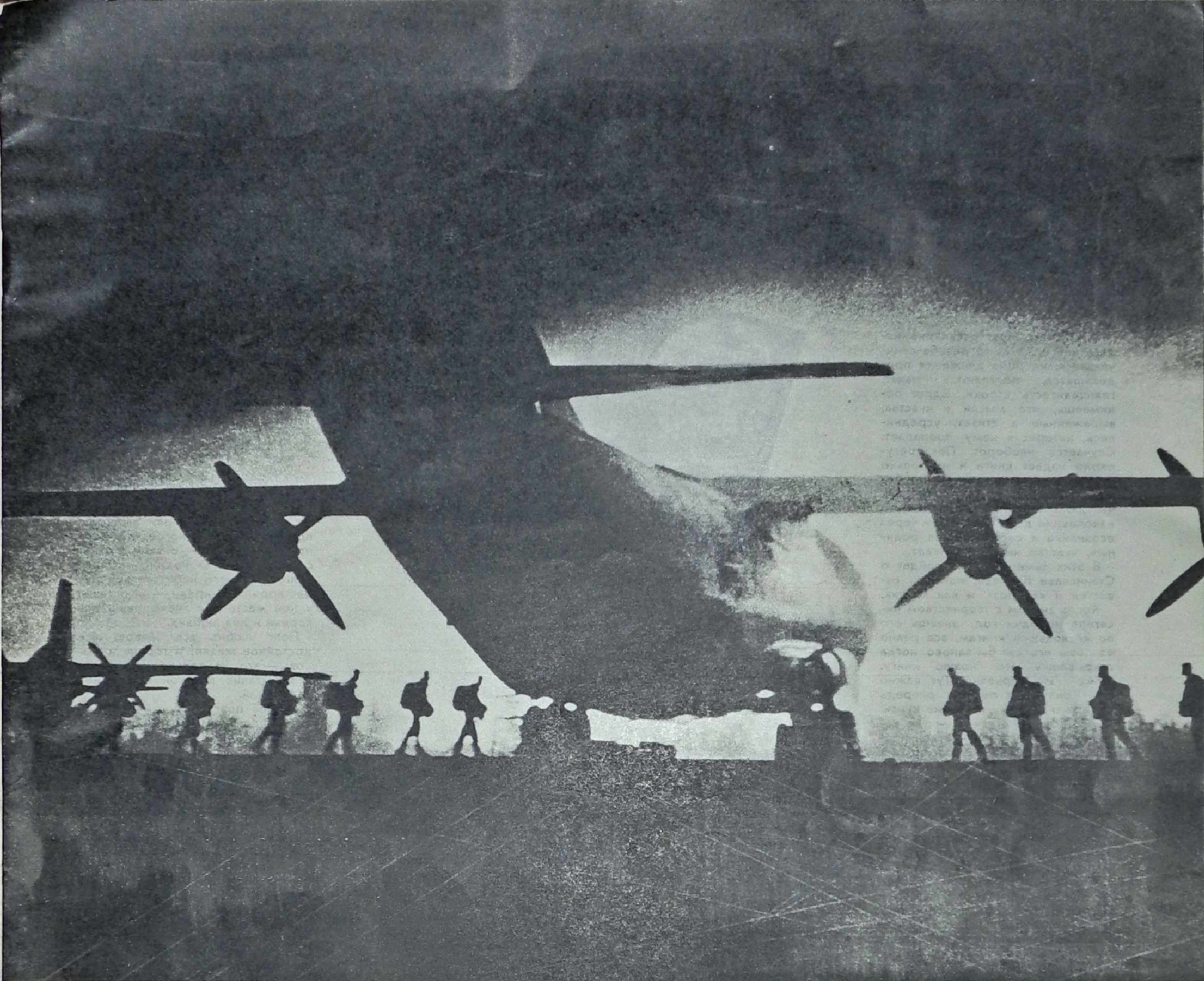
Задачи, как видим, сложные. И они по плечу лишь сильным.

Юрий МАКУНИН

Гвардии старший лейтенант В. Просвирнин.

На заре — в дальнюю дорогу.

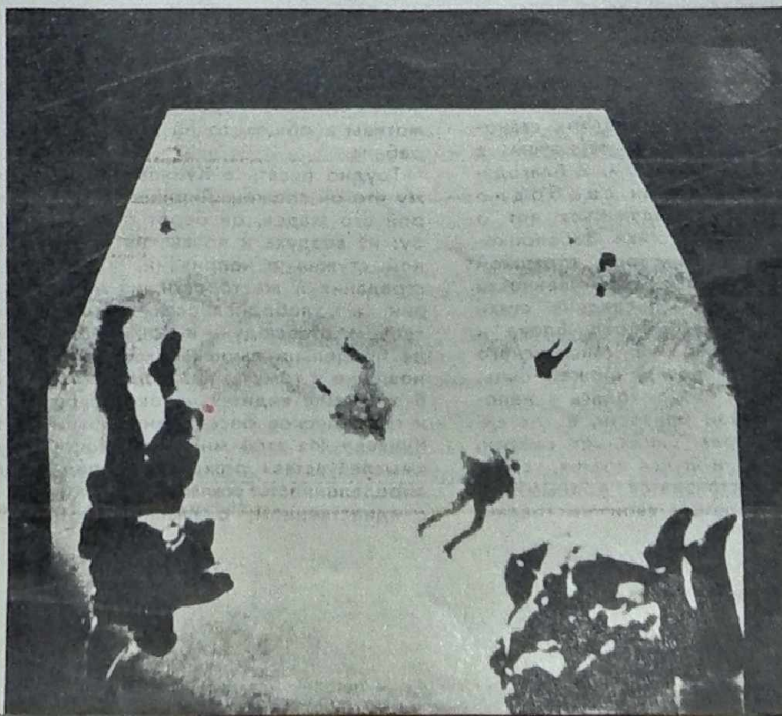
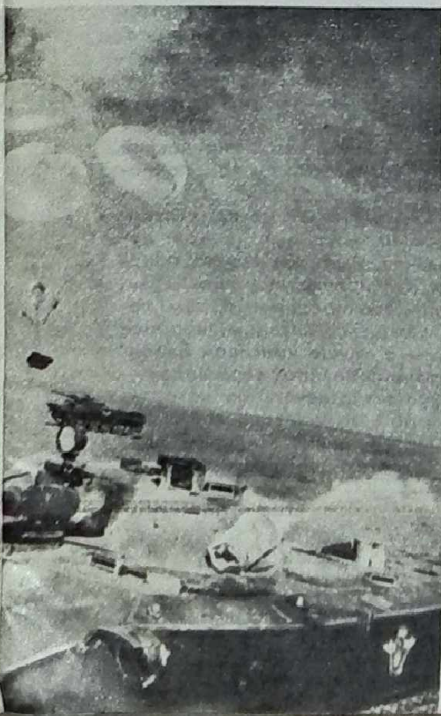
**СОВЕТСКИМ
ВОЗДУШНО-
ДЕСАНТНЫМ
ВОЙСКАМ —
50 ЛЕТ**

АЯ ГВАРДИЯ

С воздуха — в бой.

Прыжки в любых условиях.

Промеха не будет.

КРАСОТА И ПОЛЬЗА

Почему одних поэтов хочется читать, а других нет? На «шкале ценностей» притягательность одного имени мутнеет и гаснет во времени, притягательность другого усиливается. Почему?

Идут годы. Поэт регулярно издает книги, какая-то резьба свинчивается, инерция движения продолжается, появляются накат, глянцевики строки. Вдруг понимаешь, что мысли и чувства, выраженные в стихах, усреднились, интерес к нему пропадает. Случается наоборот. Поэт регулярно издает книги и не только остается, но и становится все более интересен. Тогда понимаешь, что дело поэта продолжается, что накопление дара идет в нем через осознание в себе «чувства родины», чувство чистоты мужа.

В этих заметках речь пойдет о Станиславе Куняеве, который известен и как поэт, и как критик.

Когда знаком с творчеством писателя не один год, знаешь его по нескольким книгам, все равно узнаешь его как бы заново, когда открываешь его новую книгу. Книга — это серьезно. Тут важно все. Конечно, в первую очередь содержание, но и название книги.

«Свободная стихия» — так назвал свою книгу критической прозы поэт Ст. Куняев. Название неоднозначно. Сразу вспоминается «Прощай, свободная стихия». Тут вроде бы одновременно «и есть и нет»: тот вечно ускользающий дух поэзии уловлен в слове и все же свободен... В общем, точно названо, по существу. Что до содержания, то вышедшая в серии «О времени и о себе» книга вполне соответствует названию серии и тематически (избирательно, конечно) охватывает 600-летний период русской истории и культуры: от Куликовской битвы до наших дней. Дмитрий Донской и Блок, Пушкин и начало русской культурной традиции, Гоголь и Заболоцкий, Некрасов, Лермонтов и Смеляков, Есенин и Мандельштам, великий примитивист Нико Пироманишвили и портретист Рокотов, Скворода и русский философ Флоренский, десятки имен современных советских писателей, охотничья осень и геологические партии в Тянь-Шаньских горах, переписка с читателями и молодыми поэтами, выдержки из дневников и записных книжек — вся эта многолетняя, многошумная, смешанная роща мыслей и чувств Куняева зеленеет, перекликается и, что главное в книге, твердо стоит на гражданской почве. Причем чувство гражданственности у Куняева — это чувство именно русского поэта, оно бескорыстно и скорее стихийно, чем продуманно. Отсюда та свежесть, тот воздух зрелости, в котором зарождаются слова о времени и о себе.

Куняев пишет эту книгу так, что

ему веришь. «В доспехах простого воина», литературно-историческом очерке о Куликовской битве, сопоставление, которое он проводит: «Блок — лирическая и поэт Дмитрий Донского», — можно было бы назвать очень личным, если бы их судьбы действительно каким-то роковым образом не зарифмовались во времени.

Правда, иногда Куняев в своих сопоставлениях излишне категоричен. (Замечу в скобках, что категоричность — не только звонкий, но и тяжеловатый аргумент в споре. Сопоставляя Есенина и Мандельштама, называя Мандельштама «увязнувшим» в поэтической вторичности, Куняев не уступает в категоричности Тынянову, которого критикует за то, что тот Блока «стирал» как традицию, а поэзию Есенина называл «звонкой монетой, чаще всего... фальшивой».)

Одна из традиций русской мысли — сострадание, доброта. Метафоры ее — это дело не только поэта: сострадание и доброта становились сомнением и гневом, действием — об этом в очерке о Куликовской битве; стихия становилась гармонией — об этом в очерке о Заболоцком. Я благодарен Куняеву, что он свободно заставил меня задуматься вот о чем: последние стихи Заболоцкого по простоте своей, страшной прозрачности и единственности слов похожи на последние стихи Пушкина и Лермонтова, Блока и Есенина, даже на Маяковского («Во весь голос»). Может быть, суть в том, что, находясь в непосредственной близости, в тех самых четырех шагах, от смерти, стихи, как и души поэтов, сближаются, становятся родными, и поэзия обретает свои выстрадан-

ные и непреходящие — единственные черты.

Лет десять назад в уютном малом зале был организован творческий вечер Станислава Куняева. Поэта просили прочитать «Добро должно быть с кулаками». Он неохотно читал. Хлопали. Там же я услышал стихотворение «Живем мы недолго, давайте любить». Незамысловатое, спокойное по грусти и все же щемящее, стихотворение, может быть, не самое лучшее, что написал Куняев, но есть стихи, которые дороже лучших:

Живем мы недолго, давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца
и так уж на улице вьюга!
Давайте друг другу долги
и так уж на улице вьюга!
Давайте друг другу долги
и так уж на улице вьюга!
Давайте друг другу долги
и так уж на улице вьюга!

Стихотворение включено в недавно вышедшее «Избранное» и своей спокойной грустью чувства несколько не вредит гражданским мотивам, преобладающим в творчестве Куняева. Ведь гражданские мотивы в общем-то не дробь барабана.

Трудно писать о Куняеве, потому что он сложен. Лирический герой его жаден, он берет отовсюду: из воздуха и почвы, из «нежной стужи» и неприязни, из сострадания и жестокости, из истории и злободневности — одним словом, отовсюду, — и почти всегда предельно выражает свое отношение к тому, о чем идет речь. В этом мне видится человеческое и гражданское бесстрашие поэзии Куняева. Из этой многосложности «мыслечувств» рождается предопределенность желания сказать о единственном, о главном — об

«этой земле и этой стране». «Я люблю эту кровную участь, от которой сжимается грудь», — говорит он. И говорит, как свойственно поэту, открыто, но не нараспашку, сокровенно:

Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну.
душу вывернуть, память

и любовь позабыть и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин или там патриот —
просто призрачный сад

на Садовой,

бор сосновый да сумрак

лиловый,

темный берег да шрам

пустынный —

это все лишь со мною уйдет...

Речь в стихотворении, конечно, не о выборе: можно выбирать профессии, есть многое, что можно выбирать. Но — о том единственном. О Родине. «Синий холод осеннего неба столько раз растворялся в крови — не оставил в ней места для гнева, лишь для горечи и для любви».

Поэт любит все живое, все достойное жизни; и горечь и любовь — это не только слова, это и испытание русской культурной традицией.

Куняев поэт истинный — неоднозначен почти в каждом стихотворении. В нем совмещается многое — он живой, смешанный: гордость за то, что «был рационален», что «от помоев не хмелел», и желание «промотаться, впасть в нищету», «печаль, отечество и слава» и лукавство зеркала, «день космонавтики и пасха», «любовь и свобода»... И все же во всем этом есть главное, что сам Куняев выразил в стихотворении «Есть дорога, земля и вода»: две страсти равно овладевают лирическим героем — «мир прекрасен, а дом ненавистен», «дом прекрасен, а мир ненавистен». Стихотворение заканчивается так: «Две мучительных страсти твои примирит золотая середина. Ты немного еще погоди — и сольются они воедино». Речь, понятно, не о той середине — скажем так — между добром и злом: «ничего не знаю, моя хата с краю». Речь о другом. Нельзя быть поэтом, не измерив бездны человеческие, не выгнав свою душу. Куда бы ни заносили переходящие крайности, как бы ни расширялся — он встанет, если поэт. Есть инстинкт гармонии — это «чувство пути» поэта. Неистребимое желание искренности. Беспощадность и к слабостям своим и к силе — во имя разума и любви.

Мне кажется, что лирический герой Куняева и сам он полностью совпадают в стихах и в жизни, что Ст. Куняев сегодня является одним из самых ярких и демократичных поэтов своего поколения. Он привлекает еще и тем, что действительно знает о том самом третьем, главном вопросе Блока — о «душе красивой бабочки и теле полезного верблюда» — и не устает отвечать на него затем, чтобы не устали «подавать друг другу руки заляпанные враги — красота и польза».

Егор САМЧЕНКО

Станислав Куняев. Свободная стихия. М., «Современник», 1979, 320 с.

Станислав Куняев. Избранное. М., «Художественная литература», 1979, 381 с.

**Юрий КОЗЛОВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

В круглом самолетном окне качается голубой полумесяц. Летим из Ленинграда в Арктику на архипелаг Северная Земля... Середина весны, полярный день распространяет немеркнущий белый свет все дальше на юг. Вот уже и в Архангельске не темнеет. Вместо ночи — затянувшийся синий вечер. Чем севернее от Архангельска забирает самолет, тем светлее. Полумесяц растворяется в небе. Кто считает воротами в Арктику поселок Амдерму, кто Диксон, кто мыс Челюскин, но бледный качающийся в круглом окне полумесяц, заблудившийся между белым небом, белым океаном и белой землей, — тоже своего рода ворота, потому что Арктика часто начинается из самолетного окна, это один из немногих путей сюда. Именно сверху можно увидеть, как редуют, сходят на нет худенькие рожицы, как гипсовая белизна сковывает землю и оке-

кресел в вертикальное положение!» Стюардессы вообще не было. Был стюард, который проверил, как закреплен в грузовом салоне груз, после чего нажал кнопку, и задняя стенка АН-26 закрылась. Самолет пошел на взлет. А до этого была погрузка, когда начальник гляциологического стационара Игорь Михайлович Симонов выступал в роли бригадира грузчиков: «Деревянные ящики вниз. Мешки с картошкой наверх. Сигареты совсем наверх. Они самые легкие». И хотя Симонов кандидат наук и интеллигентный человек, чувствуется, что ремесло грузчика прекрасно ему знакомо. Таскает с улыбкой по два мешка картошки сразу. Уже тогда, в первые часы движения смены на Купол, когда впереди были Архангельск, Амдерма, Диксон, остров Средний, общаясь с Симоновым, наблюдая его, как говорится, в деле, я понял, что Арктика предъявляет к начальникам несколько иные требования, нежели Большая земля. Прежде всего специфика общения. Почти год люди живут вместе. Все конфликты и страсти разыгрываются на квадратном километре станции. На столь малой площади, естественно, заметнее и недостатки. Особенно недостатки начальника. Что же, у начальника не должно быть недостатков? Или же ему должны их прощать, как хорошему товарищу? Но для этого кон-

новлен идеальный контакт между начальником и подчиненным.

Помнится, впервые увидев Симонова в Ленинграде, в старинном, со львами, здании Арктического и Антарктического НИИ, я поразился — ведь именно таким мне и представлялся образ идеального полярника: высокий, с фигурой атлета, с седым ежиком, непререкаемыми густыми усами, как у моржа, в скрипучей кожаной куртке со значком «Участник дрейфа на станции СП №...». Почему-то хотелось верить, что и судьба была у него столь же прямой: быстро избрал дело всей жизни и пошел, пошел семимильными шагами... Единственное, что в Симонове смущало... Даже не смущало, а озадачивало, что ли... Особенный какой-то взгляд. Когда что-то ему сильно не нравилось или собирался резко кому-нибудь ответить, Симонов в последний момент вдруг сдерживался и смотрел этим своим особенным взглядом. И получалось, как будто говорил, но молча. То ли жалел оппонента, то ли не хотел осложнять отношения. Сначала я думал: тактика осторожного начальника... А потом узнал, что когда-то полярник Симонов три года преподавал в школе географию, был учителем! Вот откуда, выходит, этот взгляд!

— Окончил географический факультет Ленинградского университета, — рассказал Симонов, — распределили меня в школу. А тут как раз подросли соревнования по самбо. Ну, а я кандидат в мастера спорта, многие свои надежды тогда с самбо связывал. В общем, опоздал в школу на три месяца... Школа на

Б Е Л А Я З Е М Л Я

ан, превращая их в одно целое, в Арктику. Изредка белизну разрезают длинные черные разводья. Караваны судов кажутся плывущими спичечными коробками. Прошли суда, у них за кормой уже началась монотонная, неостановимая работа природы — разводье зарастает, словно кто-то штопает его ледяной иглой, сначала стежкой, на живую нитку, потом легким узорчатым кружевом, а вот и белый уют загладил прореху, и следа не осталось.

Арктика — целый мир со своей историей и мифологией, своими героями и тружениками, проблемами и заботами, своими собственными штемпелями на манер почтовых, только побольше, в полконверта (умельцы вырезают «фирменные» штемпеля на каждой станции), особенным фольклором и юмором.

Множество организаций занято изучением Арктики. Одна из крупнейших — ленинградский ордена Ленина Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю окружающей среды. Об одной из экспедиций этого института — гляциологическом стационаре на Куполе ледника Вавилова (остров Октябрьской Революции, архипелаг Северная Земля) — и пойдет речь.

ДОРОГА НА КУПОЛ

Стюардесса не объявляла: «Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, приведите спинки

такт с подчиненными должен быть не формальным, а по-человечески душевным. Такой контакт приобретает в совместных заботах. В нашем случае важно было не заморозить картошку во время стоянок, когда вылет задерживают надолго и самолет не отапливается. В Архангельске обошлось, улетели сразу. В Амдерме была плюсовая температура, и за ночь с картошкой ничего не случилось. В Диксоне же сидели пять дней. Молодой механик Валера Перов (он год назад зимовал на станции Северный полюс, на Куполе готовился зимовать впервые, никого там не знал) каждые шесть часов должен был уходить из теплой гостиницы на холодный, продуваемый ветром (тогда было минус тридцать) аэродром и с помощью специального агрегата — брезентовой трубы, по которой подается горячий воздух, обогревать салон. Симонов ходил на аэродром вместе с Валерой, хотя как начальник мог и не делать этого. Во время совместных походов они, естественно, говорили о самых разных житейских вещах. Помогая молодому механику, Симонов узнал, что он за человек, чем интересуется, какие у него планы, то есть составил о нем представление еще до того, как Валера приступил к своим обязанностям на станции. Заодно проинструктировал его относительно будущей работы. И все это во время совместных забот, когда человек особенно прислушивается к словам напарника. Симонов стал для Валеры Перова не только начальником, но и уважаемым старшим товарищем, следовательно, был уста-

Лиговке. Класс мне попался трудный. Но ничего, нормальные вскоре установились отношения. Я их географию учил, они меня учили владеть собой. Голову, бывало, хочешь безобразнику оторвать, но стоишь, улыбаешься, только взглядом его воспитываешь...

Потом Симонов работал заместителем ученого секретаря Географического общества. Географическое общество находится в прекрасном, построенном на века, старом здании. Великолепная лестница, залы, кабинеты с многочисленными картами и экспонатами. Побывав в Географическом обществе, испытываешь лютое, непреодолимое желание отправиться в путешествие немедленно. Куда угодно!

— Я тосковал, — вспоминает Симонов, — все время читал отчеты о чужих путешествиях, открытиях. А мне, между прочим, было уже под тридцать! Не помню, какой из писателей писал, что, если молодого, физически здорового человека заставить заниматься сидячей работой, его в конце концов хватит апоплексический удар. Я решил не ждать. Пошел в Арктический и Антарктический НИИ, в отдел географии. И сразу же в путешествие — облетел острова Земли Франца-Иосифа. Тогда и понял, вот она, моя судьба...

Дальше судьба Симонова складывалась так: три раза зимовал в Антарктиде, один из них — начальником станции. С этих времен у него осталась алая нашивка (наз — куртка, климатическая одежда антарктической экспедиции), в которой человек на снегу напоминает распутившийся пинн. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оазисы в Антарктиде», то есть места, обогреваемые солнцем. В Ан-

таритнде проваливался в полынью, тонул, вытывал, спасал товарища. Обледенелый шел по снегу. Возвращаясь домой в Ленинград и снова уходил в экспедиции. Я спросил Симонова, как, по его мнению, должен руководить станцией идеальный начальник. «Идеальный не знаю», — ответил Симонов, — но, мне кажется, надо действовать так, как подсказывает жизнь, опыт, знания». Рискну его дополнить: особенно, когда за плечами нелегкая жизнь, опыт не благоприобретенный, а выстраданный, знания же прежде всего обращены на пользу общего дела.

Диксон — поселок небольшой. Вся жизнь в основном сосредоточена между гостиницей и аэродромом, а они рядом. Из окон видны стоящие на снегу самолеты: обыкновенные, бело-синей раскраски с ярко-красными полосами — полярной авиации. Одни самолеты взлетают, другие подолгу томится в дальних концах аэродрома с печально-неподвижными винтами. Побывав на Диксоне, убеждаешься, с какой серьезностью и основательностью ведется нынче освоение Арктики. Самолеты, начиненные самыми разными грузами, летят на дрейфующие станции «Северный полюс», на Землю Франца-Иосифа, на мыс Челюскин. Глядя из окна гостиницы на идущих к самолетам, сгибающихся под тяжестью всевозможной аппаратуры людей, невольно вспоминаешь прежних исследователей Арктики.

Северная Земля, например, фактически была исследована в начале тридцатых годов нашего столетия четверкой выдающихся первопроходцев — Ушаковым, Урванцевым, Ходовым и Журавлевым. Урванцев написал о походе на Северную Землю книгу «Таймыр — край мой северный».

Вот в каких условиях приходилось работать: «Плыву дальше, ветер крепчает, волны растут, и самое главное, идут поперек моей скорлупки. На гребнях появились «беляки», стало захлестывать. Вот тут-то и подумал: утонешь, и никто не узнает. До берега еще километра три, вода ледяная — не выплывешь. Но нет, надо выбираться. Назад не повернешь — зальет. Стал выгребать переменившими галсами. Как волна подхватила, быстро поворачиваю поперек гребня. Прошла волна — поворачиваю вдоль, гребу изо всех сил к берегу. Наконец добрался весь мокрый, измученный. Спички были в шапке. Развел костер, обсушился, попил крепкого чайку и поплыл на «ветке» дальше».

Уж не канули ли бесследно героические времена? Какие сюрпризы может преподнести Арктика современному исследователю, оснащенной самой совершенной техникой (авиация, непрерывная радиосвязь и т. д.)...

На Диксоне познакомились с Валерием Лукиным — начальником гидрологического «прыгающего» отряда, ведущего океанологическую съемку северного бассейна с помощью авиации — нескольких АН-2, производящих посадку на льдинах в местах, где не ступала нога человека, где, естественно, нет ничего даже отдаленно напоминающего взлетно-посадочную полосу.

— Ох, и работенка у них, — сказал Симонов. — Как-то сдуру влез к ним в самолет, потом все на свете проклинал. Почти сутки в воздухе! Взлет — посадка, взлет — посадка! На какие-то страшные горбатые льдины плюхались, где и медведь, наверное, ходить не рискует... Вылезул ребята на льдину, делают свои замеры, а тем временем, смотрим, льдина-то, оказывается, плывет! Или раскололась... Опять взлет, опять посадка...

Через несколько дней встретили Лукина на Северной Земле, в аэропорту на острове Средний. На лбу белеет повязка.

— Чего такой грустный? Случилось что-нибудь?

— Да, сядились на льдину, один АН-2 перевернулся. Люди, к счастью, все уцелели, а вот машину там на льдине пришлось оставить... Связь потеряли, взлетели с трудом, в общем, повеселились... Он устало улыбнулся. — Что поделаешь, Арктика...

НА КУПОЛЕ ВАВИЛОВА

Перелет на Купол Вавилова оказался самым необычным. За несколько минут полета над ледником АН-2 успел побывать в густом, непроглядном тумане, хлебнуть чистого неба, искупаться в солнце, пролететь сквозь радугу, а когда делал вираж, заходя на посадку, небесные чудеса вытянулись в параллельную с крылом линию: полоса тумана, чистое небо,

солнце, луна. Было чувство, словно присутствуешь при сотворении мира.

Сам гляциологический стационар находится под толстым слоем снега. На поверхности только буровая установка, мачта с красным флагом и входы вниз, как на капитанском мостике. Каждый вход снабжен люком. Пятнадцать домиков соединены под снегом переходами. То, что под ногами почти полкилометра льда, сразу чувствуется. Лед вторгается внутрь — переходы белы от инея и снега, везде растут кристаллами лед.

Гляциологический стационар существует с 1974 года. Главная его цель — комплексное изучение ледника. Здесь испытывается не только техника (в этом году, например, одновременно бурят во льду сиважины две группы буровиков: из Арктического и Антарктического НИИ и из Ленинградского горного института), но и сами методы комплексного исследования. Опыт станции «Купол Вавилова» потом используется экспедициями в Антарктиде. Ледник Северной Земли — это полигон. Не случайно все, с кем мы познакомились на станции, или уже были, или собирались в Антарктиду.

Когда научный состав стационара будет полностью укомплектован (при нас там работало всего шесть человек), исследования станут вестись по самым разным направлениям. Химики будут изучать структуру ледника, определять степень его загрязненности. Биологи — полярные микроорганизмы, животный мир ледника. Буровики попробуют взять керн с максимально возможной глубины. Гидрографы будут заниматься движением ледника. Геофизики — зондированием, определением рельефа подледного ложа. Будут вестись и гляциологические и метеорологические исследования. Это самые общие слова о многочисленных научных проблемах, стоящих перед учеными. В будущем исследования примут еще более широкий размах.

Но, какими бы впечатляющими ни были исследования, ведут их все-таки люди. У каждого свой характер, пристрастия, взгляды на жизнь. Несмотря на малый состав, станция продолжала работу. Ровно в восемь подавался завтрак, в час — обед, в семь — ужин. Готовили по очереди. Мне полюбились эти совместные встречи за столом, самый дух кают-компаний, чем-то он напоминал флотский. Подчеркнутая учтивость — тебя выслушивают, даже когда говоришь невпопад, позволяют себе разве доброжелательную улыбку. Непременная забота о товарище, который по необходимости находится там, наверху, на холоде. Надо обязательно, чтобы он поел горяченького. Явно ощутимый демократизм, который присущ людям, по-настоящему увлеченным, не привыкшим мелочиться и пикироваться по пустякам. Каждые шесть часов метеоролог Леонид Алексеев отправлялся на площадку снимать показания приборов. Горный инженер Виктор Бахтюков почти все время проводил на буровой. В алой казашке летал по территории «душа станции» гляциолог Леонид Сергеевич Говоруха, в свое время стоявший у истоков стационара, — сейчас он заканчивает работу над докторской диссертацией. Порой даже казалось странным, как это им удается одновременно каждому быть яркой личностью, а всем вместе — отличным коллективом. Что вообще привело их на ледник, где зимой — полярная ночь, морозы до минус пятидесяти, а летом только пять дней в месяц солнечные, остальные — туман или пурга? Изредка птичка пуночка залетит сюда, белый медведь пройдет стороной, лемминг прокатится по снегу темным мячиком. Вот и весь животный мир. Жизнь же людей на льду, как бы хороша она ни была организована, все равно есть отречение от нормальной жизни, к которой привыкло большинство. Поэтому, разговаривая с Алексеевым, Бахтюковым, Говорухой, я старался понять их личное обоснование собственного здесь пребывания.

Вот, скажем, метеоролог Леонид Алексеев. На Севере с девятнадцати лет. Работал радистом-метеорологом на острове Колочине, на мысе Ванкарем, мысе Биллингса. Под писк морзянки познакомился полярной ночью с будущей женой Людмилой — она тоже была радистом. Зимовали вместе на Ванкареме. Алексеев прекрасно знает северную жизнь, она, можно сказать, его сформировала. Лучшее его воспоминание: молодость, женитьба — все на Севере. Как же с ним расстаться? Алексеев мечтает поработать еще и на дрейфующих станциях и в

Антарктиде. Мне, правда, кажется, что в то же время он понимает, что пора и о покое подумать, о семье — дочери уже двенадцать лет! Отсюда некоторый разлад. Послал несколько месяцев назад радиogramму — попросил разрешить остаться еще на полгода. Ответа долго не было, он решил ехать домой. Чемоданы уложил. Тут вдруг ответ: «Разрешаем». Леониду и смешно и грустно... — Зде́шняя жизнь как бы выдавливает из человека все пустое, — считает он. — Спокойный ритм, меньше тратьшь нервов. Там, в Ленинграде, куда чаще нервничаешь, а здесь наедине с собой, с природой, со своим делом...

Или Виктор Бахтюков. Одержимый человек. О своей буровой установке может говорить часами. Собирается в новую комплексную антарктическую экспедицию. Здесь буровая установка Горного института проходит перед Антарктидой полную обкатку «от снаряда до изъятия керна». Сразу чувствуется, Бахтюков — работага, умница, человек цели.

— Здесь все проще, — говорит Бахтюков, — элементарные человеческие истины выходят на первый план. Ты живешь, у тебя есть дело. Станет иногда тоскливо, подумаешь: «Но ведь Антарктида до сих пор непробуренная стоит!» Значит, есть цель! Ну, а минус зде́шней жизни — разлука с родными, близкими. Приедешь домой, обязательно кто-нибудь спросит: «Что вы там, не перебрзлись, как пауки в бане?» Я не сторонник теории человеческой несоместимости. Все люди совместимы, если у каждого из них есть дело. Дело — главное, все остальное тогда становится второстепенным...

Или Леонид Сергеевич Говоруха. Был на Куполе Вавилова одним из первых, в 1962 году. С тех пор и до открытия стационара в 1974 году был здесь почти ежегодно. Исключения — когда ездил в Антарктиду. Во многом благодаря его настойчивости и научным обоснованиям был создан на Куполе первый в стране гляциологический стационар, чтобы вести наблюдение за ледником круглогодично. А уже в мае 1977 года на леднике была проведена Всесоюзная школа-семинар гляциологов!

— Глявное, что мы оттуда вынесли, — смеется Говоруха, — это то, что изучение ледника — страшно захватывающая вещь, а гляциология — самая сейчас главная наука! Физика, химия, гидрология и все прочее — служанки гляциологии! А если серьезно... Когда зимуешь с хорошими товарищами, то эти месяцы вовсе не вычеркиваешь из жизни, а, наоборот, приплюсовываешь. Я, например, многие научные труды здесь писал. А что? Покой и воля. Работай на здоровье. Идеальные условия...

Говоруха — альпинист, кандидат в мастера спорта, сам водит вездеход, умеет обращаться с любой северной техникой. Для него стационар — дело всей жизни. Сколько сил, знаний, энергии отдал он этим пятнадцати домикам среди льда. Говоруха — родоначальник многих местных традиций, герой местного фольклора. Как же ему не стремиться сюда каждый год?

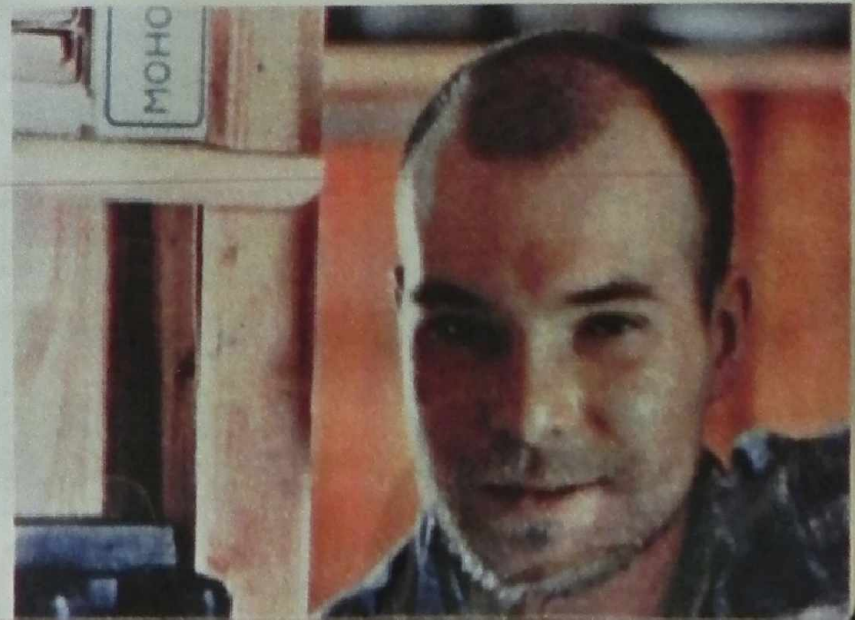
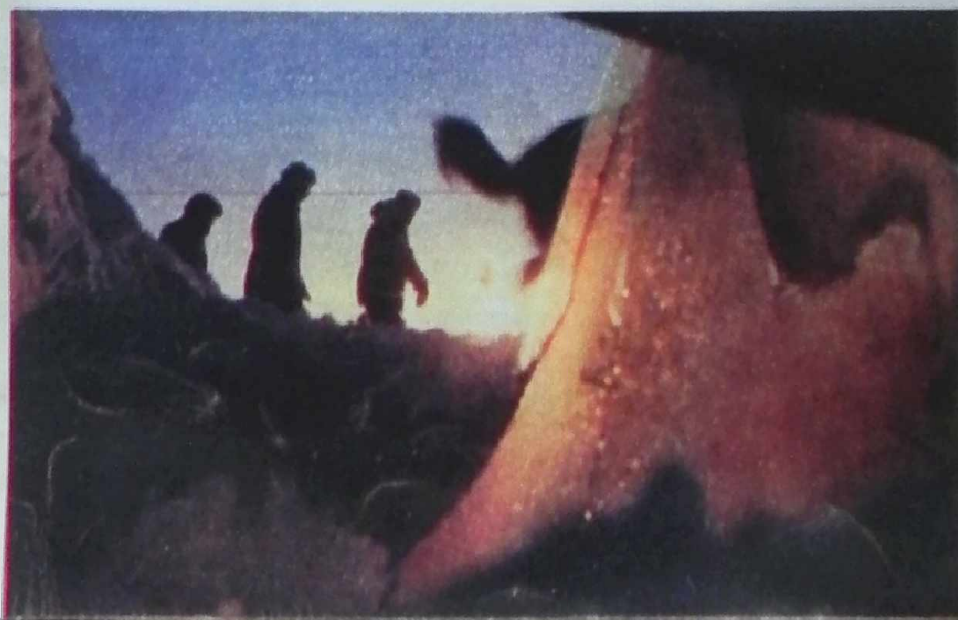
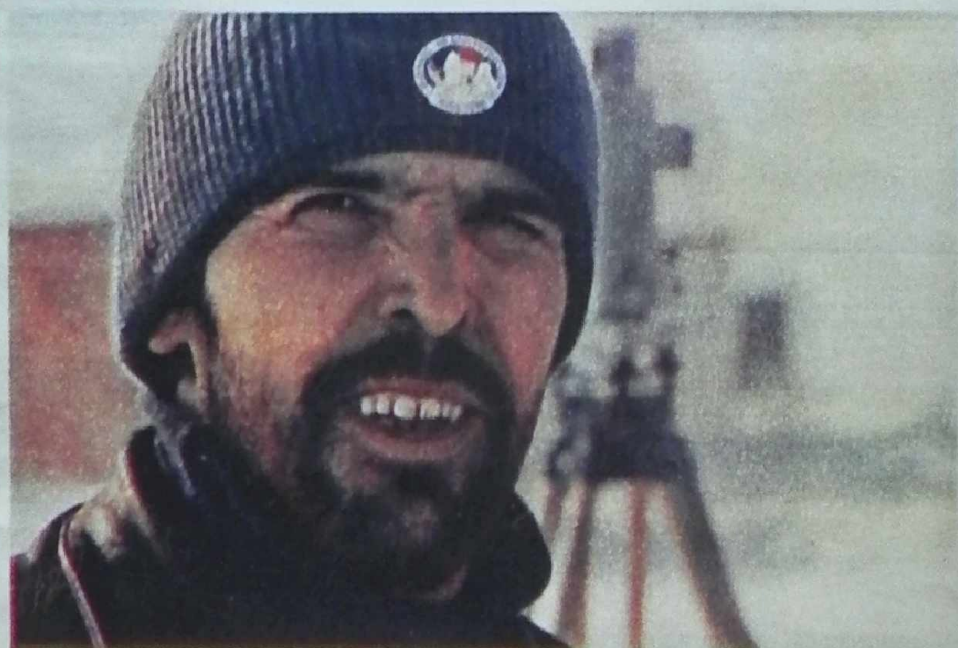
Дни на Куполе летели быстро. Вернее, длился один полярный день. Пора было уезжать. На вездеходе — почти сутки по Арктике — до аэродрома на острове Среднем, а оттуда уже куда получится с любой оказией, в любую точку материка. Потом в Москву. Предстоял долгий путь по льдине, по белой земле Арктики. Проводить вышли все, кто был на станции. А когда вездеход тронулся и словно снежная мука запылилась у него под гусеницами, явился на первый взгляд странная мысль: людям, оказавшимся в Арктике наездом, трудно понять людей, живущих и работающих здесь по долгу. Но отчего тогда, уезжая к теплу, к дому, завидуешь им, остающимся в холоде, среди снега и льда? Выходишь, раз завидуешь, значит, все-таки понимаешь?

Купол Вавилова — Диксон — Москва.

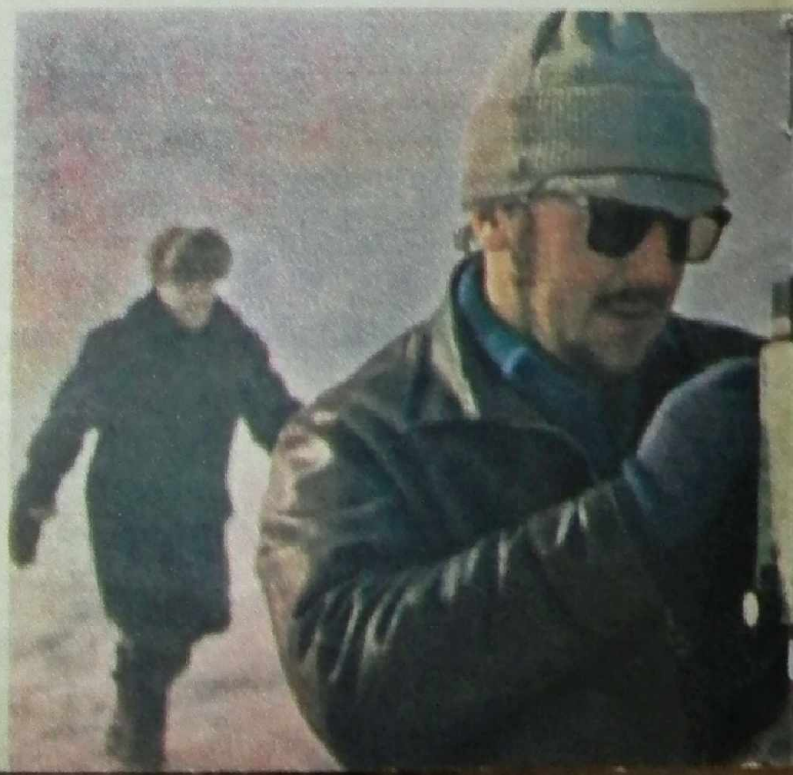
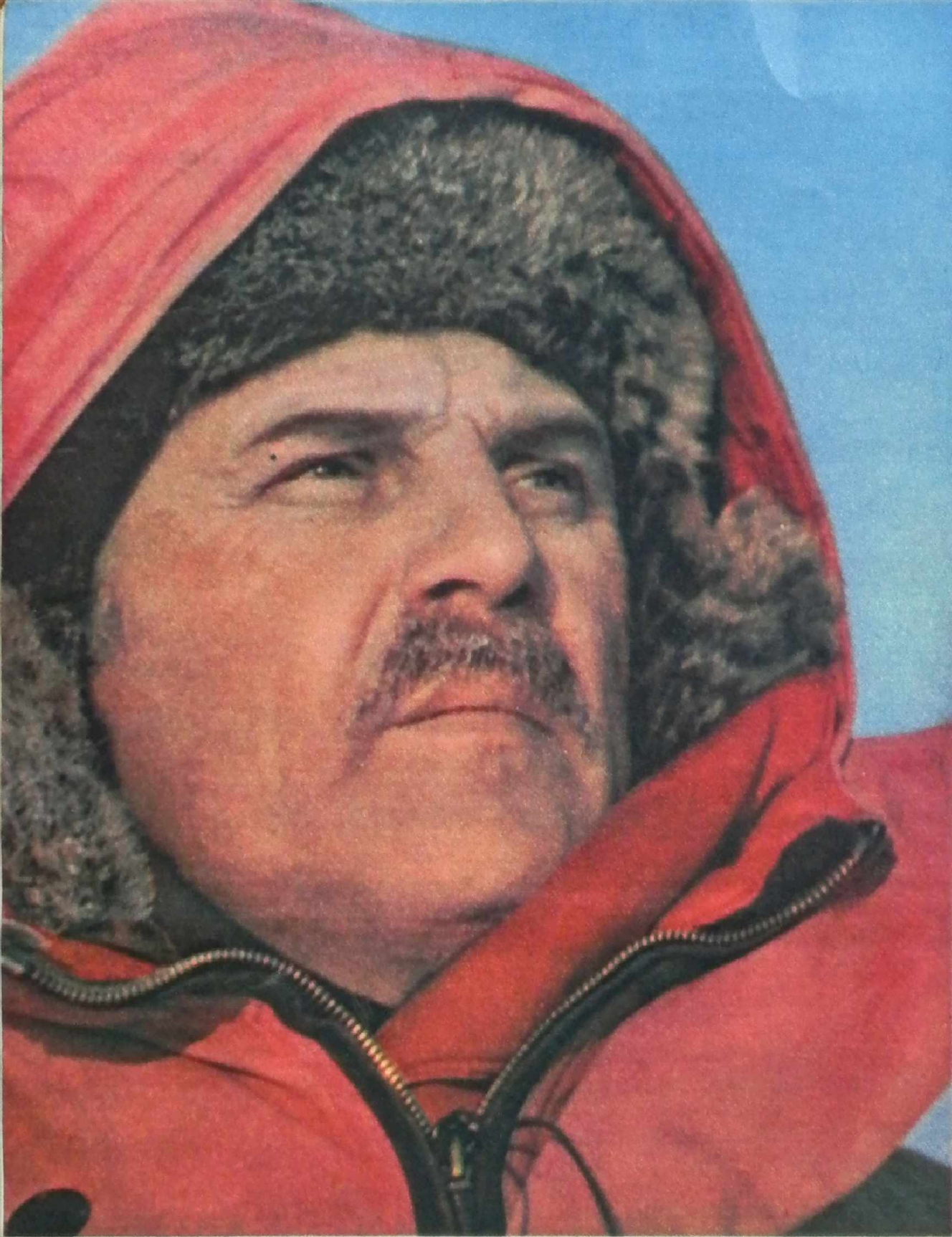
Гляциологический стационар на леднике Вавилова (остров Октябрьской Революции, Северная Земля) — вход в помещение * Научный сотрудник Владимир Яковлев * Обед на дальной буровой (слева направо): Александр Толстой, Владимир Яковлев и Валерий Шашкин * Стационар. Утренний обход * Буровик Никита Миншиков.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Начальник стационара Игорь Симонов * Вездеход — главное средство передвижения * Холодно! * Наблюдения ведутся круглосуточно * Так разгружаются самолеты.

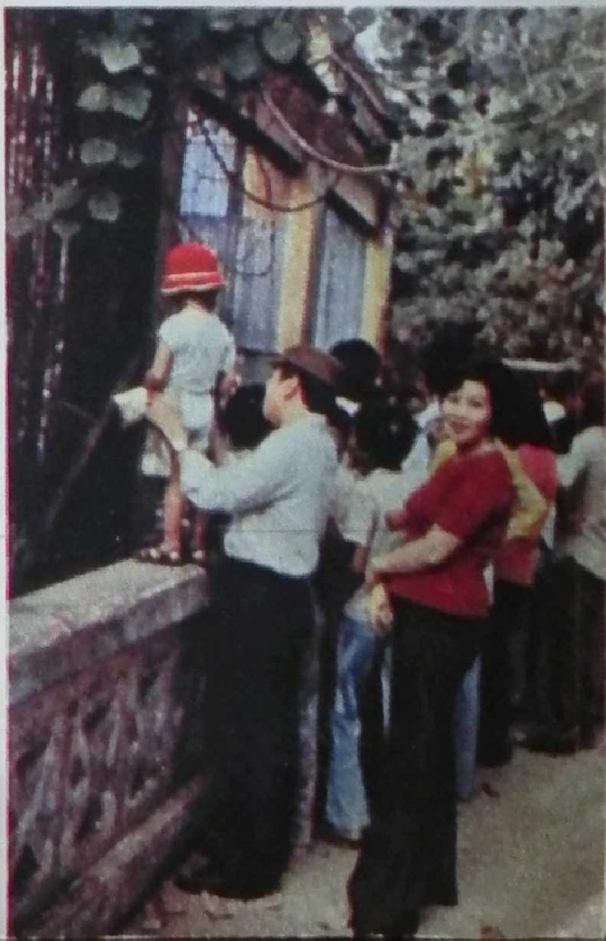
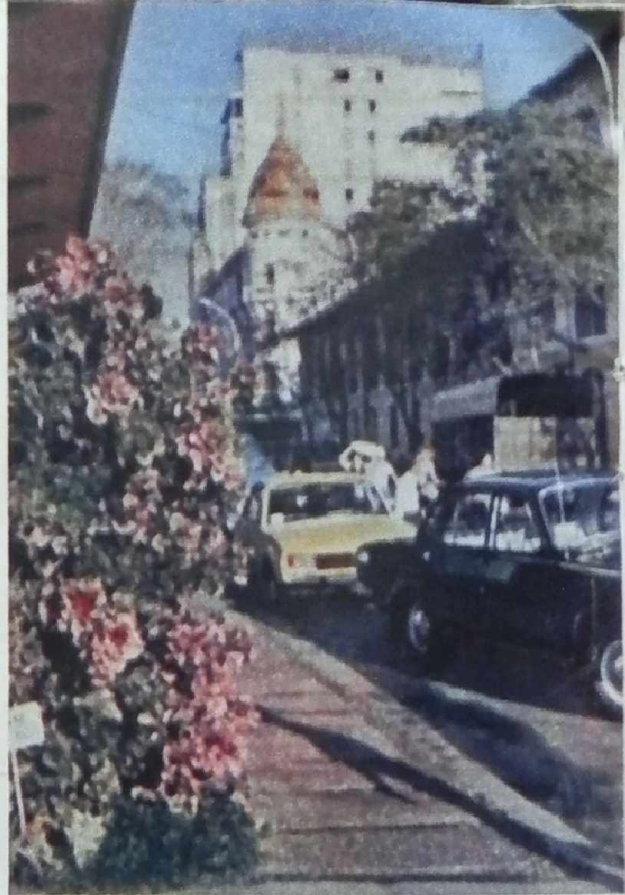

ГОРОД ХОШИМИН, 1980

СТРАНИЧКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКОВ

Юрий ЖУКОВ,
Иван ЩЕДРОВ

Сколько лет мы страстно мечтали взглянуть хотя бы одним глазком на Южный Вьетнам, с таким упорством и мужеством сражавшийся против самой сильной империалистической державы и сумевший вопреки всем прогнозам одолеть ее! Правда, одному из нас, надевшему в 1965 году черную партизанскую «форму» — рубашку на выпуск и широкие крестьянские брюки, удалось добраться тайными тропами по американским тылам до ближних подступов к Сайгону и увидеть войну, которая бушевала там, с той стороны. Но в самом Сайгоне все же тогда побывать не удалось...

И вот теперь давняя мечта сбылась, — мы прибыли, наконец, в Южный Вьетнам. Впрочем, теперь он так уже не называется, — это просто южные районы Социалистической Республики Вьетнам. Исчезло с карты и наименование Сайгон. Отныне и навеки он город Хошимин.

Этим именем он впервые был назван в незабываемые дни Августовской революции 1945 года. Отсюда в 1911 году с сохранившегося до наших дней причала «Обитель дракона» на океанском пассажирском судне «Адмирал Латуш-Тревиль» отправился в Европу молодой вьетнамец Нгуен Тат Тхань. Тридцать лет спустя он вернулся на родину под именем, которое отныне вошло в историю, — Хо Ши Мин, чтобы возглавить революционно-освободительную борьбу. Она завершилась образованием на территории всей страны в 1945 году Демократической Республики Вьетнам. В Сайгоне окончательно и навек зная всенародной победы было водружено 30 апреля 1975 года.

Полет из Ханоя в Хошимин на борту самолета «Ту-134» с опознавательными знаками вьетнамской гражданской авиации совершается ошеломляюще быстро. И вот уже по сторонам мелькают бесконечной волнообразной линией стале-бетонные укрытия для самолетов, построенные американцами, — это знаменитый на весь мир сайгонский аэродром Таншон-Ният — ворота, через которые Америка с позором и стыдом бежала из Юго-Восточной Азии пять лет назад.

Когда Сайгон был взят штурмом, революционеры радовались: теперь все богатства будут принадлежать народу, и жизнь быстро станет легче. Но реальность оказалась куда сложнее: гигантскую машину, созданную в интересах одного класса, оказалось совсем нелегко приспособить и обслуживанию интересов другого класса. И когда сегодня бродишь по улицам Хошимина, все еще видишь то там, то здесь явственные черты старого Сайгона — мертвый держит живого.

Что и говорить, город красив. Колонизаторы, а особенно американцы шестидесятых и начала семидесятых годов строили с размахом, намереваясь здесь жить века. Широкие авеню. Сверкающие мрамором и медью фасады высотных домов. Буйные тропические парки. Тигры в клетках, крокодилы в вольерах, слоны на своих площадках. Чудо архитектуры — дворец, построенный для диктаторов-марионеток, — он обошелся американским на-

логоплательщикам в один миллиард двести миллионов долларов. Здесь было все к услугам сайгонских «президентов» — от радиостанции, обеспечивавшей круглосуточную связь с Вашингтоном, до плавательного бассейна; не было только одного: гарантии жизни, и когда очередная марионетка надоедала, ее убивали и сажали другую...

СТАРОЕ И НОВОЕ

Мы живем на берегу полноводной реки Сайгон в первоклассном отеле «Девять драконов», где в годы интервенции США обитали высшие американские военачальники. Почти рядом, за углом, угрюмая обшарпанная улица, некогда знаменитая своими увеселительными заведениями и роскошными магазинами парижского шика. Прямо перед нами — набережная, у которой швартуются поднимающиеся сюда по реке океанские корабли. Потрясает своим мечом бронзовый Чан Хынг Дао — легендарный вьетнамский полководец, разгромивший китайских захватчиков в XIII веке. А рядом — медные пушки, которыми пользовались французские завоеватели.

Мы выходим на набережную и смешиваемся с пестрой толпой. Во всю ширину улицы — неимоверно трескучий поток мотоциклов, заменяющий безмолвный велосипедный балет, к которому мы привыкли в Ханое. Многие мотоциклы переделаны в такси: за спиной водителя — самодельная кабинка, в которую втискиваются восемь — десять человек. И все это грохочет, рычит, плюется каким-то неимоверно едким белым газом, от которого ужасно першит в горле. Нам объясняют: бензин очень дорог, и в качестве горючего используют какую-то химическую, фантастическую поистине смесь.

На тротуарах — привычная для любого азиатского большого города жизнь. Один кипит на керосинке какое-то варенье, которого ждут присевшие на корточки клиенты; другой бреет заросшего юношу; третий ловко вырезает ножницами из черной бумаги силуэты; четвертый гадает на бобах; пятый продает контрабандные голландские сигареты и бутылочки кока-колы, шестой вежливо просит всех приобрести самые лучшие американские поздравительные открытки к Новому году — их, видимо, бросили бежавшие завоеватели, не успев воспользоваться; седьмой тут же, на тротуаре, развернул свою нехитрую мастерскую по ремонту мотоциклов; восьмой предлагает вам сделать маникюр; девятый чинит стулья; десятый мастерит статуэтки...

Каждый должен что-то сделать в течение дня, чтобы заработать на чашку риса. Там, на севере, за рекой Бенхай, вдоль которой по 17-й параллели в течение многих лет пролегла граница между социалистическим Вьетнамом и южной частью страны, которую американцы заставляли идти по капиталистическому пути, уже привыкли к тому, что правила жизни могут и должны быть совершенно иными. Но здесь понять и поверить в это некоторым людям пока еще трудно.

РАССКАЗЫВАЕТ ТОВАРИЩ ЧАН КУОК ХЫОНГ

— В дни освобождения мы не отдавали себе отчета в том, с какими огромными трудностями нам придется столкнуться, — так начал свой рассказ член ЦК Компартии Вьетнама, заместитель секретаря горкома партии в Хошимине товарищ Чан Куок Хыонг. — Начнем с того, что число жителей в городе тогда достигло четырех миллионов человек, город как бы распух, впитывая в себя население, бежавшее из деревень, где шли бои. И из этих четырех миллионов — более миллиона безработных...

Товарищ Чан Куок Хыонг мгновение помолчал, рассеянно теребя нервными длинными пальцами скатерку на столе, и продолжал:

— Назову такие цифры: примерно семьсот тысяч человек жили тем, что обслуживали американцев. Они тоже стали безработными. Добавьте к этому четыреста шестьдесят тысяч солдат и офицеров марионеточной армии, которых мы немедленно разоружили и после проведения политико-воспитательной работы распустили по домам. Они также стали безработными. Наконец, в Сайгоне было сто тысяч проституток, торговцев наркотиками и воров. Эти тоже стали безработными...

Возник вопрос: что дальше? Еще до освобождения ЦК принял решение: нельзя допустить, чтобы хотя бы один гражданин Вьетнама остался без работы. Следовало немедленно наладить промышленность, другие отрасли экономики. Но тут выяснилось еще одна коварная сторона «деятельности» американцев: значительная часть промышленности была рассчитана на импортное сырье, а запаса его осталось всего на три месяца. Будь у нас, к примеру, пряжа, наши текстильные фабрики могли бы ткать 270 миллионов метров ткани в год. Одели бы чуть не половину Юго-Восточной Азии! А пряжи нет и даже прядильных фабрик нет. И вот мощные ткацкие предприятия вскоре остановились. Прекратили работу и завод пластмассовых изделий, и довольно мощная фармацевтическая промышленность...

Руководителям партийной организации города пришлось напряженно искать выход из создавшегося положения. Часть безработных была послана в новые экономические районы в центр страны. Двинули вовсю развитие кустарных промыслов. С помощью советских специалистов стали переделывать предприятия, построенные американцами, так, чтобы они смогли работать на местном сырье.

И все-таки, все-таки... До сих пор четыреста тысяч жителей не имеют постоянной работы! Все еще чувствуются трудности со снабжением. А кроме того, есть еще немало бездельников, ищущих легкого заработка.

Государство принимает твердые меры для наведения порядка в городе. Большое внимание уделяется распределению продуктов по твердым ценам. Власти стремятся помочь рабочим найти дополнительную работу, чтобы поднять их доходы. Сейчас средний заработок рабочего определяется довольно скромной суммой — шестьдесят донгов. Отходы от некоторых видов производства, из которых можно изготовлять и продавать кустарные изделия, мы передаем рабочим — восемьдесят процентов выручки от продажи таких изделий идет рабочему и только двадцать — государству. Семьи рабочих обеспечиваются семенами овощей для разведения огородов, а также кормом для скота...

Товарищ Чан Куок Хыонг откровенно говорит о трудностях, связанных с регулированием торговли. А они были немалые — куда легче было сражаться с врагом в бою, чем выдерживать баталии со стихией мелкого частного капитализма на рынке! Ведь и ныне почти половина семей в городе Хошимине в той или иной степени занята торговлей, пусть даже ее экономический эффект ничтожен. Детишки на бульваре торгуют водой или сигаретами, женщины продают суп, кашу, тончайшие ломкие листы сушеного теста.

В КВАРТАЛАХ ХУАЦАО

На черном рынке продается все, что угодно, — конечно, по баснословным ценам, трудовому человеку недоступным: новейшие стереофонические магнитофоны, фотоаппаратура, художественные изделия музейной ценности — все это приплывает ночью с моря либо уплывает туда же, опять-таки ночью: контрабанда. А центром этой контрабанды, дающей миллионные барыши, остается китайский квартал города — знаменитый Шолон, где живут свыше полумиллиона хуацзя, образующие, как здесь говорят, «государство в государстве»...

Город Хошимин. Почтамт * В выходной день * На одной из улиц * Советский теплоход «Ижора» доставил груз из Одессы * Уличная сценка * Здесь вы можете приобрести конверты, открытки * Военный моряк на посту у ворот судоверфи * В зоопарке.

Фото Ю. ЖУКОВА

Мы побывали несколько раз в этом квартале, резко отличающемся по виду от остальных районов города, — люди лучше одеты, упитаннее; настольные раскрыты двери многих увеселительных заведений — за их стенами грохочет музыка. По вечерам улицы залиты светом реклам.

Зашли в один из китайских храмов. Он был переполнен. Шла служба. В глубине, в чаду тысяч горящих благовонных палочек, мерцали разноцветные огоньки, подчиняясь хитрой электронной игре автомата, регулирующего их бег. Справа ловкий дядя, принимая деньги, тушью заполнял красные ярлыки, которые разрешается здесь же наклеивать на статую льва, чтобы сбылось заветное желание. Бойко шла торговля условными бумажными деньгами, — если успел их не захватил своих капиталов на тот свет, их можно передать ему с помощью этих условных денег, достаточно тут же сжечь их на святом огне. А у выхода из храма верующих атаковали безногие, слепые, нищие, распластавшиеся на каменных плитах.

Все было как в далекие средние века — хуацзо полностью сохранили традиции, вывезенные из Китая их предками. Определенная часть хуацзо еще более ревностно соблюдает другую традицию: ставить интересы Пекина выше интересов той страны, которая дала им приют.

«ВСЕ ЗА ОДНОГО — ОДИН ЗА ВСЕХ»

Государственный судоремонтный завод «Башон», основанный французскими колонизаторами более ста лет назад, — крупнейшее предприятие города.

На этом заводе еще в тридцатые годы была создана первая в Сайгоне партийная организация. Отсюда осуществлялось руководство многими военными акциями против японских, а затем и американских оккупантов. С 1940 года подпольной партийной организацией руководил башонский рабочий Нгуен Хо, с которым нам довелось встретиться. Он был схвачен полицией и брошен в застенки страшной тюрьмы на острове Пуло-Кондор, где заключенных держали в «тигровых клетках». Там Нгуен Хо познакомился с Ле Зуаном, нынешним Генеральным секретарем ЦК Компартии Вьетнама, и там же, в островной тюрьме, под руководством Ле Зуана заключенные праздновали 7 ноября 1941 года годовщину Октября, твердо веря в грядущую победу над фашизмом. Сейчас Нгуен Хо — член бюро горкома партии, председатель отделения Общества вьетнамско-советской дружбы, заместитель председателя городского комитета Отечественного фронта.

В дни апрельского освободительного восстания в 1975 году рабочие завода вместе с солдатами захватили судоремонтные мастерские, помешали американцам разрушить их, взяли в заводоуправлении всю документацию, которую оккупанты хотели уничтожить. И уже на следующий день после их бегства предприятие возобновило работу. Директором стал старый рабочий Тхань Ба. Первое задание, которое получил завод, заключалось в следующем: срочно отремонтировать брошенное оккупантами судно под номером 503, отправить на остров-тюрьму Пуло-Кондор и вывезти оттуда уцелевших политзаключенных! Задание это было выполнено с неоправданным энтузиазмом. Ну, а дальше потекли обычные рабочие будни.

Завод только что завершил средний ремонт большого советского судна «Дальнереченск» — оно стояло уже у стенки порта, готовое к отходу. Заканчивался ремонт океанского теплохода ГДР. Ремонтируется бесчисленное множество небольших вьетнамских судов. Товарищи водят нас по цехам, знакомят с рабочими, с советскими специалистами.

После бесед в цехах, после горячего братского митинга мы рассаживаемся в кабинете директора за низенькими столиками, накрытыми кружевными скатертями, утоляем жажду прохладным кокосовым соком, и парторг завода товарищ Нгуен Тхонг продолжает беседу, начатую в цехах:

— Вы обратили внимание на плакат, висящий на стене в механическом цехе, — «Все за одного, один за всех»? Этот лозунг, помогавший нам в войне, сейчас помогает в труде. И мы рады, что советские инженеры и рабочие — Павел Владимирович Ковальчук из Находки, Владимир Иосифович Яценко из Владивостока, Владимир Михайлович Выборненков и Михаил Семенович Реутин из Находки, — и другие целиком разделяют наш лозунг. Вместе с нами с утра до ночи, а если надо, то и с ночи до утра они находятся в цехах и работают по принципу «Все за одного, один за всех». И дело спорится, но перед нами еще уйма трудностей. Да, трудностей немало: оборудование старое, американцы и

компрадоры использовали его на износ. Технология примитивная. Организация труда — на низком уровне: сдельщины нет. Оплата у всех одинаковая. Единственный стимул материального поощрения — отработаешь смену сверх нормы — получишь дополнительно третью порцию еды в сутки. Еду раздают тут же, на заводе. Но главное — необходимо привить каждому рабочему чувство личной ответственности за свой завод.

И еще: как ни крутись, а пока все еще не удается поднять жизненный уровень на нужную высоту. Зарботки низки, цены на черном рынке растут, а того, что люди получают по карточкам, маловато. Можно ли после этого удивляться, если некоторые, уставшие от долгих лет войны, начинают сетовать... Дает о себе знать и влияние прошлого — ведь все еще жив черный рынок со всеми своими соблазнами, где орудуют контрабандисты и торговцы наркотиками, находящие прибежище в темных закоулках Шолона...

Слушаешь эти рассказы и невольно вспоминаешь страстные ленинские слова об опасности Сухарева, нашего российского черного рынка, разедавшего обессиленную гражданскую войной экономику страны.

Вечером мы допоздна толковали с нашими инженерами, работавшими на этом заводе. С какой страстью говорили они о тех практических проблемах, которые ежедневно и ежечасно встают перед коллективом, который учится жить и работать по-новому, — сколько силы и знаний — не только технических, но и педагогических, отдают они, чтобы перевоспитать своих коллег, привыкших работать по формуле: «завод — хозяйский, труд — мой. Моя задача — получить побольше, а труда отдать поменьше!» В таких делах решает прежде всего сила примера. Реальное представление о том, что такое социализм, люди получают, наблюдая за советскими специалистами, которые никогда не оставляют недоделанным начатое, не пройдут мимо брошенного куска металла, не подобрав его, не позволят себе прилечь в невыносимо жаркий час: «Отдыхать будем дома!»

ДЕЛОВЫЕ ВСТРЕЧИ

В порту Хошимина, где день и ночь кипит работа, у причала стояли океанские суда многих стран, и среди них восемнадцатитысячетонный сухогруз «Ижора». Капитан этой громадины Борис Александрович Макаров рассказывает нам, что он только что доставил из Одессы оборудование, кабель, асбест, сульфат; заберет здесь груз — консервированные ананасы, ликеры, готовую одежду.

Рядом стоит другое советское судно — «Ленинаторск». К его борту один за другим подкатывают машины с ящиками медикаментов местного производства: идет погрузка. Видим суда под польскими, либерийскими, французскими и иными флагами. Несколько сухогрузов пришло под японским флагом. Всего под погрузкой ежедневно двадцать — двадцать пять судов.

— Наш грузооборот быстро растет, — рассказывает начальник порта товарищ Нгуен Ти Конг. — В 1978 году он составлял два миллиона тонн, а в 1980 году мы наеемся обработать три миллиона тонн. В порту четыре тысячи рабочих, но все равно мы не успеваем вовремя закончить выгрузку и погрузку, ведь половину работ пока приходится выполнять вручную. В Хайфоне легче: там уже семьдесят процентов работ механизировано, и 6—7 тысяч докеров и такелажников довольно легко обрабатывают суда. Надеюсь, что и здесь мы сумеем усилить механизацию...

Тепло принимали нас в Технико-педагогическом институте. Само название его необычно. Кого и чему здесь учат? Стране нужны люди, обладающие элементарной технической грамотностью, способные готовить кадры самого разнообразного профиля. Сюда поступают юноши и девушки со средним образованием, в течение пяти лет они постигают одновременно премудрости технических наук плюс педагогическое мастерство, и их сразу же посылают преподавателями в школы по подготовке квалифицированных рабочих и мастеров.

Отсюда, из института, выходят преподаватели по машиностроению, по эксплуатации и ремонту автомобиля, по энергетике, по те-

ретической механике, черчению, промышленной электронике, и так далее. Некоторые факультеты рассчитаны всего на четыре года — посещая их, можно стать специалистом по общей промышленной технике, по животноводству и зоотехнии, по растениеводству, и, наконец, по подготовке квалифицированных кадров для пошивочных ателье и даже по домоводству и кулинарии.

Беседу с нами о работе этого необычного учебного заведения вел заместитель директора института, кандидат наук Нгуен Ван Дык, окончивший в Ленинграде институт по специальности горное машиностроение. В годы войны он ремонтировал военную технику, поврежденную американскими бомбардировщиками. Потом командировка на учебу в СССР, а оттуда — прямо в институт.

Нгуен Ван Дык сообщил, что этот институт построили американцы в 1973 году, но два года спустя оккупантам пришлось бежать, и первый же, досрочный, выпуск института в 1976 году дал республике 174 специалистов.

Преподаватели, которых привезли из-за океана, сбежали вслед за своими хозяевами.

— Мы об этом не жалеем, — говорит Нгуен Ван Дык, — замена быстро нашлась. Большинство наших нынешних преподавателей обучалось в СССР, ГДР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии. Профессор Хоанг Ким Иен окончил Московский университет. Заведующий учебной частью товарищ Ха Куанг Минь — Одесский политехнический.

Желающих попасть в институт куда больше, чем мест. Осенью 1979 года из 1900 кандидатов было принято лишь триста девяносто. Отбор строг: надо выдержать конкурсный экзамен...

Важное место в институте отводится политическим дисциплинам — студенты изучают политэкономии, историю партии, научный коммунизм. Активно работают партийная организация и комсомол. В рядах партийной организации восьмьюсот преподавателей и студентов. Студенты — народ боевой: многие прошли школу войны, работали на производстве. «Это будут надежные кадры», — говорит Нгуен Ван Дык.

НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ

Со своим старым товарищем по партизанскому отряду, действовавшему под Сайгоном, комиссаром Бай Тхыонгом, мы сидим в некогда самом аристократическом отеле «Каравелла» на бывшей улице Катина. Подпольщики, с которыми одному из нас в 1965 году довелось жить на одной из явок в сельских пригородах Сайгона, участвовали тогда в дерзкой операции по ликвидации логова американского офицера, размещавшегося в этой самой гостинице. Бай Тхыонг, который после освобождения возглавляет управление культуры и информации крупнейшего города страны, шутит:

— Может, хорошо, что та операция удалась лишь наполовину, а то где бы мы сейчас сидели?

Взрывчатка сработала, серьезно повредив отель, было уничтожено много интервентов, но здание устояло.

В гости к нам в «Каравеллу» пришли знаменитая сайгонская актриса шестидесятых — семидесятых годов — Тхам Тхюи Ханг (Далекая прекрасная луна) и ее муж Нгуен Суан Оань. Разговор зашел об интеллигенции, о «бывших», которых западная печать безапелляционно относит, если не к врагам, то к верняка уж к жертвам революционной республики. В числе тех, кто сотрудничал с французскими колонизаторами и американскими интервентами, оказалось немало людей, которые так и не приняли новую жизнь. Кто по классовым позициям, а кто и под влиянием многолетней антикоммунистической пропаганды. После освобождения Вьетнам покинули сотни тысяч беженцев. Были среди них люди, которые поддались на удочку западной и пекинской пропаганды, запугивающей обывателя революционными переменами, неминуемой «кровою баней». Бежали и отъявленные головорезы, которые страшились народной мести.

Но ушли интервенты, рухнул марионеточный режим, а «кровою баней» и репрессий не последовало. Власть была передана народу. Нет в Хошимине деления на «бывших» и освободителей, на категории «благонадежного» и враждебно настроенного населения, как это было при проведении американцами операции «Феникс» по физическому устранению подозреваемых в сочувствии к партизанам.

Тхам Тхюи Ханг, сыгравшая десятки крупных ролей в кино и на сцене, с увлечением рассказывает о своих новых работах в только что вышедших на экран художественном

фильме «Мир одного человека», который разоблачает американских оккупантов, и в лирической комедии «Кучевые облака». Впереди съемки в совместной вьетнамско-японской картине.

— Мечтаю побывать в Москве, на кинофестивале, — говорит актриса.

— Где-то мы с вами встречались, уж очень знакомая фамилия да и лицо, — говорит один из нас, обращаясь к ее мужу Нгуен Суан Оаню. — Вы не были в партизанских районах в 1965 году?

— Нет, это исключено. В то время я занимал пост премьер-министра здесь, в Сайгоне, — отвечает он.

Когда Вашингтон начал пиратскую войну против Северного Вьетнама, а на юге неприкрытую вооруженную интервенцию, когда сюда бросали одну американскую дивизию за другой, либеральный и недостаточно «решительный», а точнее, не готовый на все, лидер больше не устраивал хозяев, и его заменили «ястребом» — вице-маршалом авиации Нгуен Као Ки. Тем самым, который сегодня занимается мелким бизнесом в США.

Нгуен Суан Оаня тогда отправили в почетную заграничную ссылку — чиновником в Международный монетный фонд. В Сайгон он вернулся уже в начале семидесятых годов, когда режим переживал агонию. Ему был дан пост правительства координатора экономических служб. Но это уже был другой человек, многое понявший и осознавший. И когда весной 1975 года настало время выбора: бежать — а ему было место в последних вертолетах — или остаться на родине, со своим народом, Нгуен Суан Оаня сделал его без особых колебаний. Он остался на родине.

Проверку приверженности народному строю он и сотни тысяч других сайгонцев проходили в обстановке, когда только что ставшему свободным и единым Вьетнаму стал угрожать Китай. Сначала, с весны 1975 года, при подстрекательстве Пекина его кампучийскими ставленниками была развязана «малая война» в 50—70 километрах от Хошимина, растянувшаяся на два с половиной года. Затем последовала неприкрытая агрессия Китая. Вдохновителем этих авантур был Вашингтон.

В одной из последних своих статей, посвященных стратегии внешней торговли СРВ, Нгуен Суан Оаня глубоко анализирует экономику южных районов республики, опыт ДРВ, новые факторы — экономическую блокаду республики Соединенными Штатами и Китаем, подчеркивая при этом исключительно важное значение вступления Социалистической Республики Вьетнам в СЭВ. Доктору экономических наук, человеку с богатым жизненным и профессиональным опытом есть что сказать. Сегодня Нгуен Суан Оаня — активный участник борьбы за новый Вьетнам.

В Хошимине живет и другой, пожалуй, самый известный деятель прошлой эпохи, не раз занимавший раньше главное сайгонское кресло, в том числе и в последние дни существования марионеточной «Республики Вьетнам». Это разрекламированный в свое время западной печатью «Большой Минь» — генерал Зыонг Ван Минь. Гражданин Зыонг Ван Минь в 1976 году, когда встал вопрос: быть ли Вьетнаму единым, — отдал свой голос за объединение родины, за республику рабочих и крестьян.

Бывший бригадный генерал Нгуен Хыу Хань, с которым мы беседуем, тогда, в апреле 1975-го, по поручению Зыонг Ван Миня зачитывал по радио акт о капитуляции вооруженных сил сайгонского режима. 45-летний бригадный генерал был заместителем начальника генерального штаба, мог улететь на одном из последних вертолетов, но он сделал другой выбор. Сейчас Нгуен Хыу Хань — член ЦК Отечественного фронта Вьетнама, один из руководителей местного отделения Общества вьетнамско-советской дружбы.

В киностудии Хошимина — второй в стране, — которой руководит Май Лок, пионер отечественной революционной кинодокументалистики, бывший директор партизанской киностудии «Освобождение», мы встречались с теми, кто делал фильмы при американцах, и теми, кто вернулся сюда после победы. Наши собеседники не скрывали, что их нынешний жизненный уровень явно ниже того, что у них был при марионеточном режиме. Но есть ценности для гражданина, которые выше всего этого, говорили наши собеседники.

Человек, имя которого носит город, великий Хо Ши Мин, в самые трудные дни сопротивления определил их словами: «Нет ничего дороже свободы и независимости!»

Хошимин — Москва.

ТАНК ПОНОМАРЕВЫХ

Ираида Федоровна развернула пожелтевшую газету.

— Вот все, что осталось на память, — произнесла она.

В свертке — небольшая пластинка из нержавеющей стали. На ней надпись: «Дорогому сыну и мужу Ивану Пономареву от Иранды и Евдокии Пономаревых». Эта пластинка предназначалась для танка Т-34, который на свои трудовые сбережения купили Пономаревы — мать и жена Ивана. Но пластинку не прикрепили к танку — мала оказалась. И тогда была изготовлена другая, побольше, а надпись оставили ту же.

Семья Пономаревых — Максим Ефремович и Ираида Федоровна — одной из первых вступила в колхоз. Максим Ефремович работал счетоводом и бухгалтером, а затем, окончив курсы, стал зоотехником. В семье росли три сына и дочь.

Нагрянула война. В первые же дни ушел на фронт Максим Ефремович. Потом призвали старшего сына, Ивана. По нему плакала не только мать, но и молодая жена Евдокия. Следом ушел средний, Галантион. В сорок втором простился с матерью и младшим сыном, Вячеслав.

Осиротела деревня. Остались женщины да подростки. Чуть свет спешили они на ферму, в поле, с темнотою возвращались домой.

По воскресеньям собирались в правлении колхоза, вязали шерстяные носки и рукавицы, свитера, вышивали кисеты для воинов Красной Армии. Пели песни, шутили. И здесь же вместе переживали горе, когда в чей-нибудь дом приходила «похоронка». Эти воскресенья называли днями красной пряхи.

В конце сорок второго года председатель колхоза на трудовые сбережения купил самолет-штурмовик ИЛ-2 и подарил его фронту. Вест о патристическом поступке Кравченко облетела округу.

— Стали мы со снохой Дусей думать, чем помочь фронту, — рассказывает Ираида Федоровна. — Решили: продадим все, что есть, — картошку, двух бычков...

Студенным январским днем сорок третьего года из деревни Новая Башкарка вышел обоз из шести подвод. До ближайшего города было уж не так далеко, однако из-за сильного мороза, беспросветной вьюги и бездорожья доехали лишь на третий день.

— Когда все продали, деньги рассказали по портфелям, закутали в мешки и рогожу, уложили на дно саней. Как не догадались сдать в банк — ума не приложу, — смеется Евдокия Игнатьевна.

Когда подъехали к райкому партии, их уже ждали.

— Выскочили из саней и бегом в дом. Прислонились к печке, а про деньги-то и забыли. Потом принесли, стали считать...

Деньги сдали в Госбанк на счет № 350 (во время Великой Отечественной войны был открыт специальный счет под этим номером — фонд Красной Армии). А через несколько дней женщины-патриотки пригласили на завод. Им показали конвейер, с которого сходили грозные машины.

1941
—
1945

ЛЕТОПИСЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Из люка одного танка показался танкист, отыскал в толпе Ираиду Федоровну и Евдокию Игнатьевну, вскинул руку с поднятым вверх большим пальцем — отличная, дескать, машина. Начался митинг. Собравшиеся сердечно благодарили колхозниц.

На танк поднялась Ираида Федоровна.

— Все мои дети на фронте и муж... — Больше она не могла говорить.

— Спасибо, мать! Все понимаем!

Танк, вздрогнув корпусом, взвизгнув гусеницами, пошел. На сиденье командира — Ираида Федоровна. Во второй машине — Евдокия Игнатьевна.

В деревне состоялся митинг. И снова слова благодарности двум патриоткам.

Женщины стояли на дороге, махали платками вслед уходящим танкам. Им очень хотелось, чтобы их танк попал в руки сына и мужа Ивана...

Иван Максимович начал войну под Великими Луками. За мужество и храбрость удостоен наград — орденов Красной Звезды, Отечественной войны II степени, многих медалей.

— Когда узнал, что мать и жена подарили танк фронту, все время разглядывал именные машины — их было много, но нашей так и не встретил.

— Жаль, конечно, что не был ты, Ваня, танкистом, — говорит мать, — ну ничего. Все, кто воевал, — мои сыновья. — Ираида Федоровна бережно раскладывает на столе письма мужа и сыновей. Письма фронтовиков! Какой верой в победу дышат их строки! Теплота и сердечность, любовь и благодарность к матери и жене, к Родине пронизывают все письма солдат.

Две красные звездочки на доме Иранды Федоровны — это память о муже и младшем сыне, не вернувшихся с полей брани.

Ираида Федоровна 82 года. Но она бодр, жизнерадостна, говорит с юмором. Сама управляет с хозяйством. Иван Максимович и Галантион Максимович помогают матери. Приезжает и дочь Тамара, она уже на пенсии. У Евдокии Игнатьевны шесть сыновей, пятеро — механизаторы, шестой — прапорщик.

Сразу же после отправки танка на фронт Ираида Федоровна вступила в ряды ленинской партии и вот уже тридцать семь лет с честью носит высокое звание коммуниста.

Фотография, которую мы публикуем, висит в музее боевой и трудовой славы завода. До недавнего времени фамилии колхозниц были неизвестны. Установить их помогла группа «Поиски»: сотрудники музея Н. Ф. Борщ, бывший председатель колхоза «Красный пахарь» Б. П. Кравченко, председатель комитета ветеранов комсомола завода Я. П. Агринов, инструктор комитета комсомола С. Жукова и автор этих строк.

Хотелось бы разыскать бойцов, которые запечатлены на этом снимке.

Кто воевал на танке Пономаревых, отзовитесь!

Б. МАРКОВ

Нижний Тагил.

С В Е Т Л Ы Е

Александр ГОВОРОВ

В ТАКОЕ УТРО

Какое утро! Тишина.
Ну, разве может птичий щебет
Ее нарушить?
Грустно щиплет
Всю благодать одна желна.

Весь воздух в птичьих переливах,
Дыши, дыши — не надышись.
И желтой иволгой в ивах
Небесная расселась высь.

Я астал, как прежде, спозаранку.
Как нежная заря легка.
И вносит матушка цибарку
То ль воздуха, то ль молока.
И слышу, шепчет о своем,
Все о какой-то, в общем, пользе.
Вздыхнула вдруг:
— Мы все умрем,
Но лучше все же бы попозже.

И медленно с крыльца сошла,
Ворчит.
О чем-то бога молит...
Но как о смерти вдруг смогла
Она в такое утро молвить?

И снова я перед своими
Сынами речь держать берусь:
— Умрет храбрец —
Оставит имя.
А что живым оставит трус?

Мне отчий край
Рукою машет,
Его пою и берегу.
И, если Родина прикажет,
Я даже камнем стать смогу.

Нас жизнь ломала до излома.
Я сам
Испытан на излом...
Да лучше буду нищим дома,
Чем на чужбине королем.

СОЛНЫШКО

Солнце, вставай,
Восходи.
Солнце, давай,
Восходи.
Солнышко,
Солнышко,
Выгляни в оконышко,
Солнышко,
День возвести.
Что задержало зарю?
Выйдешь — и солнцем залью
Очи?
Что очи? —
И их, между прочим.
Видишь?
Лишь выйдешь —
Взорлю.
Солнышко, слышишь?
Зову.
Солнышко, дышишь?
Совью
День

я
из дел
Да из бодрых
И добрых —
С солнышком встану
И с солнышком лягу.
С солнышком
Вовсе за день не устану —
Солнечный век проживу.

ВОЗВЫСЬ МОЮ РАДОСТЬ

Возвысь мою радость во мне
Приходом своим навсегда.
Смотри —
Заплескалась во мгле,
Как жаворонок, звезда.
О звонкая птица моя,
Звездою вечерней свети.
И снова шепчу я, моля:
— Приди, моя радость, приди.
Собой заклинаю —
Приди.
Судьбой заклинаю —
Приди.
Приди
И тоску упреди,
Приди, моя радость, приди.

Возвысь мою радость во мне
Приходом своим навсегда.
Смотри —
Заплескалась во мгле,
Как жаворонок, звезда.

НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

...трубы трубят на Коломне,
в бубны бьют в Серпухове,
стоят стези у Дона у великого
на брези...

«Задонщина».

Вот и снова зазвенели
Колокольчики в лесах.
Вьется слава по земле ли,
Или все же в небесах?

Право слово, прямо к цели
Вел отсюда бранный шлях.
Под знамена встали все ли,
Закаленные в боях?

Осиянные величием —

Все на поле, на Девичьем!
...С этих пор уже легко мне,

И ничто не страшно мне.
Трубы трубят на Коломне —
Славу пьем по всей земле.

КАКОЕ МОРЕ

— Какое море?
— Хорошее.
— Какая волна?
— Хорошая.
Идет она,
Море ворочая,
Переворачивая.

— А небо какое?
— Чистое.
— А солнце такое...
— Солнышко.

Как на небе сейчас,
Так в душе моей
Просторно,
светло
До донышка.

Весенний месяц — зелен май.
В веселой слышу мгле:
— На ласковой струне сыграй,
Сыграй, любимый, мне.

Несется ласковая весть,
В ночи слышней она.
И ласковая в сердце есть
Лишь для одной струны.

Не нужно месяца и звезд.
А лишь струна вздохнет —
Девичье сердце за семь верст
Услышит и поймет.

Услышит и зеленый май
Призыв в безлунной мгле:
— На ласковой струне сыграй,
Сыграй, любимый, мне.

Я гнал себя, а ты стоишь,
Отвейся от меня, отсейся.
Уже тебя не отделишь
Ни на мгновение от сердца.

Меня гнала... а я стою.
Зачем же вновь себя вернула?
Ты говоришь — перевернула
Всю душу, милая, свою.

И снова мир да лад мы сгоним
И снова их
Вернем на миг...

О, как же мы друг друга стоим
И стоим от себя самих!

СО СНЕГОМ

И вновь восклицашь со смехом:
— Я весть принесла раньше всех.
— Со снегом?
— Со снегом!
— Со снегом?
Ай, снег,

Потрясающий снег.
Читаю на чистом снегу,
Ты варежкой выводил:
— Без снега я жить не смогу,
И ты без снегов не сможешь.
Любимая!
Что ж это с нами?
Приятные вести вдвойне.
И ты вот с такими вестями —
Почаще,

почаще
Ко мне.
Чтоб так веселилась в снегу,
Чтоб виделось —
Четко выводил:
— Я жить без тебя не смогу,
И ты без меня не сможешь.
Иду я, растроганный,
Следом.
Как звонок,
Как радостен смех!

Тебя, дорогая, со снегом!
— Со снегом!
— Со снегом!
— Со... снег...

СОЛНЕЧНОЕ ПОЛОВОДЬЕ

И ослабели дали.
И прилетела птица.

Чувствую,
Что едва ли
Вновь зима возвратится.
Тихо бреду по лужам
Под небом высоким и синим.
Хочется быть
Лучшим,
Хочется быть
Сильным,
Таким,
Как весна, налитым
Солнечным половодьем.

...С годами
Мы все приходим
К самодельным молитвам.
И каждый о том хлопочет.
Дай же, судьба, не бойся:
Сильному —
Сколько хочет,
Слабому —
Чуть побольше.
Трудно ли дать?
Едва ли.
Трудно ли?
Что тебе стоит...
Ах вы,
Какие дали,
Глянешь — и сердце стонет.

ИЛЬЯ-ПРОРОК

Снится мне Илья-пророк
в бороде по пояс.
— Что ж о матушке, браток,
Живешь, не беспокоясь?...
Неклоняется ко мне,
Понгиывая громом:
— В самой дальней стороне
Не гнушайся домом.
Все поешь, мой отчий край!
Ну а, между прочим,
Ты, как хочешь, понимай —
Край-то был
Не отчим...

ДАЛИ

Ночь, как борода, бела.
Дальше — вовсе хуже.
— Матушка тебе была
За отца к тому же...

Чувствую, как проступил
На щеках багрянец.
— Понимаешь, — возопил, —
Там сестра,
Там братец...

Грохнул громом у крыльца,
Ночь пошла за полночь.
— Да пойми же,
Ты отца,
Почитай, не помнишь.
Вот заладил, вот поешь.

Ну, а между прочим,
Почему в стихах зовешь
Край свой только отчим?
Ты ошибся или я?
Или мать не стоит?
Слышишь, — встал пророк
Илья, —

Как по сыну стонет.
Отчий край, — передразнил, —
Там сестра, там братец...

Чувствую, как проступил
За Москвой багрянец.
Он громами поиграл.
Мы стоим, вздыхаем...
Хоть бы раз кто край назвал
Материнским краем...

МОСКВА

Москва моя, как хороша,
Большая, нежная и добрая.
Светись, достойная, и гордая,
И горделивая душа.
И светит освещенный свет,
Все души к ней на свет
слетаются.
Когда светло ей улыбаются —
Вся улыбается в ответ.

Не полюбить ее нельзя.
Она прошла века со славою.
Улыбкой, как она, той самою,
Я улыбаюсь всем и вся.

Москва! И кругом голова,
И в душах безраздельно
царствует.
Пусть светится и вечно
здравствует
Моя любимая Москва.

ВСЮ СТРАНУ ЧИСТЫМ ВЗГЛЯДОМ ПОТРОГАЙ

И занес же сюда меня случай,
Столько времени здесь я торчу.

...Ах, любимая!
Лучше не слушай,
Если снова на случай ворчу.
Говорю,
Перед дальней дорогой.
Говорю,
Это давний скулеж...

Всю страну чистым взглядом
Потрогай,

Лишь тогда
Задуманной споешь.
Вот опять разворчался, как
прежде,
Что напрасно блуждал по
стране...

Я ругаю удачу
В надежде,
Чтобы ласковой стала ко мне.

В КАРЕЛИИ

Из полуночной страны
Возвращаюсь в край
полдневный...
Как причудливо странны
Первый день
И день последний.
Первый день прошел, как сон,
Или чудное виденье:
Предоставили владенье —
И владыка потрясен.

И сказали:
— Володѣй! —
И не счесть моих чертогов.
От улыбчивых людей
Я и сам...
того... немного.
Всей Карелией дыши,
Надышаться не мечтаю.
Ото всей своей души
Лишь воскликнул:
— Мать честная!
Первый день плыл, как во сне...

...А последний.
...А последний.

Воздух стал какой-то неранный,
Все шуршал он в вышине.
Путь я свой до дому правил
И к семье я ехал ведь...

Будто что-то здесь оставил,
Чтобы долго
Сожалеть.
Думал:
— Севера сыны,
Я меж вами не последний,
Из полуночной страны
Возвращаясь в край
полдневный.

КОЛОМНЕ

Нет, русским некогда скучать,
История — огромна.
Что о тебе могу сказать,
Старинный град Коломна?

«Откуда есть?» — звучит опять,
Вопрос возник законно.
«Откуда есть?» Вгляжусь, и,
глядь,
Ты встала под знамена.

«Откуда есть?» — твержу весь
день:
Коломнен ли, Коломнен?..
Ты вся — в сиянии труда,

Гордитесь и дивитесь:
Для белокаменной всегда —
Ты щит, и меч, и витязь!

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

В № 10 «Огонька» было опубликовано письмо читательницы Дергуновой, в котором она сообщала о плохом водоснабжении в г. Чирчике. Редакция получила ответ председателя Чирчикского горисполкома А. И. Аникина на это критическое выступление. В частности, там говорится о том, что такое тяжелое положение с питьевой водой сложилось из-за резкого понижения уровня грунтовых вод. По перспективному плану развития водоснабжения города предусмотрено строительство открытого водозабора.

А пока уже задействованы две скважины, готовятся и сдаче еще две. Составлен четкий график подачи воды (с 5 часов до 15 часов и с 18 часов до часу ночи). «Круглосуточное обеспечение водой пока не представляется возможным», — заключает свое сообщение тов. Аникин.

Редакция уже решила обрадо-

СОБЛЮДАТЬ ГРАФИК

вать жителей Чирчика этим сообщением, как снова пришло письмо еще одного жителя этого города, А. К. Черных.

«Мы понимаем, что существуют объективные причины нехватки воды, — пишет наш читатель. — Беда в том, что утвержденный исполкомом график не соблюдается. Так, например, в субботу и воскресенье воды не бывает вообще. Запасы же можно сделать только глубокой ночью. 21, 22, 23 июня вода подавалась до четвертого этажа. Долгое время не дают нам и горячей воды.

А в семьях маленькие дети. Их надо купать, обтирывать». Да, действительно, положение с водой в Чирчике серьезное. Но думаем, что четкое соблюдение графика пуска воды было бы решением проблемы на ближайшее время. Важно только, чтобы график был составлен с учетом реальных возможностей и не нарушался.

В ФОНД МИРА

Прочитал недавно в «Огоньке» повесть Юрия Федорова «Погибли в бою» и вспомнил все зверства гитлеровского фашизма, горе и страдания наших советских людей, еще раз задумался над агрессивной, воинственной политикой нынешних руководителей некоторых государств, жаждущих развязать новую войну.

И захотелось мне внести свою скромную лепту в дело сохранения мира на земле. Всей семьей решили мы внести наши сбережения в фонд мира.

Н. Г. ФЕОФИЛАТОВ,
участник
Великой Отечественной войны

НЕВЫГОДНЫЙ КЛИЕНТ

Дорогая редакция журнала «Огонек»!

Просим вас принять искреннюю благодарность от читателей г. Владивостока за рассказ Норы Адамян «Пустые бутылки» (№ 8, февраль 1980). Там очень правдиво описаны безобразия в работе стеклоприемных пунктов, услугами которых пользуются в основном низкооплачиваемые пенсионеры. А как раз таких клиентов стеклоприемщики не любят. Обращаются с ними всегда грубо. Окно захлопывается, и начинается угловаривание продавца: «Дорогой или дорогой! Возьми хоть по 8 или 10 копеек, а то тяжело нести обратно домой, далеко». Продавец отнекивается, выкидывает более доходных клиентов, которые приносят стеклопосуду на машине в большом количестве. Особенно в почете пьяницы: им сколько дашь, за все будут благодарны, лишь бы выпить. Для таких сразу находят тару, и время, и деньги.

В некоторых магазинах тоже положено принимать бутылки, но

и там господствуют грубость, отказ, дерзость, обсчет. Продавцы просто забывают, что находятся на государственной должности и обязаны беспрекословно обслуживать всех подряд.

Мы, читатели «Огонька», просим вас еще активнее вести борьбу с рвачеством, нечестностью. Просим поставить вопрос перед соответствующими органами Министерства торговли СССР изменить метод работы стеклоприемных пунктов по всему Советскому Союзу, в том числе и во Владивостоке. Обязать культурно обслуживать клиентов в преклонном возрасте, желательнее изжить грубое обращение к нам, не нарушать графика работы.

Для проверки и устранения недостатков в работе стеклоприемных пунктов желательнее привлечь народный контроль. Недостатки в нашем быту надо изживать сообща, тогда и будет порядок.

Н. РУСЬ

Владивосток

ШУТЬ К ЧЕЛОВЕКУ

1

Так случается — и нередко: перед глазами абсолютно непохожие, разнотипные создания, — но вдруг вспыхнет нечаянная ассоциация, и высветится глубинная, сокровенная связь, казалось, противоположных этих произведений...

В начале года журнал «Новый мир» опубликовал один за другим два романа: «Картину» Даниила Гранина (№№ 1, 2) и «Альтиста Данилова» Владимира Орлова (№№ 2—4). Истории, в них рассказанные, привлекают сразу же своей необычностью.

«Неожиданно что-то словно дернуло Лосева. Как будто он на что-то наткнулся. Но что это было, он не понял. Кругом него было пусто. Он пошел было дальше, однако, пройдя несколько шагов, вернулся, стал озираться и тут вновь почувствовал тот же внутренний толчок...»

Это случается на первой же странице гранинского романа с главным героем, председателем горсовета маленького периферийного городка Сергеем Лосевым. Ненароком оказавшись в стольном выставочном зале, он поражен картиной, изображающей знакомый уголок его родного Лыкова. Впервые ему, знавшему все годы радость одной лишь стремительной энергии работы, открылось неведомое чудо — прекрасное.

Как это, может быть, ни странно, но раньше Лосев о подобном не подозревал (Гранин вообще несколько прямолинейно рисует его на первых порах весьма скупым на чувства — не только эстетические, но и сыновьи и другие прочие). Лосев и теперь не становится истинным ценителем искусства, но его буквально притягивает этот незатейливый вроде бы пейзаж. Лосев точно влюбился в него, умолил вдову художника Астахова подарить картину городу Лыкову, привез и отдал в школу, где картину повесили как раз так, что всякий мог любоваться и искусством живописца и живой красотой речки Плясы — словом, родной, отчий красотой, которая столь нужна всем и каждому, которая связывает наше прошлое, настоящее и будущее, несет в себе корни и дает новые всходы, — той красотой, которую Лосев прежде не видел, не ощущал, не защищал...

Роман и посвящен борьбе, в которую вступает Сергей Лосев, чтобы отстоять назначенную и исчезновению с лица земли красоту дома Кислых и Жмуркиной заводы.

Поначалу он даже не сознает, что выбор уже сделан: еще готов Лосев считать выгоду, которую может извлечь для города, если пейзаж заберут в областную галерею; еще тешат его мечты о дивидендах, что принесет Лыкову современное предприятие, которое должно встать на месте старинного дома и искazyть лик Жмуркиной заводы. Только постепенно, подталкиваемый сначала другими, а потом и собственным сердцем, начинающим вновь биться отчаянно и своевольно, ввязывается Лосев в бой с равнодушным непониманием и преступным небрежением, в бой с самим собой, с искусающей возможностью выведения на важный пост, со возвращенной в нем и ставшей таковой органичной готовностью отставить любое заветное дело ради другого, в эту минуту считающегося более важным...

В отличие от «Картин»-роман «Альтист Данилов» сатирический. При этом ключ к действительности выбран писателем вовсе редкий: фантастико-гротескный.

Но дальше — больше: оказывается, что герой Орлова не только музыкант и даже не просто человек, но еще — по отцовской линии — и демон, которому за грехи родителя определена участь жить хоть и вольным сыном эфире, но на грешной земле. И еще выясняется, что на небесах существуют некие Девять Слоев — пристанище бесовских сил, очень многофункциональная и сильно бюрократическая система, которая неустанно бдит за своими подопечными, таними, как Данилов. Альтисту же в силу его полужемного происхождения мало

импонирует нести людям зло, вводить их в искушение и т. д. Поэтому — чтобы не уклонился — демонической Канцелярией от Порядка вменен Данилову договор: «сто три статьи и все без шарниров».

Впрочем, двойственность или раздвоенность не слишком печалили Данилова: было в нем внутреннее согласие, от своего несвободного положения он, снаем прямо, не страдал, хотя многое человеческое в себе ему приходилось сдерживать, подавлять — даже в рядовых, не более чем обыденных поступках. Так и существовал он, понука зрешее в нем призывание властно не повлекло Данилова к алтарю творчества...

Тут, в снобах вроде бы, следует заметить, что подобное чувство несвободы хорошо известно и в обычной, совершенно реальной жизни. Так, например, нередко испытывать его доводится и гранинскому герою: «Давнее желание шевельнулось у Лосева, как всегда пугая и забавляя своей доступностью, игра, которой он себя развлекал посреди какого-нибудь бесцельного совещания: встать на четвереньки и побегать по проходу... Добежать до дверей, встать и откланяться... Было порой ощущение, что сидишь на заседании, которое идет второй, третий год, такое же — когда читаешь бумаги: как будто разматывается огромный рулон, ползет, шелестит, и на нем читаешь все одно и то же...»

И вот тут-то вдруг приходит в голову, что ведь и у Лосева был договор — договор, который он давно заключил сам с собой и который уже многие годы определяет его поведение: «Если хочешь что-то сделать — приходится чем-то поступаться. Не будешь гнутья — не выпрямишься. Ты видел, как овца: чтобы ягненка накормить, она на колени становится. Я про практическую жизнь. И мера тут — совесть. Абсолютно чистых средств не бывает».

Да, Лосев — практик, деловой человек. И ему чужды, понятно, бескомпромиссные, антиномические воззрения, подобные тому, что следует отказаться от любого блага, даже от высшей гармонии, если для этого должна протлиться хотя бы слезинка ребенка. Но, увы, и совесть мерилом ему тоже не служит. Лосев ее невольно и вольно заглушает (или успокаивает) сознанием цели.

У него есть работа, дело — они главное для Лосева, а все остальное — средства, вспомогательные средства. Одни цели достигаются, приходит время других, все для людей и во имя людей, но конкретные люди, сталкивающиеся с Лосевым, все чаще и чаще оказываются в роли пешек. Ибо при том «договоре», которому поддавался Лосев, который сделался для него естественным, из дела выхолащивается человеческое, оно становится в первую очередь игрой. Так случилось, например, с Костей Анисимовым, которого Лосев «использовал» как средство при защите не чего-нибудь, а светлой своей мечты — Жмуркиной заводы.

«— Вы меня при всех выставили лжецом.

— Ну и что? — спокойно спросил Лосев...

— Это называется предательством.

— И в результате?..»

Результат — вот что ценится. Ведь это же не для него, Лосева, лично — это для всех.

Так научил Лосева еще Фигуровский, которого молоденький инженер Серега Лосев привлек отчаянностью, способностью не побояться сказать правду начальству. Он даже позвал его к себе в Москву, в министерство. Но Лосева ни тогда, ни потом не заботила карьера. Он хотел только дела, хотел делать его как положено — на этом-то, как часто еще бывает, чуть и не погорел. Фигуровский, правда, помог ему выпутаться, но и преподавал уроки

«реальных отношений»: «Приходится ради этого миловаться не с тем, с кем хочешь, идти на компромисс. В реальной жизни не сохранишь стерильность. Если хочешь сделать серьезное, нужное дело, то изволь быть и гибким и жестоким».

Значит, и Фигуровский жил на договоре; и нынешний советчик и наставник Лосева Аркадий Матвеевич — тоже: «...Мне-то ничего не будет, я гнутья умею. Кто гнется, тот выпрямляется», — да, на договоре, вопреки им же самим «жирно подчеркнутым строкам»: «Человек есть цель сама по себе, то есть никогда, никем (даже богом) не может быть использован только как средство».

...Оказывается, ничего фантастического нет в этом, истинно открытом В. Орловым, положении альтиста Данилова — «демона на договоре». Во всяком случае, более сверхъестественной представляется привычка к внутренней несвободе, с которой так прочно сжились герои «Картин» и которую так верно обнажает Гранин.

Сопоставление с абсолютно реальной, со всяческим тщанием воссозданной картиной жизни, нарисованной Граниным, проливает свет на четкую заземленность и большинства других фантазмагорий Орлова, переводит мысль от явной на первый взгляд интеллектуальности фантастики произведения к житейской фантастичности изображаемого. При этом следует иметь в виду, — учитывая жанр произведения Орлова, — если наложить его на действительность: как в детской игре, когда от наложения на запутанное изображение сетки с прорезанными квадратиками возникает ясная картина, — темное в романе будет чаще совпадать с темным в жизни, чем светлое — со светлым. И тут вряд ли можно думать: хорошо бы объективности ради, чтобы, кроме Девяти Слоев, этого царства зла, писатель, следуя своему особому видению, возвел бы над ними еще парочку райских слоев с ангелами и архангелами акупе.

Что же касается совпадений мрачного, недоброго, то читавшим и «Картину» и «Альтиста Данилова» трудно не вспомнить «состязание» с работниками различных рангов, в которое должен был вступить Лосев в борьбе за Жмуркину заводу. «...Сколько дерьма всякого нахлебаться пришлось», столько узнать чужих коварства и беспардонности, а собственных унижения и зависимости! — что какие-то Пашков и Морщихин свободно могут сравняться масштабами со «строгим и могущественным начальником Канцелярии от Того Света» Валентином Сергеевичем или респектабельным демон-интеллектуалом Новым Маргаритом, готовым подавлять любую непредусмотренную инициативу, а в общем-то способным угодить и нашим и вашим.

Достаточно прозрачны земные корни и многих других сторон бытия обитателей воображенных Орловым бесовских Девяти Слоев. Когда читаем, например, как с целью изведать заветное искушение: воплотиться в облик Большого Синего Быка (этакого вседержителя демонических сил) — на землю прибывает демон Кармадон, — как снова не придет на ум тот же, скромный пона, заведующий коммунальным отделом Лыковского горисполкома Морщихин с его мечтаниями: «Так и прокукарекает в микромире, а я, Эдуард Морщихин, во что бы то ни стало выйду на орбиту, и не просто в начальники, а — запомни мои слова — интервью буду давать, ленточки разрезать на выставках. Областной слет открою. Увидишь меня по телевизору! Буду в аэропорту с представителем иностранной державы вдоль строя идти и цветы принимать...» (И ведь как ни удивительно, казалось бы, но — такова уж еще реальность — в конце «Картин» именно он оказывается на должности Лосева.)

С небес, вымышленных В. Орловым, спустимся на реальную землю, также окрашенную в «Альтисте Данилове» чаще сатирическими красками. Вспомните хотя бы сценку в учреждении, куда попал Данилов с поручением своей бывшей жены и где происходило совещание «по поводу пеньюара и еще каких-то вещей, близких к телу»:

«А вы поглядите на мне, — сказала старший экономист Терebeneва, — мы ведь с Клавдией одинаковые».

Вначале переодевание Терebeneвой Данилова смутило, однако Данилов понял, что здесь нет мужчин и женщин, а есть сослуживцы и сослуживцы, и для них особенностью пола не имеют значения. Стало быть, и его, Данилова, признали за своего. Пеньюар на Терebeneвой сидел прекрасно. Принял Данилов участие в обсуждении и примере и других вещей. Ему было жалко Клавдию — она теряла такой рабочий день!

Сатирические стрелы писателя не минуют большинство из даниловского окружения, но прежде всего — бывшей его супруги, не успевшей в качестве наивременной мещанки и от будущего тоже заранее целаясь урвать кусок пожирнее. Она-то и вводит Данилова к «хлопобудам» («научнее — инициативная группа хлопот о будущем») — таким же, как Клавдия, только положением и связями повыше.

«Каждый порядочный человек, уважающий себя, — проповедует Клавдия Петровна, — желает жить хорошо и даже лучше, чем хорошо. И желает занять положение, какое ему по душе. Скажем, перейти из последних в первые. Ну не в первые, а в восьмые».

А отсюда шаг остается до ее главной, «сумасшедшей» идеи:

«— Просто независимости! Независимости с большой буквы!»

— Ну знаешь... — развел руками Данилов.

Данилов разводит руками, а между тем на наших глазах мещански пародируется его же собственное сокровенное устремление.

А вместе с ним — и центральная тема всего произведения.

«Боящийся несовершенен в любви» — эти вечные слова первым в романе вспоминает Миша Коренев, скрипач, консерваторский товарищ Данилова, внезапно покончивший с собой; «Данилов со дня смерти Коренева не забывал их ни на мгновение».

Земский, другой приятель альтиста, так объясняет решение Коренева: «Он был ветрен, жил весело и сыто. Но вдруг словно прозрел. Спросил себя: «А зачем живу?»... Но лучше бы не спрашивал... Пришел в ужас. И от самого себя и от мира. Себя собрался изменить рынком, да где уж тут!»

Земский спокойно принимает эту смерть, ибо и сам он в разладе с миром: «Вся старая музыка так или иначе отражение какой-никакой, а гармонии. Но разве мир — гармония? Разве жизнь — гармония? Ах, Володя, не криви губы. Уволь! Где уж тут гармония. Лев терзает лань, жирные злаки растут на братских могилах, женщина торгует телом, пьяная рука калечит ребенка, альтист Чехонин лижет штилеты главному дирижеру, чтобы именно он, а не ты, Данилов, поехал на гастроли в Италию! Гармония!» И Земский уходит от мира, от музыки — в тишизм, «такую музыку, какая будет звучать лишь внутри каждого из слушателей»: «С одной стороны, он тишина, а с другой стороны, самая что ни на есть истинная внутренняя музыка с полной свободой выбора мыслей, звуков, чувств».

Но такая музыка и такая свобода отъединяют людей друг от друга, разобщают их. Такая независимость Данилову не нужна, для него этот путь — запретный.

Да, «чужое откровение ему наскучило. И принимать его стало для него унизительно. Он был проигрыватель музыки». Но по-прежнему она влекла его, эта вечная возможность новых гармоний, «истинная музыка, о какой древние говорили, что она второй разум человеческого естества, что она любовь и наука, познающая согласованность во всем, что она ненависть ко злу, но ненависть, являющаяся благом для людей».

Отвлечемся вроде бы... Последние слова почти повторяют такие же, но всем знакомые: «...Так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Связаны они гетевским Мефистофелем — духом отрицания, духом познания, духом изгнания... Роль его общезвестна, у него на первом месте все-таки зло.

Новая волна интереса к сатанинскому «самоопределению» возникла после публикации булгаковского «Мастера и Маргариты», где оно стоит эпиграфом ко всему роману. И в редкой статье, разбиравшей роман, слова эти не относились и Воланду. Выказывалось даже мнение, что это «добрый разбойник наподобие

Робин Гуда» и вообще «едва ли не слуга добра»¹. Не слишком отличалось от него и такое: «...Зло у М. Булгакова если и имеет какое-либо оправдание, то лишь как сила, вызывающая, стимулирующая добро»².

При этом критики точно соглашались с самим Воландом, иронизирующим над Левиим Матвеем: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла...?» — и не догадывались, что сатана в роман Булгакова призван именно на роль искусителя и демонстратора зла. Уже одна несоизмеримость масштабов возможностей Воланда и практики его «положительной деятельности» должна была отрезвить всякое благомыслие на дьяволов счет. Но и сами якобы положительные его поступки призрачны. Воланд не способен творить зло во имя добра, для него возможно только зло ради самого зла. Так что если он и вершит в романе «правый суд» над нечестью, то с единственной целью — заполучить в свои руки чистойшую душу Маргариты.

Ухудшить или улучшить земной порядок сатане не дано. Воланд призван лишь проявить его. Как писал П. Палиевский в статье «Последняя книга М. Булгакова»: «...обращен роман все-таки больше всего к тому, над кем автор долго и неутомительно смеется, — к Ивану Николаевичу Пониреву, бывшему поэту Бездомному. Едва ли не для него разыгрывалась вся эта история Мастера и Маргариты».

Вот почему «часть той силы» — сам писатель, весьма нередко — само искусство. И Владимир Орлов, как ясно из слов, на которых мы оборвали последнюю цитату из его романа, помнил об этом. Но почему-то писатель забыл, что сам-то его герой — демон. Забыл — и не дал ему в этом качестве никакой роли, хотя ведь и самый обыкновенный человек чаще всего есть и добро и зло вместе, одновременно.

Данилов же наделен даже не людской, а ангельской мягкостью, податливостью и уступчивостью, которые он демонстрирует по отношению к Клавдии, к хлопобудам да буквально ко всем. И благо бы делал он это из бесовских замыслов, — так нет: получается, по той доброте душевной, которая, как и простота, хуже воровства. В этом, что ли, заключено зло, им творимое?..

Короче, исключение бесовской стороны в человеке, ее «обожжение» в романе разрушает задуманный образ героя.

А теперь в общем: там, где мы говорили до сих пор об «Альтисте Данилове», речь шла по преимуществу о замысле и — хочется это подчеркнуть — о замысле далеко не заурядном, но оставшемся неоплодотворенным.

Память услужливо подскажет совсем недолгий перечень классических созданий жанра, к какому обратился В. Орлов. Так что заслуживает снисхождения творческая смелость автора, дерзнувшего испробовать силы в подобном роде литературы. Однако попытка не пытка, а спрос не беда, — эта поговорка тут не подходит. И спрос здесь — беда.

Произошло так, думается, еще и потому, что основная «земная» линия романа — превращение альтиста Данилова в творца музыки, обретение им самого себя — никак не объединяет, почти никак не затрагивает действующих лиц: музыкантов, окружение Клавдии, приятелей Данилова, его возлюбленную Наташу... Все орловские персонажи существуют сами по себе, лишены взаимодействия и переклички, потому и остались пустые места и возникли противоречия в их характерах. Редко кому из них дано проявить себя, вот и оказались они бесплотными, — особенно это относится к откровенно неудавшемуся образу Наташи. Лирические сцены вообще следует отнести к слабейшим в романе Орлова.

Ну, и кроме того... В пути к немалым высотам автор оказался недостаточно снаряженным словом: печально отсутствие органичного стиля, но лучше любой свой, чем заемный. А уж на самих философских высях писателю просто раз за разом не хватает дыхания.

Как всегда, недостатки суть продолжение достоинств. Вот и привольная фантазия — главный двигатель романа — в какой-то момент становится неуправляемой, толкает автора к ненужной, излишней загадочности. Писатель начинает придумывать ради придумок, которые, однако, укрывают подтекст, смысл изображаемого, затягивают и с какого-то момента делают роман просто скучным.

...Как не пожалеть в конце концов: удар получился плоским, хоть острым был замах.

¹ В. Лакшин. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». «Новый мир» № 6, 1968.

² И. Виноградов. Вещание мастера. «Вопросы литературы» № 6, 1968.

Не знаем, удалось ли нам убедить кого-то в правомерности сближения новых романов Д. Гранина и В. Орлова (тут следует сказать еще раз и об их журнальном соседстве, без которого, думается, в одном менее рельефной станет его проблематика, а другой — утратит в понятности). Но что уж безусловно их роднит — это благотворный пафос неприятия, преодоления внутренней несвободы, «договорных» отношений человека с людьми и с самим собой. В этом отрицании происходит даже непроизвольное сближение судеб обоих героев...

«Да что перемены! Просто взрыв произошел в Данилове. Земное копилось, копилось в нем и взорвалось. Кроме всего прочего, в последнее время Данилов уверовал в то, что он большой музыкант, полагает и своей музыкой поставит себя вне Девяти Слоев и даже выше их». А вот как теперь рассуждает и поступает Лосев: «Нет, нет, человека подсчитать невозможно, — весело сказал он. — Вот вы считали и ошиблись во мне. Чего-то не учли. И я не учел. И в себе и в...» «В конце же без перехода Лосев огорчил всех вопросом о начальнике, который дает слово, обещает, заверяет и не держит слово, на попятный идет. Не порядочней ли уйти, подать в отставку?»

Но за позднее это прозрение нависла над ними, естественно, ответственность, засверкала нештучная угроза кары... По инерции рука написала: «естественно нависла», — хотя не должно ли прозрение в любом случае вознаграждаться, а отвечать те, к кому прозрение так и не пришло?

Вышло, однако, в романах и не по-нашему, и не как в жизни обычно, а по пословице: не так страшен черт, как его малюют, — герои наши мало что претерпели. Правда, предшествовали этому определенные действия. В одном случае вовремя, хоть и без задней мысли, удалось доставить приятность Большому Синему Быку, от которого зависит все Девять Слоев; в другом — столь же своевременно появилась поддерживающая статья в центральной газете...

Для Орлова, как мы видели, такое «дедраматическое» разрешение конфликта находилось, так сказать, в русле выбираемых писателем решений.

Финал же судьбы Лосева вряд ли закономерен.

И дело в том, что в какой-то момент писатель и сам оказался как бы «на договоре» и для него художественные цель и средства сместились, потеряли органическое единство. Гранин тоже все отдал центральному персонажу, замыслу, пафосу романа, — а в результате в книге немого лиц самостоятельных, интересных и для писателя и для читателя именно собственной своей судьбой, независимой от главного героя жизнью. А есть Таня Тучкова, в которую суждено было влюбиться Лосеву; есть Костик Анисимов, который устыдил Лосева и тут же исчез; есть Аркадий Матвеевич, не существующий помимо Лосева; есть пьяница Матвей, появляющийся перед Лосевым лишь как глас народный; и т. д. Они нужны писателю только, чтобы высказать или выслушать, поддакнуть или возразить Лосеву. Живых их фигур нет в романе, хотя они совершают честные поступки и произносят прямые слова.

Как это ни странно, но в «Картинах» гораздо живее те, кто не действует, за кого говорит сам Гранин: художник Астахов, отец Лосева, Фигуровский, да во многом и сам Лосев — этот неординарный представитель столь необходимого всегда разряда «деловых людей», симпатией и болью за которых пронизан весь роман.

«Между тем она поносила человека, у которого Лосев учился, которого читл. Что она понимала в деловых людях, в руководителях? Что она, они, обыватели, потребители, знали об их жизни, где так мало возможностей и так много обязанностей? Знала ли она, как приходится им ловить, хитрить, нарушать? В любую минуту его могут спросить, каким образом у него израсходовано в полтора раза больше цемента, чем отпущено по фондам? Привлечь могут. Все эти интеллигенты, особенно от искусства, относились к ним, к деловым людям, с тайным предубеждением. В лучшем случае терпели и никогда не читли. Никогда. И в прежние времена деловых людей в России изображали обязательно несимпатичными; не то чтобы реакционеры, пошехонцы как-нибудь старались, господа литераторы высеивали, выводили на манер гонимых Штольца. И Лосков сюда добавлял, и Чехов, и Тургенев — каждый деловых людей, предпринимателей, бездушных делал, человеческое отнимал. Видел в них представителей наступающего капитализма, а откладывалось это в сознании русского человека неприязнь и хозяйственным людям. Недавно как раз Лосев обсуждал с Аркадием Матвеевичем несправедливость эту...»

Ну ясно, ни о какой подобной «несправед-

ливости» по отношению к «человеку, у которого Лосев учился, которого читал», — к предоблисполкома Уварову тут и речи быть не может, — этот гранинский герой «человеческое отнимает» у себя сам.

Впечатляющий этот характер — значительная удача писателя. Вначале сочувственно, как и Лосев, воспринимаешь, когда он, руководитель немалого ранга, режет правду-матку: «От чего мы больше всего теряем? Мне говорят: пьянство, воровство, халтура. Не это главное. Главное — не хватает деловых людей. Мешают им. Болтаем, кричим. Сбиваем друг друга с толка показателями. Работаем плохо, а показатели хорошие. Как мы плохо работаем! Разучились работать...» И только постепенно приходит понимание, что такой непринужденный разговор — оттого, что Уваров не вдаётся в причины положения и, по сути, безответственен.

В конце романа и Лосев не захочет работать с этим человеком, потому что распознает его нечестность, безразличие к чести, без которой теперь для Лосева не может быть дела. Но распознает почти инстинктивно.

Ему ведь не перехватят душу, не покажутся изуверски кощунственными уваровские слова: «За безнравственные поступки мы с тобой расплатимся на том свете, а за глупость на этом».

...Позволим себе один гипотетический прием, который, полагаем, оправдан тут из-за особой восприимчивости гранинского героя к правде и красоте искусства, которое, как открылось Лосеву, обладает неодолимой силой наиболее действительно встряхнуть человека, заставить звучать в нем самые глубокие струны и, главное, не разрешает компромиссы.

Итак, думаем, что Сергей Лосев не читал Шукшина. (Как, думаем, вряд ли перечитывал он в последнее время Гончарова и Лескова, Чехова и Тургенева: и из-за отсутствия времени и еще больше — интереса к ним, потому что такому Лосеву, каким его рисует писатель до встречи с картиной Астахова, они были не нужны, а нового Лосева писатель уводит за рамки «Картины»; так что вряд ли ему в пору обсуждать с Аркадием Матвеевичем упомянутую несправедливость «в сознании русского человека», тем более памятовать соответствующие суждения.) Так вот, не читал наверняка он Шукшина, иначе герои этого писателя, наши современники, те, что вольно или невольно рвут себе сердца от сложности и противоречивости жизни, разбредили бы ему душу почище всякого пейзажа «У реки». Разбредили бы потому, что все они, подобные тем, которые выбрали Сергея Лосева над собою, должны быть ему столь же родные, как и эта дорогая с младенчества речушка Плясса.

Но вот если бы Лосев читал шукшинские книги, то обязательно помнил бы слова: «Нравственность есть правда. Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». И тогда не смог бы он удержаться и не возразить Уварову: «За правду, прежде всего за Правду отвечаем на земле мы! Недаром в нашем прекрасном языке эти слова: правда, право, справедливость, равенство — стоят так близко друг к другу...»

Конечно, Сергей Лосев мог знать, точнее — узнать все это и по-другому. Тот же астаховский пейзаж и все дальнейшее, что он за собою повлек в судьбе Лосева, возродили в Сергее и отчаянность, и мужество, и честность... Но узнал ли он самое важное?

Манера гранинского повествования такова, что все, что писатель хочет сказать нам, он преимущественно не показывает, а рассказывает, выговаривает. И если что-то у автора не высказано в словах, трудно увидеть это за строчками книги...

Так узнал ли, понял Лосев, что дело, которому он себя отдавал раньше, — это не до конца то дело, к которому он призван?

«Если бы его спросили, какая главная забота его жизни, или дело, или даже хотение, он не задумываясь ответил бы: иметь лишний вот такой дом. Буквально — лишний. Чтобы в кабинете у него висели ключи от пустых квартир лишнего незаселенного дома», — вот прежняя заветная лосевская мечта. И вот его вечная опаска по любому поводу: «Могут не сказать, но могут сказать...»

Остается верить, — теперь Лосев знает, что люди могут обойтись без лишнего дома, могут жить в тесноте, но не желают жить в обиде, не должны быть обойдены справедливостью. И к тому, именно к тому, что могут сказать именно те люди, над которыми он поставлен, должна быть теперь открыта его душа.

Если это так, тогда действительно: «именно такой человек», как говорится на последних страницах романа Д. Гранина «Картина», требуется.

И вообще всегда необходим.

ТОК ВЫСОКОЙ МЕЧТЫ

СОВРЕМЕНИК

НИКОЛАЙ
ДОРИЗО

ПОКА
ДЕРЕВЬЯ
ЕСТЬ
НА СВЕТЕ

Популярности в среде любителей поэтического слова Николаю Доризо не занимать. Стихи его звучат по радио и телевидению, песни, созданные поэтом в содружестве с композиторами, поются и на сцене эстрады и в домашнем застолье... Книжки не залеживаются ни на прилавках магазинов, ни на стеллажах библиотек. Вот одна из них даже в космосе побывала, о чем поэт с понятной гордостью поведал в стихотворении «О космосе...», вошедшем в книгу лирики «Пока деревья есть на свете». Книга эта составлена из стихов, созданных Доризо в последние годы. Тематика их широка и разнообразна. По-

Николай Доризо. Пока деревья есть на свете. Книга лирики. М., «Современник», 224 стр.

В КРАЮ КАЛЕВАЛЫ

Село Ругозеро — за лесами и озерами, в самой глубине Карелии. Здесь в конце 1921 года развернулись невыдуманные драматические события: местная коммуна отмечала годовщину Октября; односельчане веселились, приветствуя новую жизнь. Праздник был оборван выстрелами: из-за кордона подло пробрались в село враги, от их пуль гибли коммуны...

эта, достигшего поры человеческой и творческой зрелости, интересует и волнует все: и так называемые вечные вопросы бытия, и мимолетные радости, и тревоги нашего быстротечного времени.

Это не значит, что поэт разбрасывается, скользит по поверхности явлений. Наоборот, все в рассматриваемой книге подчинено главному — отображению современного человека в современном мире, раскрытию глубин его души:

Своя галактика
есть в каждом человеке.

Особое место в книге Доризо занимают стихи, посвященные природе. Она для поэта не пресловутая «окружающая среда», с которой можно вытворять что угодно, но единый организм, функционирующий по своим законам, познавать которые мы только-только начинаем. Николай Доризо заявляет:

Нам кажется, что мы умней природы.
Самообман,
... не более того.

Поэта тревожит не только осуждение окружающей природы, но и в первую очередь последствия духовного обнищания известной категории людей:

Что ж,
голод мы изгнали прочь,
В достатке и село и город...
Как завтра
сытому
Чтоб он обрел
духовный голод?

Немало в сборнике подобных раздумий. Они, как правило, облечены в форму однострофной миниатюры, тяготеют к простоте афоризма, парадокса: «Безделье продлевает дни, но укорачивает годы», «Пока живу, я буду верить, пока я верю — буду жить!» Последний пример говорит об оптимизме поэта, его надеждах на лучшее будущее человечества: «Я верю в разум человека...»

Завершается сборник Н. Доризо лирической поэмой «В России Ленин родился», в которой поэт создает светлый образ Александра Ульянова, чья короткая и героическая жизнь оказала огромное влияние на его младшего брата.

В одном из стихотворений, посвященном творческим исканиям художника, Н. Доризо говорит:

В каждой жилке моей
Ток высокой мечты.

И лучшие стихи сборника подтверждают заявление поэта.

Иван ИСАЕВ

Образы погибших ругозерских героев навечно запечатлены в камне карельским скульптором Э. Анкуловым. О них поют песни в народе. Поэт Николай Ланне — земляк ругозерцев — сделал их героями своей поэмы «На перепутье», а она, в свою очередь, вдохновила композитора Вячеслава Гроховского на создание оперы «Красные гроздья рябины» (либретто Я. Голыкова).

Композитор хорошо чувствует природу и выразительные средства вокала, ощущает драматургическую роль хора, воплощает в музыке столкновения характеров героев. Постановщик спектакля, главный дирижер Лепрозаводского музыкального театра, заслуженный деятель искусств Карельской АССР Л. З. Балло увлек коллектив, а режиссер, народный артист РСФСР Р. И. Тихомиров выстроил спектакль интересный, значительный по содержанию.

Впечатляет высеченная на авансцене фигура Кантелиста. Это рассказчик. Он как бы ведет действие, предвещая события каждой картины. Струны легендарного кантеле, связывая прошлое с настоящим, утверждают бессмертные тех, кто боролся за народное дело. «Красные гроздья рябины каплями крови застыли...» — тут лейтмотив сказания о враждующих братьях-карелях Хилиппа и Хуотари, тут и скорбь о старом крестьянине Карпе, который погиб, защищая народное добро. Патетическая песня вожаков ругозерской коммуны перерастает в мощный хорал.

В спектакле много ярких актерских работ. Оформил постановку народный художник РСФСР И. В. Севастьянов, интересна работа балетмейстера заслуженного артиста КАССР В. Н. Мельникова. В коллективе много талантливых молодежи, немало сделавшей для успеха постановки.

Подвиг коммунаров на земле Калевалы не забываем, и Советская Карелия, недавно встретившая свое шестидесятилетие, славит воплощенную мечту героев-земляков: жизнь, построенную по заветам Ленина.

Э. КОПЫЛОВ

На снимке: сцена из спектакля. Паро — В. Матвеева, Хилиппа — А. Пресняков.
Фото С. Пивоева

Б. Щербаков. ПОЛДЕНЬ У БОЛЬШОГО ПРУДА В ТАРХАНАХ. 1977.

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ. ВОЛГА. 1980.

Б. Щербаков. ЛЕРМОНТОВО — ТАРХАНЫ. 1977.

УСОВСКИЕ ДАЛИ. 1980.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

— Простите, мой вопрос покажется вам бестактным... Еще раз простите, но я обязан вам его задать: у нее на теле были какие-то родинки, родимые пятна?

— Да, звездочка... А почему вы... Ее... Она... Погодите, Аня погибла!

— Нет... Мы не знаем, Алексей Кириллович, но мы проводим осмотр... трупов всех женщин, которых удалось найти... Сейчас началось таяние снегов — не здесь, конечно, а на севере, в горах; мы нашли три трупа, поэтому я вас и спрашиваю...

— Бог ты мой, Аня, Аннушка...

Львов оглянулся, пошел к скамейке, сел. Костенко опустился рядом.

— Конечно же, я все помню, — повторил Львов. — У нее было родимое пятно — как звездочка... Вот здесь. — Он показал на левую грудь...

«Она, — понял Костенко. — Все точно, эксперты эту родинку-звездочку отметили. Только они иначе это отметили: «На кожном покрове в семи сантиметрах от соска левой груди — эпидермальный знак, формой похож на неровную звезду». А он сказал «звездочка».

— Аня была в босоножках? — спросил Костенко.

— Нет, нет, она носила открытую обувь только в самые жаркие дни, она почти всегда куталась... Нет, нет, она была в полусапожках, очень красиво сидели на ноге, в черной кофточке с красным узором, она вообще умела очень красиво одеваться, даже когда мы жили на стипендию...

— Отчего вы расстались?

— Надо рассказать?

— Надо.

Львов долго молчал, потом вздохнул горестно:

— Я отношусь к тому типу двуногих, которых можно ударить — они простят. Особенно если пьяный ударил — тем я прощаю все; алкоголизм — социальная болезнь, здесь надо все как-то иначе анализировать, с другими мерками подходить... Ну, да ладно, это я отвлекся... Понимаете, меня более всего обижает слово... Наверное, потому, что я из старых русских, самых настоящих русских — дед — крестьянин, отец — священник, для них, как и для меня, слово — начало всего и всему конец... Так вот, однажды Аннушка мне сказала... Очень как-то безжалостно... Она была на характер крутой, бескомпромиссной... Она мне сказала: «Ты не мужик!» Понимаете? Я и у врача был, советовался, и с друзьями, краснея, этот вопрос обсуждал, расспрашивал женатиков, а потом ей сказал: «Ты не права, у меня все в порядке». Она даже не поняла сначала, а потом, когда я объяснил, долго смеялась. Обняла меня, поцеловала и говорит: «Я не то имела в виду. Не только то. Какой-то ты матрац, а не мужик. Другие зубами умеют вырвать свое, а ты молчишь, ждешь, потеешь...» А я действительно потею... постоянно потею. Дефект с рождения... Понимаете? Обидно!

— Очень.

— Вы бы могли хотеть близости с женщиной, которая вам это сказала?

— Нет.

— Значит, вы меня понимаете... Мужчина всегда должен себя чувствовать защитником женщины, ощущать свою силу подле нее, а когда ему говорят... Словом, я написал ей записку и уехал... Мне рассказывали, что она хотела покончить с собою, приняла снотворное, еле откачали, а потом, когда вернулась к нашей хозяйке — мы снимали угол на Васильевском, — она якобы сказала: «Слава богу, что это кончилось, не начавшись. Мужчина должен быть добытчиком, его бояться надо — тогда только женщина будет счастлива. Будь проклято равенство, пусть здравствует рабство!» Понимаете? Ну? Что мне было делать?

— Где вы встретили Аню в Сочи?

Львов странно усмехнулся:

— Около магазина кулинарии... Она выходила, а мы с женой шли взять котлет из свеклы для детей...

«МВД СССР, ГУУР. Судя по показаниям Львова, на Рице убита Петрова. Убийство совершено после первого декабря. Костенко».

«Костенко. По месту нахождения. В семидесяти метрах от той ямы, где обнаружен труп неизвестной женщины, миноискатель определил топорик, закопанный на глубину тридцати сантиметров. Топорик остро отточен, производство, по заключению экспертов, не русское. Сушишили».

«МВД СССР, полковнику Сушишили. Прошу срочно отправить топор в маганское управление майору Жукову для предъявления на опознание шоферу таксомоторного парка Цыпкину, предупредив об ответственности за дачу ложных показаний. Костенко».

29

В доме бегали, падали, кричали, смеялись, плакали, веселились трое малышей-погодков, две девочки и мальчик. «В доме счастье», — подумал Костенко и сразу почему-то вспомнил тот вечер, когда Маша ушла в больницу делать первый аборт, а было им тогда по двадцать три года, она училась, он начал работать в МУРе, зарплата — сто десять (тогда, правда, звучало лучше, тысяча сто), комнаты не было, снимали угол в Кунцеве, испугались. Простить себе этого Костенко не мог, но он к этому пришел не сразу, такое сразу и не понимаешь вовсе, только с годами, отдаваясь от самих себя (ибо молодость и есть единственно истинный ты), начинаешь понимать всю невозвратимость, преступную невозвратимость случившегося. Господи, ну утились бы втроем, ну, отказали бы себе еще в двух порциях мяса, черт с ним, разве ж хлебом единым живы?! Зато сейчас человеку было бы уже двадцать пять лет...

— Вы проходите, проходите, пожалуйста, — как-то открыто, радостно пригласила Галина Ивановна, приемная сестра врага, за которым шел Костенко. — Я их скоро спать уложу, они у меня спят при открытых окнах, сразу утомляются. Садитесь, располагайтесь, чай сейчас будет готов...

«Будь я проклят, — подумал Костенко. — Если бы она была одна, я бы спокойно выполнял свой долг, а мой долг сейчас состоит в том, чтобы быть хамелеоном, а здесь бегает эти люди, прекрасные, лобастые люди, у всех младенцев лбы Сократов, как интересно, а! Мужчины начинают понимать красоту младенца только в моем возрасте, дожить бы до дедовства — вот счастье, а! Как бы по дереву незаметно постучать-то?»

Галина Ивановна унесла детей, уместив их всех — каким-то невообразимым, стремительным движением — в одной руке. Они обвили ее шею, голову, начали кричать Костенко: «Даданьи, даданьи!»

— До свиданья, люди, — сказал Костенко, прокашлявшись, — спите на здоровье.

Женщина вернулась быстро. В комнате, где стояли кровати, была уже тишина; может, и не заснули еще, но мать сумела приучить их к тишине в спальню комнату.

— Сейчас, — сказала она, — теперь я пушу других детей, они болеют, я боюсь, что мои их затискают.

Она открыла дверь на веранду, и оттуда влетели четыре щенка, южнокрымские бело-желтые овчарки, ринулись кругами по комнате, скулили, лизали ноги хозяйки, прыгали, сшибая друг друга, только б первому тронуть носом руку божества.

— Сейчас, — сказала Галина Ивановна, — они тоже быстро устанут, только-только оправятся, уколы-то я им вкачала свои, от души...

Щенки действительно устроились около ее ног, когда она села напротив Костенко.

— А теперь давайте говорить, — открыто и добро улыбнулась женщина, — мне сказали, что вы из газеты...

— Меня просили написать о самом интересном в крае... А самое интересное — судьбы людские, вот почему я начал с визита к вам.

— Как доктор говорите: «начал с визита». Так старые доктора выражались...

— Расскажите о себе, Галина Ивановна, о своей жизни...

— А что рассказывать-то? Счастлива я — и все тут. Дети, муж, собаки, живность... Соседи хорошие...

— Сначала сказали о живности, а потом уж соседи?

— Конечно, — удивилась женщина, — а как же иначе? Животные хоть и лишены слова, но они ж наши «меньшие братья»... В чем-то нас лучше, я в это верю... У них чрезвычайно развито чувство благодарности; посмотрите в коровьи глаза — вам страшно станет, если вы еще до конца не заурбанизировались...

— «Дай, Джим, на счастье лапу мне, такую лапу не видал я сроду», — прочитал Костенко.

— Именно... Вы замечали, как собаки и кошки кладут свои руки вам на колени? — спросила женщина, ненавязчиво поправив Есенина. — Возьмите собаку за руку, поговорите с ней, и вы почувствуете, как живет ее ладонь, что, пожалуй, их руки более жизненны, более чувствительны, чем наши...

— Когда вы ощутили в себе такую любовь к животным?

— Когда впервые столкнулась с людской несправедливостью.

— Когда это случилось?

— Когда отец ударил маму...

— Простите... Это вы о родном отце?

— Родного я не видала. Я считала, что Кротов и есть мой отец...

— А отчего он ударил маму?

— Она гладила ему пиджак, черный у него был, английский, он его за всю жизнь только раз пять и надевал, а я котенка принесла. Он мяукал, и мама стала его кормить кефиром с пальца. Тот сосал палец, успокоился, не плакал, а потом запахло дымом: про утюг мама забыла... Прибежал он... Ну, и ударил... С тех пор я перестала его воспринимать — какое-то черное пятно перед глазами.

— Но мама умерла, не пережива смерти Кротова, разве нет?

— Привычка это... Не инстинкт, как у животных, не врожденный, а именно привычка... Ниже это по сравнению с духовным миром животного...

— Вы после этого случая и уехали от них?
— Не сразу. Я ведь еще училась, да и маму было жаль...

— Они очень страдали по Коле?
— Свыклись. Сначала надеялись, что вернется, очень ждали в пятьдесят шестом, думали, сидит, не пишет, не хочет отца подводить, знаете, как тогда на репрессированных родственников смотрели... А он еще давал уроки на дому, а за это сразу б погнало из школы!
— «Он» — это... Кротов?
— Да. Мне невозможно называть его отцом...

— Культа сына в доме не было? Борца за Родину? Погибшего солдата?

— Он не любил громких слов... Держал фото у себя над кроватью — и все.

— А сам воевал?

— Нет.

— Значит, считаете, зло ближних неминуемо порождает какое-то особое чувство противостояния, обнаженную доброту, что ли?

— Ну, это вам, пишущим, лучше определять, — ответила Галина Ивановна и вдруг вскочила со стула. — Бог мой, чайник!

С кухни она весело прокричала:

— Ничего, на заварку хватит! Вам покрепче?

— Если можно.

— Можно. Мне дядя присылает из Адлера, он там на фабрике работает, развешивает чай.

— Чей дядя? — спросил Костенко, чувствуя постоянное неудобство из-за того, что не может говорить женщине правду. Но он понимал, что делать этого нельзя: а вдруг Милинко... Какой там, к черту, Милинко! При чем здесь несчастный Григорий Милинко! Пусть вечная память будет солдату морской пехоты Милинко, мы ему воздадим память, вот только найдем Кротова, мы его найдем обязательно, только сейчас надо молчать, потому как может статься, что Николай Кротов решит навестить приемную сестру, спросит про родителей, не полная же он беспамятная скотина? Злодей подчас сентиментальнее нормальных людей... Вдруг ему папину фотографию захочется получить, того папы, который мог маму из-за черного английского пиджака хлостнуть по лицу... Тут много чего-то такого, что может пролить свет на характер Кротова... Поэтому ненавидь себя, Костенко, но сиди, тняи резину, играй, однако сумей набрать столько информации, сколько можно. Деталь решает успех книги или картины; так же и у тебя. Деталь — и операция готова, только деталь точная, бесспорная...

— Из детского дома в последние месяцы никто вас не разыскивал?

— Ну как же, разыскал воспитатель...

— Любили воспитателей?

— Очень. На всю жизнь...

— А как звали того, кто вас разыскал?

— Ой... Я даже не запомнила, он так невнятно сказал, на поезд торопился, сказал, скоро нас всех соберет на встречу...

— Интересно своих питомцев найти, я его понимаю...

«Надо срочно дать ориентировку на Осташков, — понял Костенко, — впрочем, видимо, поздно. Он наверняка должен был поехать к матери Милинко. Или уже был там. Он должен там быть, он наверняка там был, когда только? Почему сейчас? Он должен был навестить «родные» места сразу же после войны. Нет. Тогда боялся бы — вдруг шальная проверка документов, а там одна старуха Милинко на весь район, однофамильцем не скажешься...»

— Вы что задумались? — спросила женщина.

— Да так, лезет в голову разное... Покажите ваш семейный альбом, а?

— А чего ж не показать, покажу.

Костенко долго перелистывал альбом, потом удивленно спросил:

— А где ж Коля?

— Как где? Там. И в осовиахимовской парашютной школе и на аэродроме.

Костенко подвинул женщине альбом, она начала медленно перелистывать страницы.

— Поглядите, это их отец, — она кивнула на спящих щенков. — Красив, а?

— Очень.

— Только глаза желтые, это плохо; желтоглазые — дурни, очень доверчивы, но одновременно злые. Странный симбиоз, да?

— Да, — ответил Костенко, наблюдая за ее пальцами, переворачивавшими страницы, — очень странный.

— А это мой муж. Вы его дождете?

— Зависит от того, когда он возвращается.

— По-разному. Иногда за полночь, он делом живет...

— А это кто? — спросил Костенко, указав на пожилого бородатого человека.

— Дядя Гоша, я ж говорила, который чайник. — Она засмеялась своей шутке. — Из Адлера, брат мамы...

Женщина пролистала альбом до конца, удивилась, начала листать снова:

— Как же так, здесь были три фотографии: Коля в Осовиахиме, на аэродроме и перед уходом в армию...

— Он там бритый был?

— Коля? Нет, с чубом, красивый парень, косая сажень в плечах, копия отца, словно вылитый.

— Галина Ивановна, а отец... Кротов... был жадным человеком?

— А что такое жадность? — задумчиво спросила женщина и снова начала перелистывать альбом; на лице ее было недоумение.

— По-моему, жадность не нуждается в определении...

— Еще как нуждается... Он был расчетлив; чертежник, что ж вы хотите, а один из его дядек ловил собак, сдавал на мыловарню, этим и кормился. Мама ненавидела дядьку. Я помню, когда он однажды заговорил о нем, мама крикнула: «Умоляю тебя, никогда не говори при мне об этом изверге!»

— Почему?

— Какие-то вещи даже у мамы спрашивать неловко. Она тогда побледнела вся, синяки под глазами мгновенно набрякли... Нет, но где же Колины фотографии!

— Ваш воспитатель альбом смотрел?

— Конечно, это ж у нас в традиции — альбомы рассматривать.

Перед тем как показать Кротовой фотографию ее сводного брата, Костенко спросил:

— Вы не договорили, Галина Ивановна... Про жадность и расчетливость...

— Понимаете, мама очень добрая была, ангельской души женщина... Готовится, например, его день рождения отпраздновать, пирогов напечет, самогонки наварит, на водку он денег никогда не давал; а пироги мама делала с луком и картошкой, объединение... С яйцами еще очень любила печь, с грибами; мы с ней часто в горы уходили, грибов насобираем, насущим, а потом всю зиму суп едим, картошка своя, ничего у него можно и не просить... И еще мама икру делала грибную, знаете, какая икра! Ну вот... Поставит приборы на стол, стаканчики там, тарелки, а он только пальцем тычет: «Здесь кто, здесь кто, здесь кто?» Мама отвечает, а он: «Этот мне не нужен, этого морду видеть не хочу, этот слишком болтает, распустился, позволяет себе всякое, от греха, нечего с ним знаться; этого не пуцу, пьяница, начнет песни орать, как в деревне...» Когда умер, на книжке осталось девять тысяч. А черный костюм так себе и не купил...

Костенко достал из кармана пиджака бумажник, раскрыл его, показал фото женщине:

— Этот воспитатель у вас был?

— Ой, батюшки-светы, он!

— Когда он вас навестил?

— Да с месяца, наверное...

— Одет был во что?

— Так он капитан, моряк, в звездах я не разбираюсь, правда... Погодите-ка, а почему вы из газеты — и с этим?

— Я пишу для журнала «Человек и закон», а мы там всякие дела раскручиваем, Галина Ивановна... Он вам адреса, конечно, не оставил!

— Он обещал написать.

«Значит, он сжался перед броском, — понял Костенко. — Он подбывает последние крохи, он не хочет, чтобы хоть что-нибудь осталось после него и в памяти».

— Но он такой же, как на фотографии?

— Покажите еще раз, я его глаза сразу увидела, они запоминаются — глаза человека, знавшего, что такое блокада Ленинграда...

— А как можно такие глаза описать?

— Они очень живые, но в самой глубине — пустота, боль непреходимая, затаенность,

страх перед завтрашним днем... Так мне кажется, хоть я блокаду почти не помню, пять лет всего было... Помню только, каким тяжелым и холодным был кусок хлеба и как в нем пальцы вязли... Как в теплом пластилине...

Она взяла фото, посмотрела:

— Он сейчас в очках, с усами, потолстел...

— Усы седые?

— Знаете, нет... Он вообще почти совсем без седины, шатен, не дашь его возраста, выглядит значительно моложе...

— Это очень опасный преступник, Галина Ивановна. Очень. Если он к вам вдруг придет, вы не вздумайте сказать ему про мой визит. И не покажите вида, что заметили пропажу фотографий... И вот вам телефоны — здешний и московские... А теперь давайте-ка вспомнить все, что только можно о нем вспомнить.

Ретроспектива-VI (Апрель, 1945).

От Осташкова Кротов шел по заросшему большаку, сквозь пустые, словно бы вымершие деревни; несколько деревень он угадал лишь по остаткам труб — все остальное сгорело.

К колхозу «Светлый путь» — всего шесть дворов цело — он подошел под вечер; свернул с большака на опушку леса, присел на пенек и долго изучал дома — хотел проверить себя, определить дом Милинко, соотнося свой анализ с обликом морячка, который, раскачиваясь, шел по лесной дороге под Бреслау.

«Руки у него были хорошие, — вспомнил Кротов, — жилистые у него руки, работающие, значит, топор умел держать, венцы б подвел и крышу мог бы перестелить... А здесь все дома завалились... Хотя война, мужиков на фронт угнали, за четыре года и дворец покосится без глаза, за хозяйством надо каждодневно смотреть, иначе порушится все, отец прав был, когда каждый день наш дом обхаживал; умный у меня батя, пристраивал помаленечку, чтоб зазря никого в зло не вводить, а главное зло — зависть людская; черви завсегда крокодилам завидуют, не зря батя говорил, что крокодил — умное животное и попусту никого не обижает: «Голод не тетка, тогда и хватает, кто попадется под зуб — а ты не попадайся, попал — сам виноват».

Кротов поднялся, решительно пошел к крайнему дому — на наличниках еще угадывалась краска, и крыша, как новая, выделяется среди других — убогих, плешивых: молодец, Милинко, хорошо матери подмогал, не текло у старухи над головой...

Его вдруг передернуло, руки похолодели — убирать так ему еще не приходилось, а что делать-то, придется. Как в письме морячок писал: «Вы у меня, дорогая мама, одна на белом свете, поэтому, пожалуйста, дождитесь моего возвращения, и все тогда хорошо у вас будет, и здоровье поправится». Значит, единственный свидетель. И фотографий штуки три, откуда ж больше-то; одну он у себя держал, порвал я, это хорошо, что дотифа успел, а вот письма ушли, дурак, уроки Луиға забыл: обрадовался, себя сдержат не смог... И ушли те письма, ушли океанские, с фото ушли и адресов не помню, лучше не думать об этом, руки опустятся, как это Луиға говорил! «Три процента шальной удаче я вам гарантирую. Только исповедуйте дворянство, даже если вы из разночинцев. Дворянство — это особость, это как СС у Гимлера, им — удача».

Кротов открыл дверь — провисжали несмазанные петли, — вошел в темные сени. Услышал мужские голоса, замер. Хотел было тихонько уйти, но, видимо, открывал он дверь слишком уж неосторожно.

— Заходи, кто там! — услышал он мужской голос.

Кротов вздрогнул, но в комнату вошел все же. За столом сидели два солдата; один лет пятидесяти, второй молоденький. Старуха доставала из печи чугун, пахло вареной капустой.

— Здравствуйте, — сказал Кротов. — Мне б только мамашу Грини Милинко повидать, я с ним в одной части...

— Ой, миленький, — заохала старуха — лицо треугольником, и от голода, видать, да и оттого еще, что платочек так повязан был, белый, в черный горошек. — Заходи, сынок, заходи! Вот радость-то! И брат в гости при-

ехал, и племян, и сыночка друг. Садись, садись к столу!

Кротов бросил свой рюкзак в угол, неловко, боком присел на табуретку, старик протянул ему руку:

— Горчаков я, Андрей Иванович, а это сын мой, Иван...

— Лебедев,— сказал Кротов.— Гриша.

— Ну, давай, Гриш, за скорую победу и с возвращеньем...

Выпили, закусили галетами и свиной тушенкой.

— Что ж это я?! — засуетился вдруг Кротов.— У меня ж тоже в рюкзаке кое-что есть к столу...

— Оставь,— сказал Горчаков,— ты не здешний, уважил старуху, пришел от сына, береги на дорогу... Сам-то откуда?

— Из Оболенска... А я ведь, мамаша, принес вам радостную новость: Гриня орден получил и отпуск, так что ждите, вот-вот придет.

— Ой, господи, Андрюш! Ваня! Гриня едет! Господи, вот счастье-то! — Старуха поставила на стол чугунок с вареной капустой, заправленной американской тушенкой, отерла кончиком платка глаза, в которых показались слезы, перекрестилась на образа.— Отец-то не сможет на сына полюбоваться, белы косточки от отца остались...

— Ладно, радости горем не перечь,— сказал Горчаков.— Гриня выжил, и то богу поклонись... Выпьешь, что ль?

— Да как за это не выпить? — то плача, то смеясь, ответила старуха, и вдруг Кротов увидел, что не старуха она вовсе, убрать бы морщины, да покормить — красавица еще, и глаза — с блюдце, синие, северные; неверно говорят, что холодные они, в них жару побольше, чем в иных черных...

Ели молча. Женщина ела мало, по-птичьи, следила, как едят гости, сразу же, как только тарелки пустели, подкладывала еще, не спрашивая...

«А Гретта всегда пыталась: «Еще хочешь?» — вспомнил Кротов свою ювелиршу.— А как ей ответишь, что, мол, хочу? Мы ж застенчивые; хотим, а вслух не произносим; потом злимся, а озлившись вконец, жаждем от сердца».

Выпили еще по одной, женщина и ее родичи петь начали, на два голоса пели; Кротов, сказавшись пьяным, вышел; присел на завалинку, прислонил голову к бревнам — сосна, видно, тепло хорошо держит; впервые за четыре года подумал: «А может, зря я тогда к нему рванул?»

Он свернул «козью ножку» — махорки Роза отвалила от души, — затянулся, закашлялся, самокрутку бросил, втер башмаком в землю; яростно втирал, глубоко; увидел червя; тот выползал из-под башмака, набегая на самого себя мягко хрящистыми кольцами. Кротов долго наблюдал за тем, как стремительно сокращались эти кольца, как червь уходил от башмака, ну, давай ползи, милый, ползи, думай себе, что спасся, скорее, дальше ползи, ишь, и торопиться перестал, успокоился, вроде людишек тоже; как успокоятся, так и расслабляться начинают, а нельзя, конец это, погибель.

Он дождался, пока червь отполз подальше; крадучись поднялся с завалинки, подошел к твари, опустил на корточки, чиркнул спичкой, поднес ее к голове червя. Тот начал извиваться, откуда только сила в нем взялась такая, словно хлыст бился.

И вдруг Кротов ощутил на себе взгляд — он умел чувствовать взгляд. Он понял, что смотрят на него из окна. Спичку он не сразу бросил, продолжал червя жечь, потом рухнул на колени, сыграл плач, плечами задергал.

«Ну, решай, что будешь говорить», — приказал он себе, — и не вздумай голову поднять, не покажи вида, что почувствовал, как они тебя рассматривали, когда ты божью тварь жег».

Он медленно поднялся с колен, втер червя в землю ногою, провел рукой по глазам, будто слезы убирал, постоял, играя горе, безнадежностью, отчаянием, потом лишь вернулся в дом.

За столом молчали.

Кротов сел на свое место, поднял стакан: — Моего бату, как и Гришиного, тоже черви поели, — тихо сказал он, — тоже белы косточки остались... Мы вместе воевали... В од-

ной части... В окружении были. Я в разведку ушел, семь дней блуждал по лесу, а вернулся обратно, лежит мой батя, синий уж, и черви в него вползают...

Женщина заголосила, Горчаков сказал:

— Ну, будет, будет...

— Ах ты, сиротинушка, — тихо сказала женщина и погладила Кротова по плечу, — сколько ж сирот ноне на Руси нашей многострадальной! Андрюша и Ванечка тоже сироты, кивнула она на родичей, — моя сестра преставилась, пока они воевали, голода не перенесла; мой мужик сгинул, да, почитай, в каждом дворе мужик потиб, у Татьянихи вон даже дед на фронт ушел, добровольным, так и его убило, хоть и не в окопе был, а развозил харч...

— Ничего, отстроимся, снова жизнь пойдет, — сказал Горчаков.

— Ты мужик, тебе что? — вздохнула жен-

щина. — А бабам как? Мне-то сорок пять, поздно уж, а что тридцатилетним делать?

— Да не плачь ты, душу не изводи, — рассердился Горчаков. — Не на поминки пришли, поплакала — и будет, Гринька-то живой, об сыне теперь думай...

— Гринечка, — тихо повторила женщина, — сыночек мой ненаглядный, обниму, лепешек напеку, он с гречки лепешки любил, а я крупы еще с мирного времени приберегла, прокалинаю в печке, почитай, каждый месяц.

Ванюша рассмеялся:

— Уголья останутся...

— А вы когда обратно, на фронт? — спросил Кротов разом отца и сына.

— Меня демобилизовали, — ответил Горчаков. — Три раны, да чихотка еще открылась... Ванюшка через неделю возвращается. А ты?

Кротов понял, что план его не удался, останется свидетелем, но тронх же ему кончать!

Старуху-то придушить можно было по-тихому, а потом печь разжечь и заслонку закрыть — угорела, мол, и весь разговор...

— Я завтра, Андрей Иванович, — ответил он. Он достал из вещмешка две банки тушенки и пачку с яичным порошком:

— Мамаша, это Гриня велел передать.

Женщина снова заплакала, дорогие подарки унесла за печку; постелила кровать:

— Тут ты, Гришенька, с Андрей Ивановичем отдохнешь, а Ванюшке я на полу перинку брошу, у печки, тепло будет...

Перед сном поговорили о соседях — у кого какие заботы; Горчаков вспомнил лесника, того на фронт не взяли, хромой, надо б у него лес попросить — строиться, может, уважит.

— Батя, — откликнулся Ванюшка, стягивая гимнастерку, — чего ж на мамашиним пепелище строиться? Вечно в сердце боль будет... Лучше на озеро, мамаша оттуда была родом, а так будто на могиле будешь жить...

— Это как понять «будешь»? — спросил Горчаков. — А ты не будешь, что ль?

— Я не буду, батя, я в институт пойду, на инженера учиться, сейчас кто технику знает — берут с руками...

Горчаков начал ругаться с сыном: «Нельзя землю кидать, грех это». Кротов отнес посуду за занавеску, к печке, рассчитав, что старуха пойдет следом, — она и пошла: «Да что ты, сынок, я помою сама!» Он присел на табуретку, заговорил о своей родне — сочинял слезливо, потом перевел разговор на родню старухи.

...Когда все уснули и женщина на печке начала жалостливо, тихонько похрапывать, Кротов поднялся с кровати; Горчаков что-то пробормотал, повернулся на правый бок, потянул на себя одеяло, зачмокал... Кротов подошел к рамочке, висевшей на стене, — там были фотографии, много маленьких фотографий; он эту рамочку сразу приметил. Гриня Милинко был в морской форме, фото маленькое, тусклое; второе фото получше; снят в группе; третье — ребенок еще. Военные фотографии он вынул из рамки, долго их рассматривал: кто знает, может, Ванятка этот самый по нужде захотел, или старуха голову подымет, нет, посасывает, спит... А может, притворяется? Ты что, сказал себе Кротов, ты куста не шарахался, старуха твою школу не кончала. А червь? Они это не забыли. Или забыли? Я ж слезу про батю подпустил; ничего, батя простит, главное — мне выцарапаться. Ну, спросят, зачем фото взял, коли заметили, тогда что? А ничего. Скажу, аппарат у меня трофейный, переснять хотел, большие напечатаю, а то чего ж огрызки висят...

Кротов положил фотографии в орденскую книжку Милинко, держал ее не в гимнастерке, а в карманчике на нижней рубаше, потом передумал, вдруг придется книжку раскрыть, вдруг фамилию заметят; сунул между документами, лег рядом с Горчаковым, уснуть не мог, ждал рассвета.

Поднялся сразу, как только услышал, что женщина проснулась.

— Мамаша, — прошептал он, — дай солдатику поспать, а я пойду.

— Да ты что, сынок, — откликнулась она, — как же?! Я чайку нагрею, так нельзя идти, дорога-то долгая...

— Свою мамашу тороплюсь повидать — к вам первым пришел...

— Ну так хоть холодного чайку выпей да хлебушка съешь...

— Я хлебушка на дорогу возьму, мамаш, а водички выпью с ручья, тут у вас ручьи чистые.

Женщина проводила его на крыльцо, перекрестила, утерла глаза. Уже возле леса Кротов оглянулся — она по-прежнему стояла на пороге. Помахала ему рукой, снова вроде бы заплакала...

«Кто технику знает — берут с руками», — повторил про себя Кротов слова Ванюшки. — А меня так научили машину водить и мотор чувствовать, как здесь хрена научат. Теперь скорониться надо, уходить в глубинку, войне конец, неделя, две — и точка, профукал Адольфа свою страну и меня профукал с моими мечтами, чтоб ему ни дна ни покрышки, психу усатому; и нашему очкарику, Власову-освободителю, — туда же!»

Продолжение следует.

ИДЕТ СТРАДА

Кто не знаком с Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР Ниной Васильевной Переверзевой, кто не знает профессию этой женщины, тот при встрече с ней вряд ли подумает, что перед ним заправский комбайнер, отдавший десятки лет жизни нелегкой работе на степных кораблях. Внешне она ничем не выдает свою причастность к «мужской» профессии. Но за милой ее женственностью — сильный характер и воля, талант незаурядного механизатора, умеющего руководить людьми, самоотверженно работать, преодолевать трудности. Коллектив уборочно-транспортного звена коммуниста Переверзевой еще в прошлом сезоне завершил выполнение пятилетки, намолотив четырем комбайнами «Колос» четыреста тысяч центнеров зерна. В нынешнем году ее звено обязалось с тем же количеством комбайнов убрать еще не менее ста тысяч центнеров хлеба.

— Это будет наш подарок XXVI съезду партии, — говорит Нина Васильевна.

Курс взят на использование уборочной техники с максимальной нагрузкой. Как и прежде, звено действует по-ипатовски — в «ударный кулак» собраны комбайны и автомашины, счет времени идет на минуты. Темпы нарастают день ото дня, суточная выдача зерна из бункеров доведена до четырех тысяч центнеров.

Лето нынче на Дону небывало жаркое. В последние дни июля температура в тени достигала 32—35 градусов. Нелегко и людям и машинам. Комбайны работают с большой нагрузкой, и механизаторы все время на чеку: нельзя допустить малейшего сбоя уборочного конвейера. Помогает взаимовыручка. Напарник Нины Васильевны на комбайне — ее муж, Николай Петрович. И нередко случается так, что она, поручив ему постоять за штурвалом лишний час-другой, сама отправляется помогать другим экипажам. Любу Калугину подбодрит, Зине Забродиной что-то посоветует — глядишь, и дела у подруг пошли веселее.

Так уж повелось в пору страды: для механизаторов Дона звено Переверзевой — правый фланговый, на которого держат равнение даже такие асы жатвы, как Герои Социалистического Труда Н. Бочкарев, Д. Бугаенко, А. Лилейченко, В. Теплухин, ежедневно интересуются, а как там дела у Нины Васильевны. В горячую пору уборки не дает она им своими успехами покоя. Идет живое, гласное, на виду у всех соревнование.

Хлеборобы Ростовской области в нынешнем году включили в уборку 13 тысяч 500 жаток, 19 тысяч комбайнов, почти 40 тысяч автомобилей. Широко внедряется прогрессивная технология жатвы, созданы 1148 уборочно-транспортных комплексов. По инициативе егорлык-

ских колхозов и совхозов применяется районный уборочный конвейер по суточному графику. Забегая несколько вперед, скажем, что инициаторы этого метода скошили зерновые колосовые за три рабочих дня и закончили обмолот на площади 58 тысяч гектаров за десять рабочих дней.

Гул моторов не умолкает в Донской степи ни днем, ни ночью. По двадцать и более часов в сутки комбайны-агрегаты находятся в загонках. Подвижные отряды мастеров-наладчиков прямо в борозде ведут наладку машин.

Более трех миллионов гектаров зерновых колосовых и зернобобовых предстоит убрать нынешним летом колхозам и совхозам области. Дело архитрудное еще и потому, что немалая часть посевов покручена, положена ветрами. Есть участки низкорослые, засоренные. И тем не менее хлеба скошены почти полностью, а на площади в 1,5 миллиона гектаров закончен обмолот.

Днем нещадно опаленные солнцем, ночью озаренные блеклым лунным светом, мчатся по дорогам донских степей машины, груженные зерном. Идет продажа хлеба государству. По опыту прошлых лет шоферы широко применяют бригадный подряд, взяв на себя всю ответственность за сроки и качество перевозок хлеба. Многие из них показывают высокое мастерство. В зерноградском районе бригада Героя Социалистического Труда Бориса Алексеевича Калининченка — в ее распоряжении 14 автомобилей марки «ЗИЛ-130» и «КамАЗ» — за сутки перевезла на элеватор 3870 тонн хлеба. Восемь сменных норм! Об элеваторе этом не скажешь «рукой подать»: 20 километров до него.

Как всегда, среди лидеров — совхоз «Гигант». В едином комплексе здесь вели косовицу хлебов, обмолот и вывозку зерна. В этом году совхоз выполнил пятилетку сдачи хлеба государству — 230 тысяч тонн. Это на 63 тысячи тонн больше, чем было продано в девятой пятилетке.

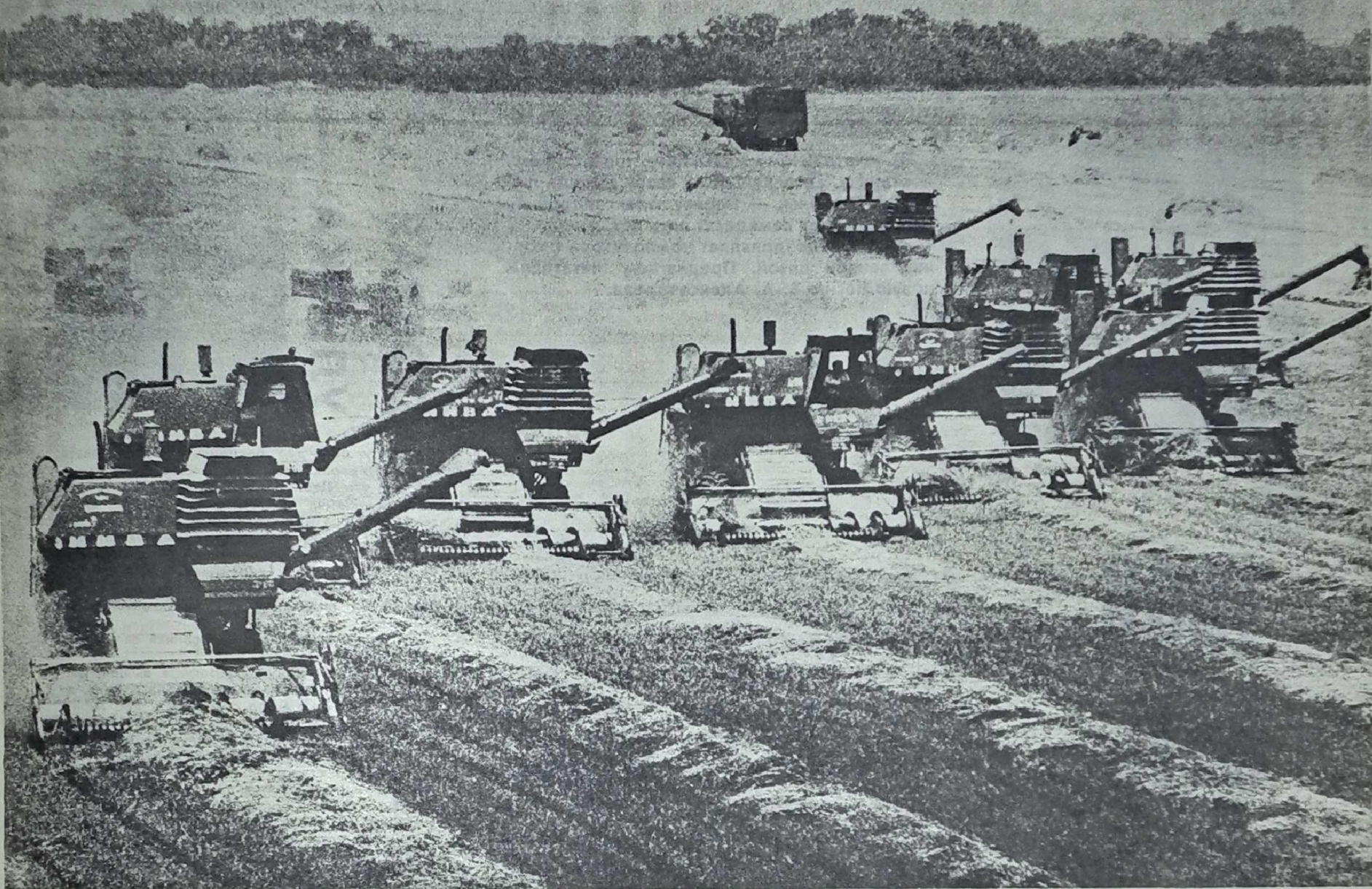
Фронт уборочной страды уже продвинулся из южных районов на восток и север. Сюда перебрасывается освобождавшаяся техника, переезжают механизаторы. Колхозы и совхозы области уже продали государству более миллиона тонн зерна нового урожая, в том числе 260 тысяч тонн сильной и ценной пшеницы. Идет настойчивая борьба за то, чтобы успешно выполнить народнохозяйственный план по заготовкам хлеба в завершающем году пятилетки.

И. ФЕДОТКИН,
корреспондент газеты «Молот»

Фото А. Нагальяна

Ростов-на-Дону.

Подбор валков озимой пшеницы.

Коллектив уборочно-транспортного звена Героя Социалистического Труда Нины Васильевны Переверзевой: В. Т. Вережкин, З. М. Забродин, Н. П. Переверзев, Н. В. Переверзева, В. Ф. Калугин, Л. Ф. Калугина, Н. Т. Забродин.

Замечательному музыканту, талантливому песеннику, воспевающему славу и мощь любимой Отчизны, — Борису Александровичу Александрову семьдесят пять лет.

«Огонек» поздравляет композитора с торжественной датой. Предлагаем читателям новую песню Б. А. Александрова.

ТВОЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

ПЕСНЯ О 18-й АРМИИ

Стихи
Сергея БЕНКЕ

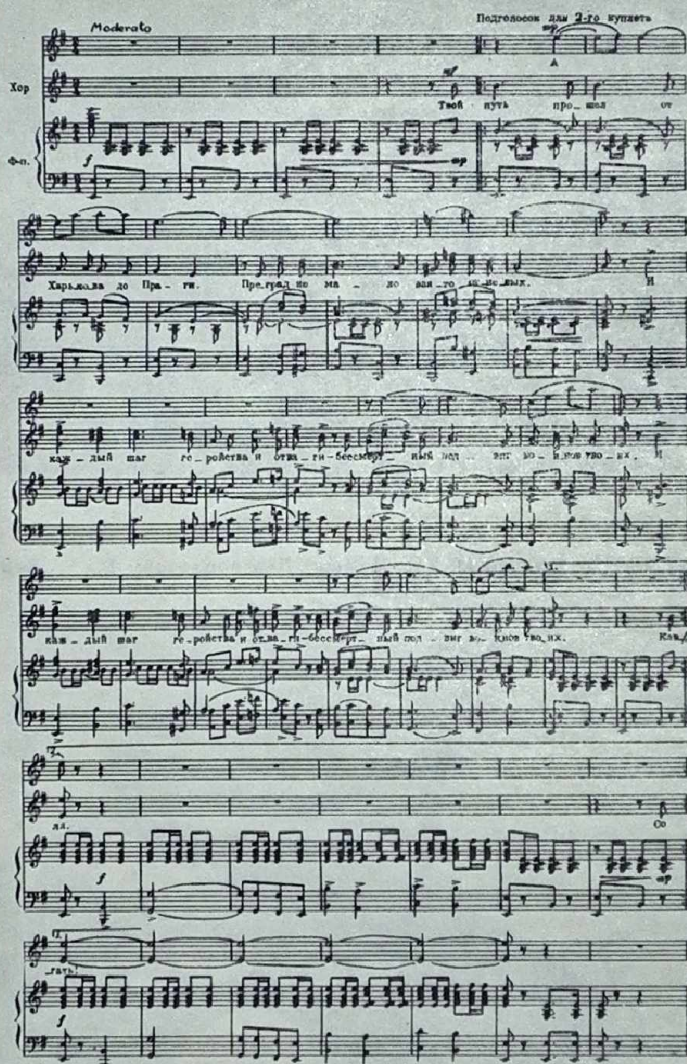
Музыка
Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Твой путь прошел от Харькова до Праги.
Преград немало взято огневых.
И каждый шаг героизма и отваги — } 2 раза
Бессмертный подвиг воинов твоих.

Кавказ и Днепр, сражение за Карпаты,
Легендой стала Малая земля.

Друзьям помочь на запад шли солдаты, } 2 раза
Свободы свет неся от звезд Кремля.

Советский воин, будь всегда на страже —
Стране Советов враг грозит опять,
Но не боимся мы угрозы вражьей, } 2 раза
Мы — начеку! И нас не запугать!

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЕОНИДА ЛЕНЧА

ДОБРАЯ УЛЫБКА

Остроумие — дар бесценный, претендовать на него неловко и опасно, писать о нем трудно. То, что Леонид Сергеевич Попов, он же Леонид Ленч, известный советский писатель-сатирик, обладает этим бесценным даром, ни у кого не вызывает сомнения вот уже почти полвека. Ясно и другое — претендовал на этот дар в пору своей молодости этот человек не напрасно. Его по-прежнему читают и любят почитатели юмористической литературы.

Вот что рассказывает «виновник» сегодняшнего юбилея:

— На литературную дорогу я вышел как поэт в 1922 году. Я жил тогда на Кубани, в Краснодаре. Мне было семнадцать лет, лирические волнения и страсти одолевали меня, вредно отражаясь на моей служебно-общественной деятельности и на моей академической успеваемости студента.

Успев тиснуть десяток-другой стихотворений под фамилией «Леонид Солнцев», тогда еще начинающий литератор перекалфицировался в фельетониста краснодарской газеты «Красное знамя». Там-то и появляется впервые этот необыкновенно удачный, звучный, вкусный, лукавый псевдоним — Ленч.

А писать юмористические и сатирические рассказы молодого провинциального журналиста надоумил и подтолкнул Евгений Петров. Однажды, подобно пушкинскому персонажу, Ленч стал душить его трагедией в углу, то есть прочитал известному писателю несколько фельетонов-новелл подряд, один за другим, и Евгений Петров, улыбаясь и посмеиваясь, выслушал все это и сказал, по-южному шипяще и мягко выговаривая согласные звуки: «Слушайте, вам же нужно писать не фельетоны, а рассказы!»

Пишет Леонид Сергеевич смешно, интересно, весело. В нем живут сила неистощимой выдумки, молниеносных острот, обилие комических ситуаций, своеобразный «ленчевский» лиризм. В нем нет мрачной иронии, «черного юмора». Во всех его бесчисленных рассказах, фельетонах, юморесках, скетчах, пьесах — жизнеутверждающая добрая интонация. Ленч мастерски следует основной задаче сатиры — утверждать добро, положительное начало в нашей жизни.

Салтыков-Щедрин сказал как-то, что для того, чтобы сатира была действительно сатирой, надобно, чтоб она вполне ясно осознавала тот предмет, против которого направлено ее жало. Жало едкого сарказма произведений Ленча направлено против бюрократов, приспособленцев, лентяев, халтурщиков, клеветников. Пера Ленча, много лет отдавшего работе в журнале «Крокодил», в юмористических отделах многих газет и журналов, страшатся те, кто боится острой правды.

В недавно изданной книге «Душеспасительная беседа» есть очень емкая и умная фраза «не о том прошлом, которое нужно преодолеть, а о том, которым надо гордиться».

И читатели Л. Ленча гордятся тем, что, преодолевая прошлое, продолжают его смех, его книги, его работа в литературе.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

РОДНИК ПОЭЗИИ НАРОДНОЙ

В авторском предисловии к первой книге Михаила Исаковского «По ступеням времени» говорится: «Шестнадцать стихотворений, помещенных здесь, являются первым камнем того творческого здания, которое я буду строить в течение всей своей жизни». Об этой жизни, об этом «творческом здании» писатель Евгений Осетров написал интересное и во многом полемическое исследование. Рассказывая о судьбе выдающегося советского поэта, автор вникает в исторические судьбы песенного творчества народа, ибо размышлять об Исаковском — значит размышлять о песенной лирике, о ее особенностях. И наоборот: говорить о современной песне — значит говорить и об Исаковском. Воистину до сих пор остается в силе немногословный отзыв А. М. Горького: «Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью».

Книга Е. Осетрова — о творчестве поэта, ушедшего из жизни семь лет назад, об искренности в искусстве, об органическом единстве личного облика художника с его творчеством, о простоте и сложности в поэзии. Вот ведь, рассуждает автор, немудрящие слова ставил Исаковский рядышком друг к другу, но вызывают они сложнейшие переживания в душе, заставляют задуматься о чем-то важном в жизни: о ее красоте, о памяти прошлого, о доброте человеческой. Исаковский писал только о том, что переживал сам, о том, чем живут люди, и творчество его — своеобразное эхо народной жизни.

Увлекает книга и разговором о песне, о песенном тексте. В чем же секрет живучести песен на слова Исаковского, спрашивает автор.

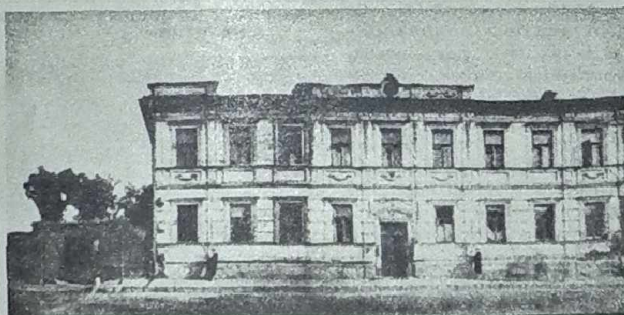
Может быть, в том, что известный поэт не писал слов на готовую мелодию, может быть, в том, что каждая его песня — это прежде всего прекрасное стихотворение? Подлинное в поэзии долго живет в людской памяти. В частности, Е. Осетров возвращается к истории стихотворения «Враги сожгли родную хату» — одного из шедевров послевоенной советской поэзии, пишет о его всечеловечнейшем благородстве.

Современно звучат и страницы, рассказывающие о публицистике М. Исаковского, о его знаменитой статье «Доколе?». Прав ли был поэт, поднимавший голос против «массовой стихотворной продукции с ее культом посредственности», против инфляции поэтического слова? Да, он был прав, во многом эта статья сохраняет и сегодня свою актуальность.

В центральной главе, посвященной судьбе облетевшей весь мир «Катюши», песни, в которой «нет ни одного «сочиненного» слова — все было, есть и всегда будет, — вся правда творчества прекрасного поэта. Правда еще и в том, что М. Исаковский действительно стал «человеком-песней».

Феликс МЕДВЕДЕВ

Е. Осетров. Человек-песня. М. «Советский писатель». 1979. 255 стр.

ПАМЯТНЫЙ ДОМ

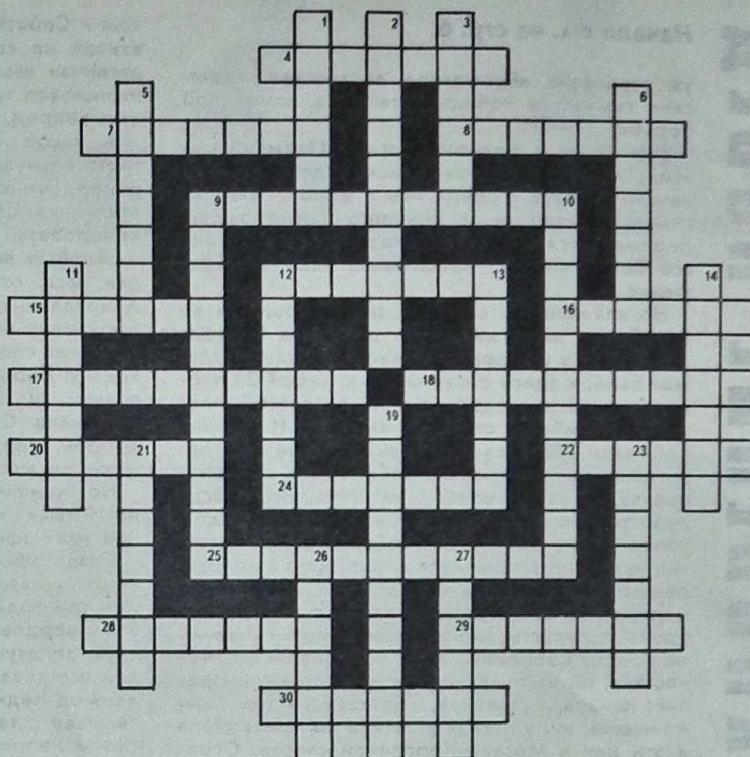
Примечательный уголок литературной Москвы сохранился неподалеку от площади Никитских ворот, там, где улица Алексея Толстого, совершив плавный поворот, устремляется к Садовому кольцу. Музей А. М. Горького, разместившийся в бывшем особняке Рябушинского, соседствует с домом, где жил А. Н. Толстой, а рядом с ними — небольшой деревянный дом на каменном основании, казалось бы, ничем не примечательный, но имеющий интересную литературную историю. Здесь жил, приезжая в Москву, Александр Блок.

«И теперь еще в начале Спиридоньевки, недалеко от Большого Вознесенья, можно видеть белый двухэтажный дом, принадлежавший братьям Маркнет. Когда-то в уютной квартире первого этажа собиралось большое и веселое общество у моего дяди А. Ф. Маркнета... За неимением места у меня я предложил Блоку остановиться в квартире Маркнет... В течение нескольких недель почти каждый вечер мы собирались в пустой квартире... и просиживали с Блоком до глубокой ночи. Успех Блока и Любави Дмитриевны в Москве был большой... Днем я водил Блоков по кремлевским соборам, мы ездили в Новодевичий монастырь», — писал С. М. Соловьев.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ.

На снимке: дом, в котором жил в Москве А. Блок.

Фото начала XX века.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Опера З. П. Палиашвили. 7. Мороженое. 8. Теплое течение Тихого океана. 9. Молочный продукт. 12. Сумка для карт. 15. Углубление на вершине вулкана. 16. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 17. Работник, занимающийся отправкой почты, грузов. 18. Раздел зоологии, наука о рыбах. 20. Стилистическое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 22. Часть круга. 24. Приток Суры. 25. Ученый, основоположник теории межпланетных сообщений. 28. Степная птица. 29. Южное плодовое дерево. 30. Гриб.

По вертикали: 1. Рядовой военного флота. 2. Радиоактивный химический элемент. 3. Центр воеводства Польши. 5. Музыкальный духовой инструмент. 6. Планка для черчения. 9. Город в Ленинградской области. 10. Русский живописец-маринист. 11. Колесная или гусеничная самоходная машина. 12. Кондитерское изделие. 13. Сатирический журнал, издававшийся в Петербурге в XVIII веке. 14. Флотоводец, один из руководителей Севастопольской обороны в XIX веке. 19. Русский драматург. 21. Административно-территориальная единица в СССР. 23. Космонавт, дважды Герой Советского Союза. 26. Союзная советская республика. 27. Жанр устного народного творчества.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 4. Железобетон. 9. Перемена. 10. Оператор. 11. Сулак. 12. Рондо. 15. Почта. 16. Быковский. 19. «Черевички». 20. Апохромат. 21. Лиелупе. 26. Синтаксис. 27. Тильвитис. 29. Дистанция. 30. Стрел. 31. Лядов. 32. Диван. 34. Делакруа. 35. Академия. 36. Антинейтрон.

По вертикали: 1. Бекас. 2. Гоголева. 3. Ленок. 5. Велосипед. 6. Менделеев. 7. «Жаворонок». 8. Роттердам. 13. Тысячелистник. 14. Гидрогеология. 17. Витебск. 18. Капуста. 22. Диспетчер. 23. Стадионар. 24. Тимирязев. 25. Диспрозий. 28. Фарватер. 32. Дания. 33. Нарта.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чемпионы Игр XXII Олимпиады: Людмила Кондратьева (бег на 100 метров) * Юрий Варданян (тяжелая атлетика, вес до 82,5 кг * Александр Дитятин — абсолютный чемпион по гимнастике * Надежда Олизаренко (справа — бег на 800 метров); рядом с ней Ольга Минеева, обладательница серебряной медали.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Итальянка Сара Симеони — победительница по прыжкам в высоту * Советские гимнастки — Стелла Захарова, Наталия Шапошникова, Елена Наймушина, Нелли Ким, Мария Филатова и Елена Давыдова — завоевали командное первенство * Молодой латышский спортсмен Дайнис Кула метнул копье на 91 метр 20 сантиметров * Спортсменки ГДР К. Метчук, А. Поллак и К. Кнаке завоевали все призовые места на дистанции 100 метров баттерфляем * Полевые испытания в конном троеборье * Старт в беге на 100 метров.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международные — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-21-89; Литературных приложений — 212-22-18.

Сдано в набор 14.07.80. Подписано к печати 29.07.80. А 10074. Формат 70x108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1793. Заказ № 2583.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Начало см. на стр. 6.

ук завоевала абсолютное первенство, советские гимнастки победили также в командной борьбе.

Еще были в полном разгаре Олимпийские игры, а квартиры Олимпийской деревни уже начали пустеть. Собирались в дорогу гребцы, гимнасты, стрелки, и эпицентр соревнований перемещался с воды на сушу: легкая атлетика все более властно захватывала наше воображение.

Но как описать события, развивающиеся во все более захватывающем темпе на беговых дорожках, в секторах прыжков и метаний? Может быть, и здесь стоит начать с цифр? За первые четыре дня соревнований по легкой атлетике на трибунах стадиона имени В. И. Ленина побывало 350 тысяч человек, стадион был переполнен и на утренних отборочных соревнованиях, и уж, конечно, на вечерних, когда разыгрывались финалы. (Окидывая взглядом заполненные зрительными трибуны Большой арены, невольно вспоминались сообщения новоявленных «спортивных» журналистов, которые утверждали в своих репортажах, что московские арены полупусты, что зрители на соревнования не ходят.) Свободных мест не было ни на гимнастике, ни на плавании, ни на состязаниях велогонщиков, стрелков, баскетболистов или конников, ну, а легкая атлетика по праву стала в эти дни в Москве Королевой спорта. Огромный был проявленный к ней интерес зрителей. Да это и понятно, ведь в соревнованиях легкоатлетов принимали участие сильнейшие спортсмены мира, и новые мировые и олимпийские рекорды сыпались, как из рога изобилия. Первый день — победа итальянского скорохода Маурицио Дамилано, толкательницы ядра из ГДР Илоны Слупянек и советской пятиборки Надежды Ткаченко, завоевавшей золотую медаль с новым мировым рекордом. Второй день — победа в метании копья кубинской девушки Марии Карidad Колон, установившей новый олимпийский рекорд, победа в тройном прыжке молодого эстонского спортсмена Яака Уудмяэ и английского спринтера Алана Уэллса на дистанции сто метров...

Нет, мы не можем поставить точки на победе Яака Уудмяэ, здесь необходимы некоторые добавления. Молодой эстонец, казалось бы, уже на второй попытке, улетев на 17 метров 35 сантиметров, обеспечил себе золотую медаль, но его старший товарищ Виктор Санеев продолжал борьбу, не жалея сил, и после шестой попытки, прыгнув на 17 метров 24 сантиметра, отодвинул мирового рекордсмена бразильца Жоао Карлоса Оливейру на третье место. Так разве же мы можем не рассказать о спортивном подвиге Санеева?

Электронные машины счетного центра позволили нам мгновенно узнавать результаты прыгунов, а электроника телевизионного центра позволила почувствовать весь психологический накал борьбы. Телевизоры стояли на всех журналистских пюпитрах в ложе прессы, и мы смогли увидеть почти вплотную лицо Виктора Санеева после его шестого прыжка. Это было лицо человека, верящего в победу до последней секунды, и все отдавшего для этой победы, и проигравшего своему молодому товарищу. Санеев сидел на скамеечке точно в такой же позе, как на фотографии, которой была иллюстрирована его статья в № 29 «Огонька», вышедшего в день открытия Олимпийских игр. Статья называлась «Секреты олимпийских побед», и в ней Санеев, рассказывая о молодых своих товарищах, и в том числе о Яаке Уудмяэ, писал: «Отрадно, что новое поколение советской сборной легкоатлетической команды. (а многие из ее участников в год моего олимпийского дебюта в Мехико еще только делали свои первые шаги в спорте) не только жаждет победы, но и уверено в своих силах».

Как же не процитировать этих слов Виктора Санеева после его четвертого выступления на Олимпийских играх? Вот когда Санеев раскрыл нам, в чем секреты олимпийских побед!

И разве и не об этой же удивительной силе духа говорит бронзовая медаль молодого советского бегуна Николая Кирова, который на дистанции 800 метров смело взял на себя инициативу в борьбе с двумя английскими асами, авторами мирового рекорда Стивеном Овет-

том и Себастьяном Коэ. Киров не отказался от взятой на себя задачи до конца и заставил англичан выложить все свои силы, а сам финишировал третьим, никого больше не пропустив вперед.

А какое самообладание и вместе с тем трогательную непосредственность проявила рекордсменка мира по прыжкам в высоту итальянка Сара Симеони! Ей одной удалось преодолеть высоту 1 метр 97 сантиметров, и это был ее второй олимпийский рекорд за два часа, отданных напряженной борьбой. А когда она, ликуя, благодарила бурно аплодирующих ей зрителей, Симеони увидела, что польская спортсменка У. Килань, до последней высоты борющаяся с ней за золотую медаль, плачет, и бросилась ее утешать и сама заплакала. Сара была ведь только женщиной, доброй, сердечной женщиной, хотя никто в мире не мог прыгнуть выше, чем она.

Но, конечно, апофеозом эмоций стал бег на 10 тысяч метров, который вылился в поединки трех эфиопских и трех финских бегунов...

Слава эфиопского стайера Мируса Ифтера широко известна: он не проиграл за последние три года ни одного забега, а на сей раз его твердое намерение завоевать олимпийскую золотую медаль в Москве поддерживали два его товарища, тоже отличные бегуны Мохаммед Кедир и Толосса Коту. Кто может потягаться с таким великолепным трио? И вот о своем непреклонном намерении объявили три финских стайера — четырехкратный олимпийский чемпион Лассе Вирен, герой Монреаля, и его молодые товарищи Каарло Маанинка и Марти Вайнио. Что это было за зрелище! Один тактический удар следовал за другим. На беспощадные рывки эфиопских бегунов, непрерывно подменяющих друг друга, финны отвечали своими бросками. Им удалось вклиниться между тремя лидерами, предложить свою тактику, но тут не выдержал скорости Вайнио, и задача двух других финских бегунов значительно осложнилась. Но несмотря на это, Вирен и Маанинка продолжали вести борьбу, а когда за 300 метров до финиша Ифтер, наконец, нанес свой знаменитый удар, мгновенно взвинтив темп до спринтерского напряжения, его скорость подхватил Маанинка. Он и финишировал вторым, оставив позади двух соратников Мируса Ифтера, а стадион встретил громовой овацией и первую четверку и непреклонного Лассе Вирена, закончившего бег пятым.

Да, это был бег, достойный занять место рядом с бегом Владимира Куца в Мельбурне, где он дал бой знаменитым английским стайерам и победил. Стадион еще долго не мог успокоиться, обсуждая все подробности этой борьбы на двадцати пяти кругах, а мы еще раз благодарили телевидение, которое дало нам возможность увидеть рядом с собой Мируса Ифтера, его лицо, дышащее вдохновением победы.

Лицо другого знаменитого атлета, Гайдо Кратчмера, мы не смогли увидеть ни на экранах телевизора, ни на арене стадиона, такой фамилии не было среди участников десятиборья. И вместе с тем Кратчмер был среди нас на стадионе и вместе с нами наблюдал за движением к победе английского десятиборца Дейли Томпсона. Кратчмер, десятиборец ФРГ, недавно улучшил мировой рекорд в десятиборье, принадлежавший Томпсону, и вот был лишен возможности принять участие в споре сильнейших десятиборцев мира на XXII Олимпийских играх. Каково-то ему было наблюдать за спором английского десятиборца и нашего спортсмена Юрия Куценко, завоевавшего серебряную медаль...

На соревнованиях такого ранга, как Олимпийские игры, радости всегда соседствуют с горестями, тут уж ничего не поделаешь, кто-нибудь да должен проиграть. Но поражение, которое понес Гвидо Кратчмер, конечно, иного рода. Это поражение — еще один результат действий врагов Олимпиады, еще одно доказательство того, что попытки сорвать Олимпийские игры ударили прежде всего по спортсменам, которым был перекрыт путь в Москву.

Когда пишутся эти строки, Олимпиада уже победно движется к своему финишу, с каждым днем растет число ее героев, число рекордов. Олимпиада на наших глазах становится достоянием человечества.

Восьмерка ГДР — на финише.

Виктор Власов — чемпион Олимпиады в стрельбе из малокалиберной винтовки (из трех положений). Фото С. Метелицы (ТАСС)

Лина Качюшите завоевала золотую медаль в плавании 200 метров брассом.

Алан Уэллс (Великобритания) — чемпион в беге на 100 метров.

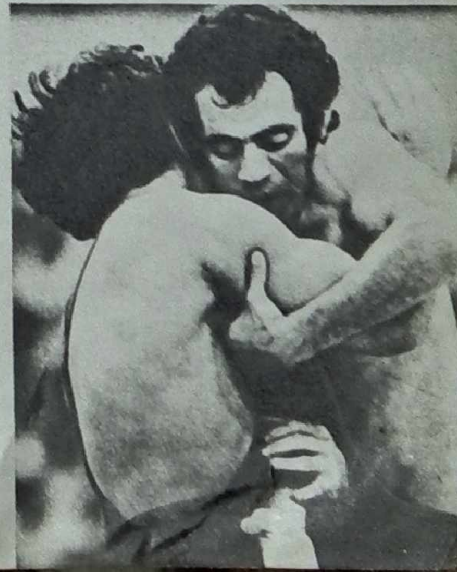

Болельщики из Индии.

Фоторепортеры за работой.

Паскаль Тринке (Франция) —
первая рапира Олимпиады.
Фото Ю. Лизунова (ТАСС)

Олимпийский чемпион
Вахтанг Благидзе
(с п р а в а).

ISSN 0134-2007

Цена номера 35 коп.
Индекс 70443